

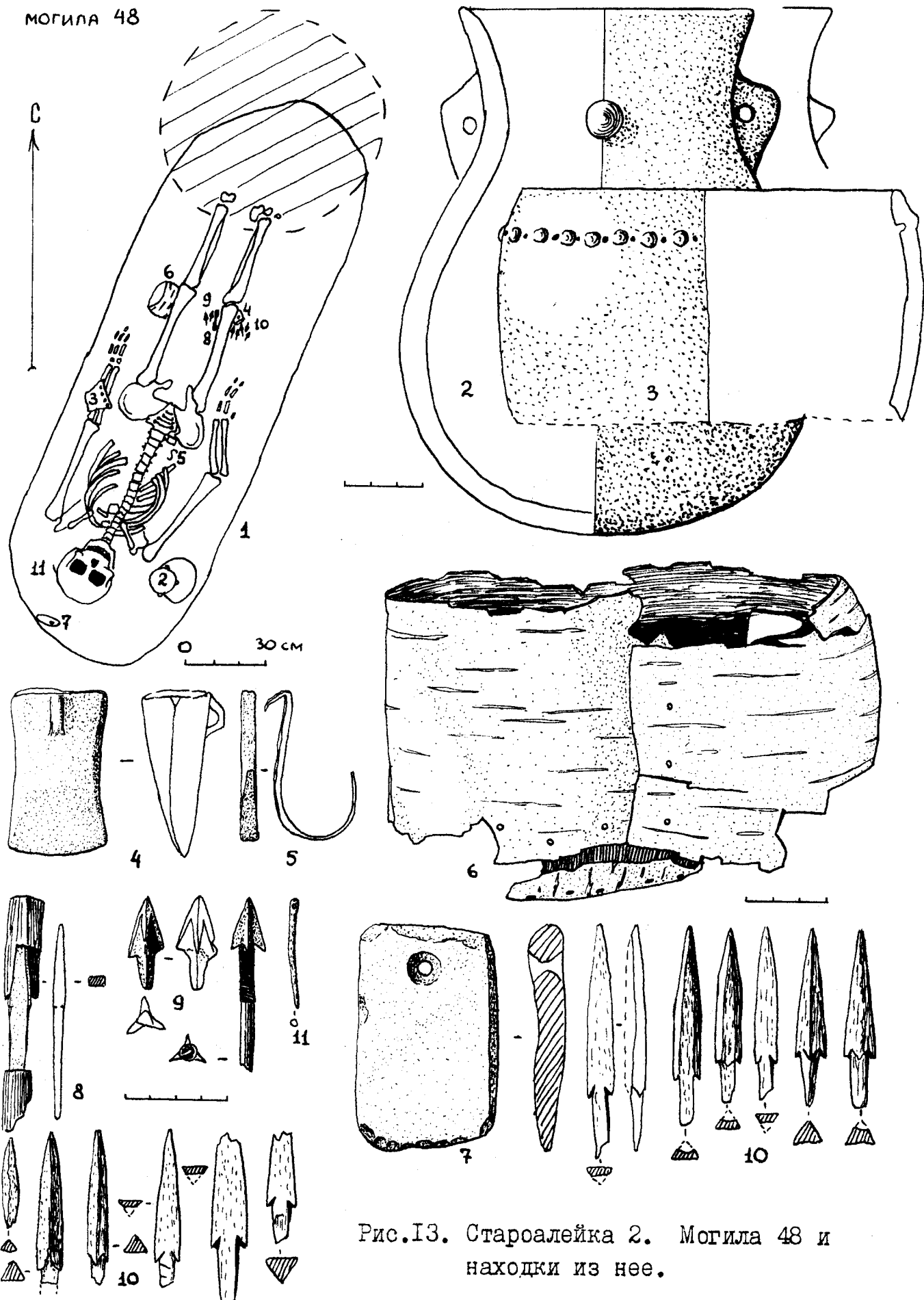

Рис.ІЗ. Староалейка 2. Могила 48 и находки из нее.

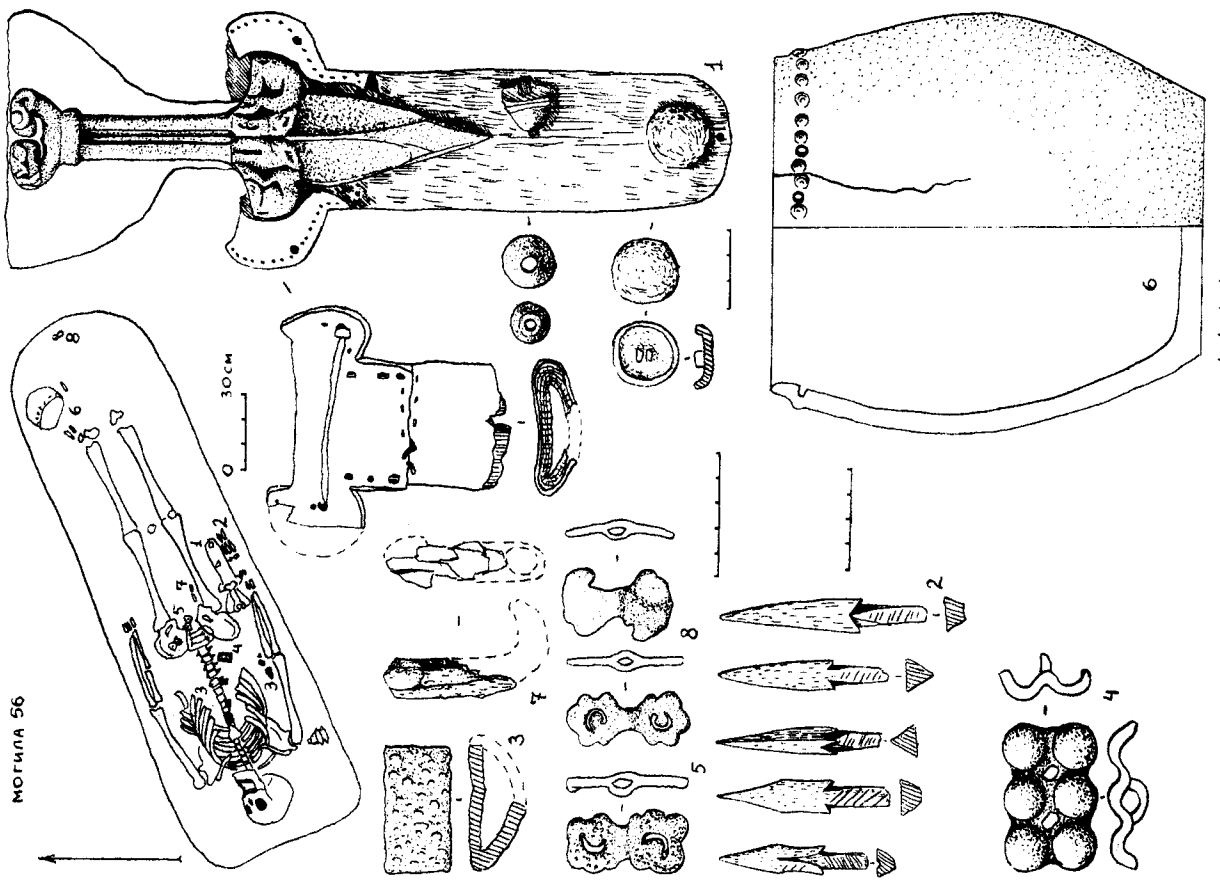

Рис.15. Староалейка 2. Могила 56 и находки из нее.

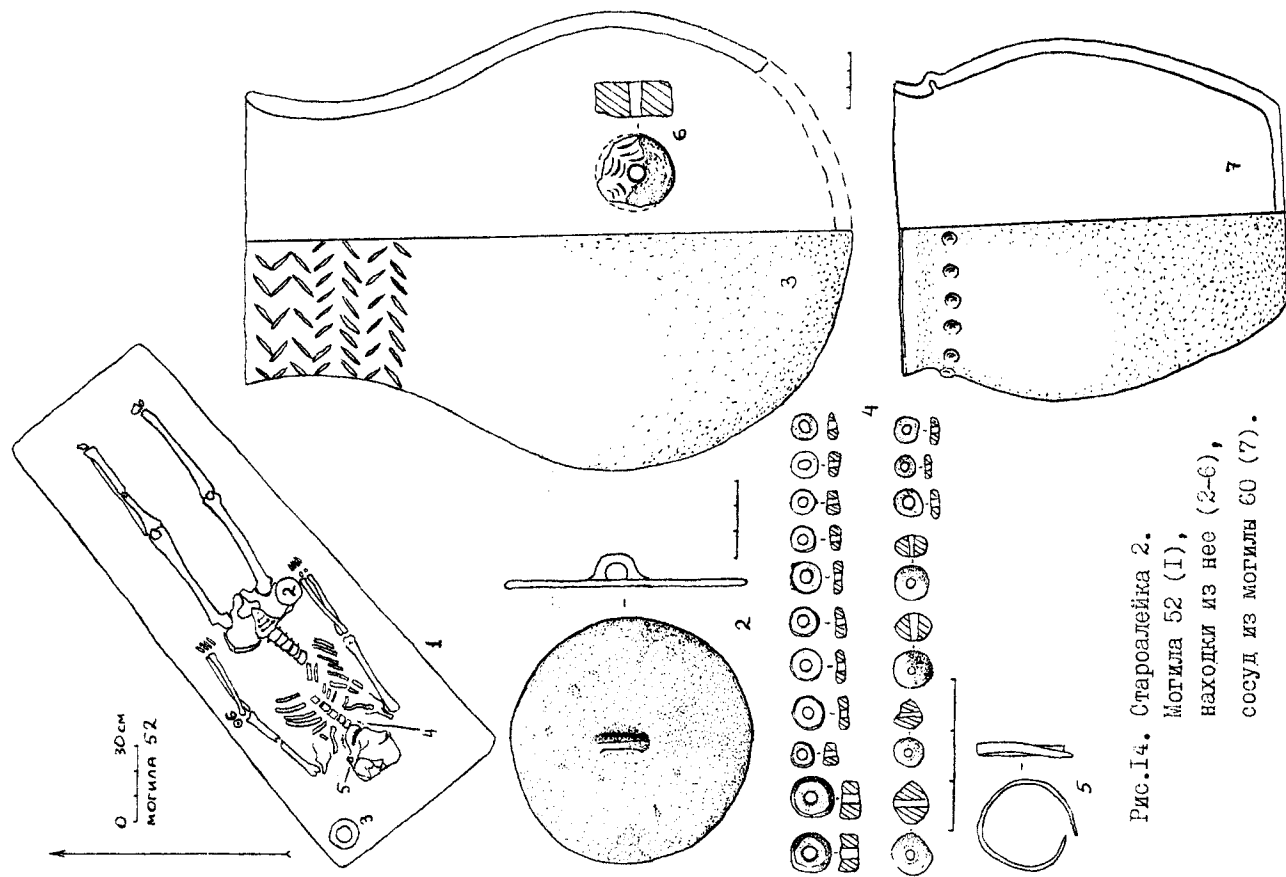

Рис.14. Староалейка 2. Могила 52 (1), находки из нее (2-6), сосуд из могилы 60 (7).

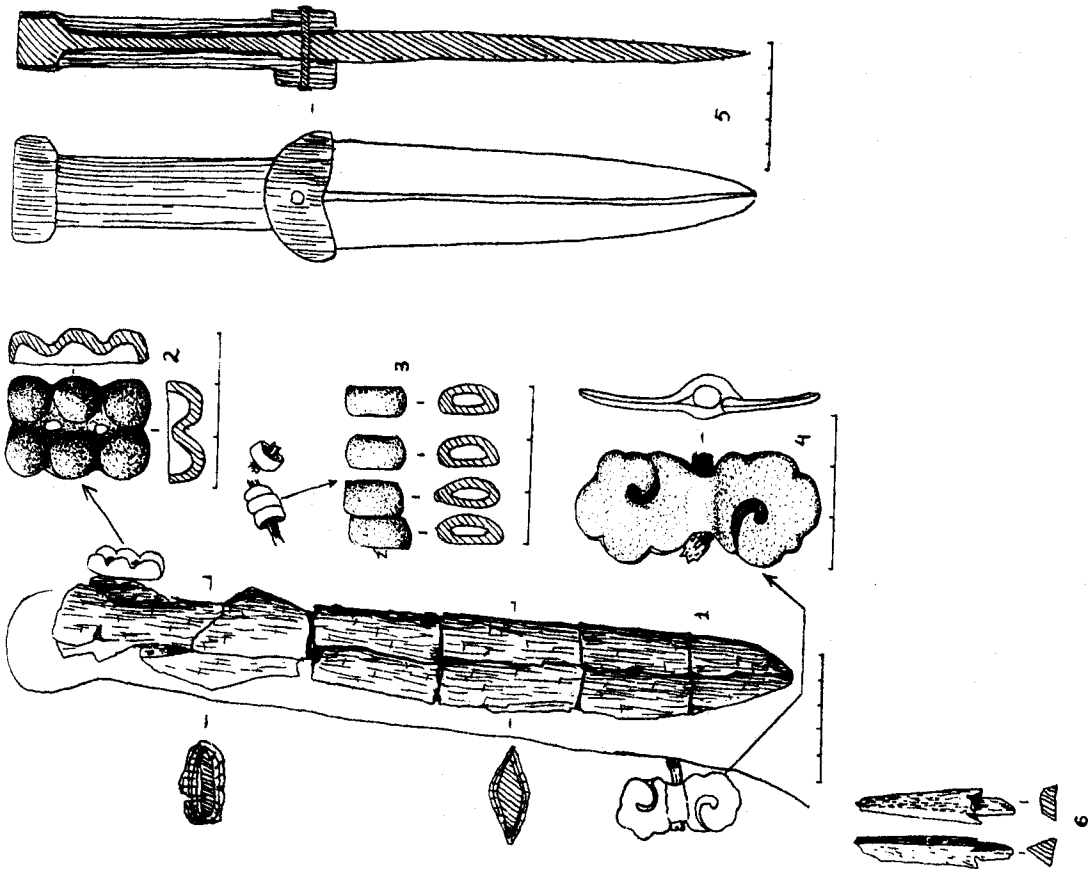

Рис.16. Староалежка 2. Инвентарь из могилы 62.

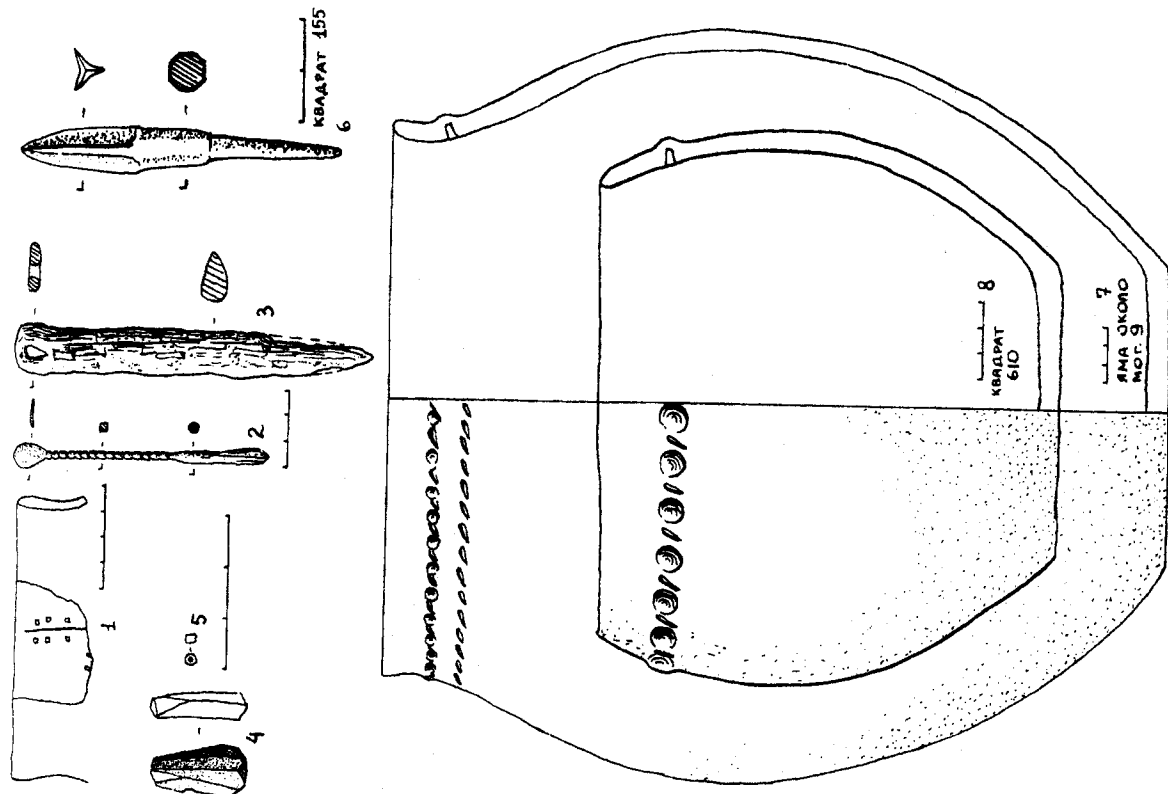

Рис.17. Староалежка 1. Материалы из могилы 1 (1-5).
Староалежка 2. Находки с площади памятника (6 - квадрат 155, 7 - яма (?) в районе могилы 9, 8 - квадрат 610).

ней стороны левой стопы три костяных черешковых и два бронзовых трехлопастных наконечника стрел (рис. 9–5–9). На одном наконечнике сохранились остатки древка, стянутого нитью. Справа от ног стоял раздавленный сосуд, украшенный по венчику жемчужником с разделителем (рис. 9–1). В заполнении могилы встречены следы огня.

Могила 39. Яма подпрямоугольной формы размерами 2,55×0,9 м и глубиной 0,75 м, ориентирована по оси ЮЗ–СВ. Сохранились остатки перекрытия из поперечных досок (8 шт.), опирающихся на край материка. Ширина досок 0,1–0,15 м, толщина 0,03 м. Погребение разграблено. Нетронутыми остались только голени и стопы, судя по ним умерший мужчина лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Находок нет.

Могила 40. Яма подпрямоугольной формы, размерами 2,4×1 м и глубиной 0,65 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЗЗ–СВВ. Вдоль продольных стенок устроены уступы шириной 0,16–0,21 м (углублены в материк на 0,12 м), на которые опирались поперечные доски шириной 0,08–0,15 м, толщиной 0,02–0,03 м (14–15 шт.). Доски были перекрыты 2–5 продольными бревнами диаметром 0,05–0,1 м, провалившимися после сгнивания в камеру. Могила разграблена, нетронутыми остались голеностопы. Судя по ним положение умершей женщины вытянуто на спине, головой на ЮЗЗ. Среди костей найдены позвонки крестцовой части барана, куски мела, угли и обломок гальки. Других находок нет.

Могила 41. Яма подпрямоугольной формы с нечеткими контурами, размерами 0,9–1×0,45–0,5 м, глубиной 0,05–0,1 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЗЗ–СВВ. На дне вытянуто на спине лежал скелет ребенка, ориентированный головой на ЮЗЗ. Слева от головы стоял круглодонный кувшин с елочным орнаментом (рис. 11–1).

Могила 43. Нечеткая овальная яма размерами 2,7×0,9–1,2 м, глубиной 2,95 м, ориентирована по линии ЮЗЗ–СВВ. Сложная конфигурация ямы объясняется тем, что одно погребение, более позднее, разрушило другое, более мелкое и раннее. Ранняя могила имела овальную форму и размеры 2,2×1,1 м. Большая ширина позволила установить первоначальную глубину первого погребения — 0,49–0,55 м от уровня материка. В ЮЗ углу разрушенного пятна найдены обломки сосуда, украшенного жемчужником и двурядной елочкой, нанесенной гребенчатым штампом (рис. 7–4). Остатки человеческого черепа указывают на юго-западную ориентацию умершего.

Вторая, более глубокая могила разграблена, но сохранились остатки сакральной конструкции: рама (сруб ?) из бревен диаметром до 0,1 м, находилась в 0,85 м выше дна на материковых уступах; она перекрыта рядом поперечных плах (0,1×0,05 м), сверху положены бревна диаметром до 0,15 м (прослежено 2 шт.). В потревоженном состоянии на дне ямы сохранились кости голени. Судя по ним, умерший положен вытянуто на спине, головой на ЮЗЗ. Среди разбросанных на дне костей, найдена костяная бусина или пронизка (рис. 12–8). Других находок нет.

Могила 44. Подпрямоугольное пятно размерами 2,8×1,35, глубиной 0,85 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЗ–СВ. Могила ограблена, однако сохранилась сакральная конструкция: в 0,5 м от дна оставлен уступ, шириной до 0,4 м (за исключением ЮЗ стенки); продольные уступы служили опорой для плах–поперечин (0,6–1,3×0,3 м), которых прослежено 17; поперечины (прослежено 4) — бревна диаметром от 0,05 до 0,1 м. Судя по положению перемешанных костей ориентация умершего юго-западная, положение неизвестно, по-видимому, вытянуто на спине. Слева от места расположения стоп стоял крупный сосуд, украшенный жемчужником с разделителем и двумя рядами отпечатков гладкого штампа выше ниже жемчужин (рис. 12–1). В районе головы найдены бесформенные обломки железного предмета, довольно крупных размеров. Среди костей найден костяной черешковый наконечник стрелы (рис. 12–3). Встречены также следы огня.

Могила 45. Неправильно-овальная яма размерами 3×1,4 м, глубиной 1,1 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЗ–СВ. Погребение разграблено, хотя прослежена погребальная конструкция. Яма по указанному контуру была доведена до глубины 0,4 м, а затем по центру выкопана вторая, размерами 2,1×0,6 м. Получившиеся по периметру уступы, шириной до 0,5 м, использовались для опор поперечных плах (прослежено 8 шт.), на которых по центру положено бревно диаметром 0,22 м. На дне в потревоженном состоянии оставались кости ног и кисть левой руки, судя по которым ориентация умершего — ЮЗ. Слева от стоп стоял сосуд, украшенный жемчужником с разделителем и рядом отпечатков гребенчатого штампа ниже (рис. 11–6). В заполнении встречались угольки.

Могила 46. Неправильно-овальная яма, размерами 2,3×1,4 м, глубиной 0,45 м, ориентирована по оси З–В. Внутри ямы, как и в

могиле 45, на глубине 0,6 м устроено другое углубление, ориентированное по оси СЗ-ЮВ (1,45×0,75 м). На дне ямы устроена рама из приставленных друг к другу бревен, диаметром до 0,1–0,15 м, перекрытая шестью плахами шириной до 0,2 м, толщиной до 0,05 м. Сверху поперечины завалены шестью плахами похожих пропорций. На дне, вытянуто на спине, головой на СЗ лежал скелет ребенка. Вещей нет. Возможно, все сооружение следует рассматривать как вариант диагонального погребения.

Могила 47. Подпрямоугольная яма размерами 1,45×0,8 м и глубиной 0,6 м, ориентирована по оси ЮЗЗ-СВВ. На дне прослежено несколько бревнышек, в ЮВ углу стоял сосуд, украшенный рядом жемчужин и двурядной гребенчатой елочкой ниже (рис. 11–5). Возможно, могила 47 — кенотаф.

Могила 48. Яма подпрямоугольной формы, размерами 2,35×0,8–0,9 м, глубиной 0,5 м, ориентирована по оси ЮЗ-СВ. Сакральная конструкция представляет из себя камеру высотой около 0,2 м, потолок которой образуют 11 поперечин-горбылей (0,25×0,12 м) изготовленных из березы. Никаких уступов, на которые бы опирались концы поперечин, не фиксировались. По-видимому, уступы были сформированы из грунта, перемешанного при рытье ямы. Поперечины перекрыты двумя рядами продольных бревен (сечение 0,05–0,25×0,05–0,07). В СВ части ямы прослеживалась линза материкового суглинка диаметром 0,85 м и толщиной до 0,25 м (рис. 13–1). На дне ямы вытянуто на спине, головой на ЮЗ лежал скелет женщины. За черепом, у торцевой ЮЗ стенки найден каменный оселок (рис. 13–7), на левом виске черепа — бронзовая булавка с ушком (рис. 13–11), у правого плеча стоял кувшин с наклепными ушками для подвешивания и сосцевидными налечами (рис. 13–2), фрагмент второго сосуда перекрывал левое предплечье (рис. 13–3). На правой части пояса (над правым крылом таза) находился колчаный крюк (рис. 13–5), на котором, видимо, был подвешен колчан или сумка, содержащая 12 костяных черешковых и два бронзовых черешковых трехлопастных наконечников стрел (рис. 13–9,10), бронзовый одноушковый кельт (рис. 13–4) и бронзовое шило с деревянной рукояткой и чехлом (рис. 13–8). Последние две находки позволяют все же отдать предпочтение сумке, хотя одна из стрел сохраняла обломок древка, стянутого нитью. У левого колена найден берестной тусок (рис. 13–6). В заполнении встречались угольки.

Могила 50. Яма овальной формы размерами 1,8×1,2 м и глубиной 1,15 м от материка, ориентирована по оси СВ-ЮЗ. На глубине 0,5 м яма резко сужалась до 1,45×0,7 м, образуя уступы шириной 0,2–0,25 м. На них опирались концы поперечных плах (0,05–0,12×0,05 м), которых зафиксировано 8 шт. На получившийся потолок погребальной камеры, высотой 0,6 м, были уложены девять бревен, сечением 0,1×0,1 м. На дне, в раме из брусьев (0,1×0,15 м) вытянуто на спине, головой на СВ лежал скелет подростка. У правого плеча найдено пряслице, выточенное из стенки сосуда (рис. 11–4), у левой стопы стоял кувшин, украшенный четырехрядной елочкой (рис. 11–3). В заполнении фиксировались следы огня.

Могила 52. Яма подтрапециевидной формы, размерами 2,1×0,7–0,8 м, ориентирована по оси ЮЗ-СВ. Глубина 0,18 м от уровня материка. Стенки ямы укреплены брусками (0,06×0,18 м), которые перекрыты поперечниками-горбылями (0,08–0,1×0,08 м). Зафиксировано пять поперечин. На дне могилы вытянуто на спине, головой на ЮЗ лежал скелет женщины (рис. 14–1). Слева от черепа в углу ямы стоял кувшин, украшенный елочкой (рис. 14–3). На черепе слева найдена золотая пластинчатая несомкнутая серьга (рис. 14–5), в районе шеи — 18 бусин из янтаря (?), зеленого камня и черной пасты (рис. 14–4). У левого локтя найдено пряслице (рис. 14–6), справа от таза — бронзовое петельчатое зеркало (рис. 14–2). В заполнении встречены следы огня.

Могила 54. Яма овальной формы, размерами 1,78×0,6 м и глубиной 0,1 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЗ-СВ. На дне вытянуто на спине, головой на ЮЗ лежал скелет мужчины. Кости левой ноги смещены в район правой голени. Находок нет, встречены угольки.

Могила 55. Яма подпрямоугольной формы, размерами 2,2×0,9 м и глубиной 1,1 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЗ-СВ. Полностью разграблена. В 0,38 м от дна прослежены поперечные брусья (0,11×0,07 м), концы которых вставлены в подбой глубиной 0,07 и высотой 0,05 м. Количество поперечин не установлено. В погребальной камере в полном беспорядке находились кости мужчины, среди которых найдены шесть черешковых костяных наконечников стрел (рис. 12–4) и обломки круглодонного сосуда с ушками для подвешивания (рис. 12–2). Судя по скоплению обломков черепа, ориентация умершего — ЮЗ, положение, скорее всего, вытянуто на спине.

Могила 56. Яма неправильно-овальной формы, размерами 2,55×1,1–1,4 м, глубиной 0,8 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЗ–СВ (рис. 15). На глубине 0,55 м от уровня материка яма сузилась до размеров 2,2×0,65 м. На этом уровне фиксировались остатки погребальной камеры из продолгин и поперечин очень плохой сохранности (тлен). Встречено множество угольков. На дне, вытянуто на спине, головой на ЮЗ (череп повернут лицом к СЗ) лежал скелет мужчины. У правого плеча найдены позвонки курдючной части туши барана, вдоль позвоночника с переходом на правое крыло таза, прослежены остатки портупей: железные обоймы (рис. 15–3) (4 шт.), бронзовая бляха с шестью «жемчужинами» (рис. 15–4) и остатки железного колчанного крюка (рис. 15–7). На поясе зафиксированы две двухлопастные бляхи (рис. 15–5), третья находилась в СВ конце ямы (рис. 15–8). На крюке висел кинжал в деревянных ножнах, помещенных в кожаный чехол (рис. 15–1). Наличие на ножнах ворворок из бронзы и железной пуговицы свидетельствует о том, что они были притянуты к правой ноге (к штанам?). Справа от кинжала найдены пять костяных черешковых наконечников стрел (рис. 15–2). У левой стопы стоял сосуд, украшенный жемчужником с разделителем (рис. 15–6).

Могила 57. Яма размерами 2,13×0,7–0,9 м, неправильно-овальной формы, глубиной 1 м, ориентирована по оси ЮЗ–СВ. В 0,45 м выше дна могилы сооружена деревянная конструкция, опирающаяся на подсыпку (грунт выкопанной ямы). По периметру были уложены бревна диаметром 0,18–0,2 м, упертые друг в друга на стыках и перекрытые девятью поперечными брусками (0,15–0,2×0,1 м). На дне, вытянуто на спине, головой на ЮЗ, лежал скелет женщины, ориентированный чуть южнее оси ямы (т.е. слегка диагонально). Над черепом найдены позвонки барана, на черепе — две бронзовые, а на груди — три железные булавки (рис. 12–7), одна — со сферическим навершием (рис. 12–12). В районе шеи найдено ожерелье: бронзовая пронизка, две пастовые пронизки, серебряная бусина, пастовая пронизка и пастовая глазчатая бусина (рис. 12–5). За правым плечом находилась чашечка без орнамента (рис. 12–10) и орнаментированное пряслице (рис. 12–6). В ногах стоял сосуд, украшенный по венчику жемчужником с разделителем (рис. 12–9). В заполнении встречены следы огня.

Могила 59. Яма овальной формы, размерами 2,6×1,15 м, глубиной 1,2 м от уровня

материка, ориентирована по оси ЮЗ–СВ. Погребение разграблено. Сохранились остатки погребальной конструкции, опирающейся на материковые подбой (0,1×0,1 м). Прослежены продольные бревна диаметром 0,05 м и остатки девяти поперечных плах (0,05–0,1×0,05 м). Все кости смещены к ЮЗ торцу ямы, где грабителями в поисках ценностей выдолблен подбой на 0,2 м в материк. В СВ части ямы стоял сосуд, украшенный по венчику жемчужником (рис. 12–11). В заполнении встречены угольки.

Могила 60. Яма неправильно-овальной формы, размерами 2,25×1 м, глубиной 0,43 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЗ–СВ. Могила разграблена, в центральной части найдено скопление костей человека, в СВ конце лежал на боку сосуд, орнаментированный жемчужником (рис. 14–7). Рядом с сосудом у северо-восточной стенки найдено скопление пяти камней без видимых следов обработки или использования. Ориентацию и положение скелета установить не удалось.

Могила 62. Яма неправильно-овальной формы, с нечетким контуром, размерами 2,35×1,5–1,1 м, глубиной 0,95 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЗ–СВ. На высоте 0,25 м от материка яма приобрела размеры 2,35×0,9 м. На этом уровне прослежено разрушенное грабителями перекрытие из широких плах и бревен (от 0,1×0,1 до 0,3×0,1 м). Конструкция не установлена, т.к. ее деревянные части смещены к торцам ямы. На дне вытянуто на спине, головой на СВ, лежал скелет мужчины. Верхняя часть скелета (выше пояса) перемешана. Положение умершего прослежено по ногам и некоторым костям рук, сохранившим первоначальное положение. На левом бедре находился железный кинжал с деталями портупей (рис. 16–1): четыре бронзовых пронизи (рис. 16–3), бляха из шести «полусфер» (рис. 16–2) и двухлопастная бляха с остатками ремешка (рис. 16–4). Кинжал сильно окислился, но по некоторым деталям проведена возможная графическая реконструкция этого оружия (рис. 16–5). У левой стопы стоял сосуд (рис. 7–1), на правой голени найдены три наконечника стрел (один из которых сохранить не удалось) (рис. 16–6). В заполнении фиксировались следы огня.

Могила 68. Яма подпрямоугольной формы размерами 2,25×0,95 м, глубиной 1,2 м, ориентирована по оси ЮЗ СВ. Контур ямы в верхней части и ЮЗ половине сильно нарушен при ограблении. На дне вытянуто на спине, головой на ЮЗ, лежал скелет мужчины. Положение умершего восстанавливается

по ногам, т.к. верхняя половина скелета разбросана грабителями. Находок нет.

Другие погребения могильника Староалейка 2 относятся к елунинской и ирменской культурам эпохи бронзы. Кроме погребений на площади памятника встречено несколько очагов, углубленных в древнюю дневную поверхность. Вероятнее всего, их связь с поминальной обрядностью раннего железа. В отдельных очагах, а также в ямах встречается керамика, одновременная могилам. Наиболее интересные находки в таких объектах два сосуда из ямы у могилы 10 (рис. 17-7) и сосуд из квадрата 610 (рис. 17-8). К эпохе средневековья относится железный черешковый наконечник стрелы из квадрата 155 (рис. 17-6).

Южнее могильника Староалейка 2, отделенный ложиной, шириной до 40 м, расположен могильник Староалейка 1. На этом памятнике раскопана могила 1, частично осыпавшаяся в обрыв и разграбленная. В могиле найдены обломки сосуда с имитацией шва (рис. 17-1), бронзовая «ложечка» с перевитой ручкой (рис. 17-2), железный петельчатый нож (рис. 17-3), кусочек граненого гематита (рис. 17-4) и пастовая бисерина (рис. 17-5). Ориентация могилы ССВ-ЮЮЗ, похоронена женщина старше 40 лет, ориентация и положение умершей не установлены (вероятно, вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ). Материалы опубликованы [43].

Как уже нами отмечено, подробный анализ погребального обряда и инвентаря не входит в задачу данной статьи, ибо сделал бы ее объем очень большим, это дело будущего. Однако следует сделать несколько предварительных выводов о характере памятника.

Целая серия хорошо датированных предметов оружия, портупейный наборов, а также деталей поясов (бронзовые бляхи) позволяет датировать публикуемый комплекс концом V—III вв. до н.э. Несомненно его культурное единство, послужившее основой выделения сначала староалейского типа памятников [24], а затем и староалейской культуры [18]. Материалы хорошо стыкуются с более ранним могильником Обские Плесы II (см. статью А.Л. Кунгурова и С.Д. Ведянина в настоящем сборнике), Фирсово XIV [328], датирующихся V в. до н.э., а через эти памятники с раннестароалейскими могильниками 1 и 3 МГК 1 [17, 169], относящихся к концу VII—VI вв. до н.э. Таким образом, предварительно изучены по крайней мере три периода развития этой культуры. Керамические комплексы могильников хорошо коррелируются с многочисленными поселе-

ниями староалейской культуры, благодаря тому, что основную массу погребальной посуды составляет обычная бытовая керамика [11]. Староалейская культура, сложившаяся на местной большепереченской основе, под мощным влиянием сакских племен [17], имеет на всем протяжении своего существования довольно устойчивый погребальный обряд: умершие укладываются в яму, позднее (с сер. V в. до н.э.) в камеру из бревен, горбылей и досок, вытянуто на спине, головой в ЮЗ сектор; могилы грунтовые, образующие ряды, вытянутые с ЮВ на СЗ. Однако к концу IV—III вв. до н.э. происходит смешение староалейского и каменского погребального обряда. Это выражается в появлении многослойных перекрытий, появлении мясной заупокойной пищи (ранее в VII—IV вв. до н.э. она не фиксировалась) и распространении подкурганых могил, соседствующих с грунтовыми. Именно этот обряд и инвентарь из этих погребений послужил основой выделения М.П. Грязновым березовского этапа большепереченской культуры. В 1966 г. М.П. Завитухина отнесла каменные Ордынские курганы V—IV вв. до н.э. к бийскому этапу большепереченской культуры, вслед за ней последовали другие исследователи и яркая и своеобразная культура VII—III вв. до н.э. потерялась в т.н. «большеперечье», куда были втиснуты все памятники второй пол. I тыс. до н.э. от предгорий Алтая до г. Томска и Кулундинской степи. При этом основной упор в поиске аналогий делался на нестареющую монографию М.П. Грязнова. В 1980 г. А.П. Уманский поднял вопрос о разграничении курганных и грунтовых могил и на полтора десятка лет разгорелась дискуссия о правомерности существования двух культур в Верхнем Приобье [287]. Публикации настоящего сборника должны подвести черту под спором исследователей, т.к. вводится в научный оборот совершенно новый материал, подтверждающий точку зрения о существовании двух культур раннего железа на протяжении почти 500 лет. И ни одна из них не является большепереченской, которой отведено достойное место в эпохе перехода от бронзового века к железному [2; 3; 320—322].

Такое большое отступление от темы статьи, на наш взгляд, необходимо для того, чтобы подчеркнуть еще одну особенность Староалейки 2. Этот могильник по погребальному обряду уверенно можно разделить на две хронологические части, датирующиеся концом V — серединой IV вв. до н.э. и второй половиной IV—III вв. до н.э. Материал этому несколько не противоречит. Поводом для выде-

ления двух хронологических частей памятника служат уже упомянутые отличия в обряде, сложившиеся, видимо, под влиянием каменцев, возраставшим от столетия к столетию. Часть могил (№ № 9, 10, 21, 24, 31, 32, 33, 35, 36, 41, 43, 48, 52, 54, возможно 34 и 47) являются грунтовыми. Это подтверждает их относительно небольшая глубина, прослеживающиеся ряды, несложные погребальные конструкции или их отсутствие.

Остальные могилы, видимо, являются подкурганными. Кроме их ограбленности, большей глубины, наличия уступов, сложных конструкций и т.п., можно отметить присутствие семи кувшинов (нетипичная для раннестароалейских памятников черта) с орнаментом сако-каменского круга, сосцевидными налепами, ушками для подвешивания, а в могиле-кенотафе 14 найден сосуд со сливом. Кроме этого, в пяти случаях встречены кости барана, также ранее неизвестный обряд и большое количество железных предметов. Немаловажным доводом служит и ориентация умерших. В первой группе могил она устойчивая: ЮЗ (11 случаев) и ЮЗЗ (пять случаев). Во второй группе разброс очень велик: ЮЗ (11); ЮЗЗ (4); ССЗ (3); З (2); СВ (2); СЗ (1). Кроме этого прослеживается несколько «кругов» захоронений и один ровик, напоминающие каменский сакральный обряд (рис. 1). В то же время, инвентарь ничего общего с каменским и «новосибирским вариантом большебереченской культуры» (по сути дела северной каменской периферией) [277; 279; 280; 291; 292], за исключением предметов «триады», не имеет.

Таким образом, в Староалейке 2 прослеживается рубеж определенного изменения культуры, после которого ее можно именовать позднестароалейской. Этот рубеж, видимо, середина IV в. до н.э. С этого времени распространяется железо (хотя в могильнике не найдено ни одного железного ножа, а в Староалейке 1 в одной только могиле нож есть — рис. 17-3), обычай класть умершему баранину, устраивать сложное перекрытие над камерой, сооружать насыпи и т.д. Види-

мо, насыпи первоначально были небольшими над одной-двумя могилами, а затем и над большим их количеством (могильник Усть-Иштовка 1). Очень хочется усмотреть в этом переход от родовых (фратриальных) могильников к патриархальным (родеиным?), но пока материал еще это сделать не позволяет.

Завершая работу, мы хотели бы отметить еще один момент, касающийся характера инвентаря. Характерной, видимо, этнической чертой староалейского погребального обряда, отражающей социальную структуру общества, является наличие наборных поясов (чаще у женщин, чем у мужчин) и портупей. Отмечена наиболее часто повторяющаяся наборная бляха — «солярно-составная», т.е. образованная полусферами двух видов: «чистыми» (рис. 6-6; 15-4; 16-2) и с круговым желобком (рис. 5-1-9; 6-7). Совершенно идентичные бляхи известны с Обских Плесов 2, могильника 1 МГК 1. Они могут состоять из шести полусфер, из пяти (крестовидные или с отломанной полусферой), и из четырех (две отломанных полусферы на Обских Плесов 2). Аналогий подобным бляхам очень немного. «Крестовидные» известны в могильнике Быстровке 1 [277], Шмаковском могильнике [183], в Томском Приобье [223] и т.д. В Майме XIX С.М. Киреевым найдена крестовидная двусоставная и одинарная [120]. А вот шестисоставная авторам известна только из Арчекасских курганов [164]. При этом А.М. Кулемзин отмечает их «южное» происхождение. По-видимому, можно констатировать тот факт, что эти разновидности наборных блях возникли в среде староалейской культуры и являются чисто местной традицией, также как серьги с цепочками [134], многочисленные булавки из бронзы, железа и кости, украшающие женские прически.

Дальнейшие исследования староалейской культуры позволят детализировать характерные особенности, но уже сейчас хорошо видно своеобразие этого этнокультурного объединения и отличие от западных, южных и северных соседей.

Я.В. Фролов

Грунтовый могильник раннего железного века Клепиково I (по материалам М.Д. Копытова и С.М. Сергеева 1925, 1928 гг.)

Грунтовый могильник раннего железного века, который позднее получил название Клепиково I (в районе с. Клепиково Усть-Пристанского района Алтайского края), обнаружил в 1925 г. М.Д. Копытов. Им на невысокой, разрушенной ветром песчаной гряде (грязе), находящейся в пойме правого берега р. Обь, было обнаружено несколько разрушенных погребений.

Затем работы на этом памятнике проводились С.М. Сергеевым и М.Д. Копытовым в 1928 г. К сожалению, на сегодняшний день автору не известно точное местонахождение могильника, так как топографические или какие-либо другие ситуационные планы этого памятника, ни С.М. Сергеева, ни М.Д. Копытова не сохранились. Единственная привязка, которая дана в предварительном отчете С.М. Сергеева о работах в 1928 г.: «к юго-западу от деревни (с. Клепиково — Я.Ф.), расположен ряд параллельных гряд, разделяющихся между собой остатками небольших озер. Направление гряд с СВ на ЮЗ. Большинство из них покрыто остатками леса... На одной из гряд, в 3 км от деревни, почти на самой ЮЗ ее оконечности обнаружена небольшая площадка, выделяющаяся среди наносов песка своим плотным сложением... Дальнейший ее осмотр убедил нас в наличии здесь разрушенного могильника» [240, с. 1–2].

Автором этой работы в 1994 г. была обследована часть описанных С.М. Сергеевым песчаных гряд в 3–3,5 км к ЮЗ от с. Клепикова. Большинство зафиксированных С.М. Сергеевым раздувов на этих грядах к настоящему дню уже задерновано. И поэтому определить точное местонахождение могильника без проведения существенных раскопок в этом месте не представляется возможным [298, с. 111–113].

Следует также отметить, что, видимо, где-то в этом же микрорайоне в 1925 г. проводил раскопки андроновского могильника Хомутинка М.П. Грязнов. Озеро с таким названием находится в районе обследованных нами в 1994 г. гряд [79, с. 17]. По всей видимо-

сти, этот микрорайон, к ЮЗ от с. Клепиково, аналогичен микрорайону, исследованному М.П. Грязновым возле с. Чаузово (Ближние Елбаны). Кроме описанных ниже памятников, здесь нами в 1994 г. были открыты еще два: грунтовый могильник Клепиково V, относящийся, видимо, к неолиту или ранней бронзе, и поселение Клепиково VI, материал которого датируется от эпохи ранней бронзы до эпохи железа [298, с. 111–113]. С.М. Сергеев в своем отчете пишет: «Здесь, в образовавшихся выдувах, всюду встречаются черепки глиняной посуды, угли, обгоревшие остатки дерева и разрушенные кости» [240, с. 2–3]. Таким образом, могильник Клепиково I не единственный памятник древности в этом микрорайоне.

Проводя работы на этом месте в 1925 г., а затем в 1928 г., С.М. Сергеев и М.Д. Копытов обнаружили здесь два полуразрушенных погребения. В отчете об этих работах С.М. Сергеев пишет: «По краям площадки встретили выступающие из песка бедренную кость и череп человека (погребение № 1 — Я.Ф.). Остальные части скелета оказались несколько ниже. Кости, за исключением позвонков, расположены в беспорядке. Судя по расположению, костяк был положен головой на ЮЗ. Справа от позвоночника найдены один медный и два костяных наконечника стрел. Из них медный четырехперый (? — Я.Ф.) с небольшой втулкой, костяные — с черешком трех- и четырехгранные... Под слоем песка обнаружено второе погребение. Женский костяк положен на спину в вытянутом положении, головой на ЮЗ, лицо повернуто немного направо. Кости скелета и череп плохо сохранились, у головы и в ногах, справа, по одному горшку..., слева на плечевом суставе обломок верхнего камня от ручного жернова, ниже у локтевого сустава пряслице, покрытое такие же орнаментом, что и на горшке. На шее короткое ожерелье из свернутых медных трубочек и бус из белой пасты. В головах у темени остатки головного гребня. Основа его из железа, зубья в виде тонких медных булавок длиной до 5 см

с полусферическими головками из белой пасты. Обращает на себя внимание установка зубов этого гребня. Они, по-видимому, были прикреплены к своей основе под углом 130°. Расстановка зубов редкая, их оказалось десять. Причем один из них еще не потерял своей связи с железной основой» [240, с. 2–3].

К сожалению, в связи с частой сменой инвентарных номеров и переездами Бийского краеведческого музея из одного здания в другое, часть материалов из сборов М.Д. Копытова в 1925 г. и совместных работ М.Д. Копытова и С.М. Сергеева в 1928 г. была утеряна, инвентарные номера на некоторых вещах перепутаны и не совпадают с описями коллекций. Так, например, бронзовый втульчатый, двухлопастной наконечник стрелы с лавролистной головкой (рис. 1–1) имеет инвентарный № 60 (номер коллекции с Клепиково I), но в описи коллекции такого наконечника нет. И теперь непонятно или неправильно зашифрован наконечник стрелы, или неправильно описан в описи коллекции.

Из вещей, фигурирующих в описи коллекции в фондах музея, нами не были обнаружены из сборов М.Д. Копытова:

1. Бронзовый трехгранный, втульчатый наконечник стрелы, грани переходят в ножи (? — Я.Ф.) шифры: 51/793 и 9/840; № 66.

2. Бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с выступающей втулкой 51/793; 5/840; № 66.

3. Медное нагрудное украшение в виде тонкой узкой пластинки 56/798; 4/840; № 66.

4. Яйцевидный сосуд с суженной шейкой 172; 21/840; № 66.

Из раскопок 1928 г. нет в наличии:

1. Пяточная кость (астргал — ? — Я.Ф.) со следами обработки. Могила № 2 15/840; № 66.

2. Бронзовый трехгранный, втульчатый наконечник стрелы, 210; 10/840; № 66. Погребение № 1.

Следует отметить, что в отчете о работах 1928 г. этот наконечник С.М. Сергеев называет четырехгранным и приводит его рисунок. Судя по рисунку, это бронзовый трехлопастной втульчатый наконечник стрелы со сводчатой головкой, неширокими лопастями, срезанными под острым углом к слегка (0,4–0,5) выступающей втулке, которая проходит через все перо наконечника (1,3; рис. 5) (рис. 1–8). Кроме того, вместе с бронзовыми вещами из могильника Клепиково I, хранился и еще один наконечник, не имевший инвентарного номера (рис. 1–6).

Характеристика находок из могильника:

Из находок на могильнике следует, прежде всего, отметить бронзовые ножи (3 экз.). Происходят из сборов с поверхности памятника. Все они пластинчатые, с прямой спинкой без выделенной рукояти:

1. Со сплошной рукоятью, край которой закруглен (рис. 2–1). Ножи подобных типов являются типичной находкой для памятников эпохи поздней бронзы и переходного времени юга Западной Сибири [39, рис. 7–26; 322, рис. 3; 311, табл. 1; 316, рис. 3–7; рис. 2–2, 3–15–19; 29, рис. 1,2; 206, рис. 15; 310, с. 167–168; табл. 38–36–42; 312, табл. 9–11–21; 37, рис. 54–9,23, 18–1; 64, рис. 4–11–12]. В эпоху раннего железа количество этих ножей уменьшается, но они бытуют на широкой территории. Шесть экземпляров известно из грунтовых могильников РЖВ Барнаульского Приобья VI–IV вв. до н.э. [299, с. 80–82; 169, рис. 1, с. 95–97]. Несколько экземпляров найдено в памятниках Горного Алтая. Большинство исследователей датируют их V–III вв. до н.э. [259, с. 22; рис. 2–5–7; 255, с. 14–23, рис. 8–4; 156, рис. 15–2; 308, рис. 19; 19; рис. 5–8]. Три экземпляра подобных ножей найдено в могильнике VI–V вв. до н.э. Ордынское I (Новосибирское Приобье), да и то лишь один в закрытом комплексе [280, с. 33; 21, с. 94].

2. Близок по форме, имеет каплевидное отверстие в рукояти (близко к петлевидному, но меньше по размерам) (рис. 2–2). Ножи этого типа также широко распространены в памятниках РЖВ Южной Сибири. Семь экземпляров подобных ножей найдены в грунтовых могильниках раннего железного века Барнаульского Приобья VI–IV вв. до н.э. (Фирсово XIV — 4 экз.); МГК I–1 — 1 экз.; Обские Плесы II–2 — 2 экз.). Несколько ножей подобного типа найдено здесь также в культурном слое поселений РЖВ: Фирсово X, Новоалтайское, Ближние Елбаны I, Фоминское и др. VI–III вв. до н.э. [329, с. 100–101; 324, рис. 1]. Кроме того, в Верхнем Приобье близкие ножи известны из Степановского клада (Томское Приобье) и сборов с площади могильника Ордынское I (Новосибирское Приобье) [223, рис. 25–4–6; 274, рис. 2–2–д; БКМ, № 50/2] V–III вв. до н.э. датируются подобные ножи в Горном Алтае, Восточном Казахстане, Туве и Монголии [72, прил. Табл. 1–83–85, 140; 177, табл. 76–34–41; 259, рис. 4–1–2; 214, рис. 6–1; 154, с. 70–71, рис. 15–1; 190, рис. 2–9].

3. Нож «ланцетовидной формы», очень узкий, с длинной черенковидной рукоятью и

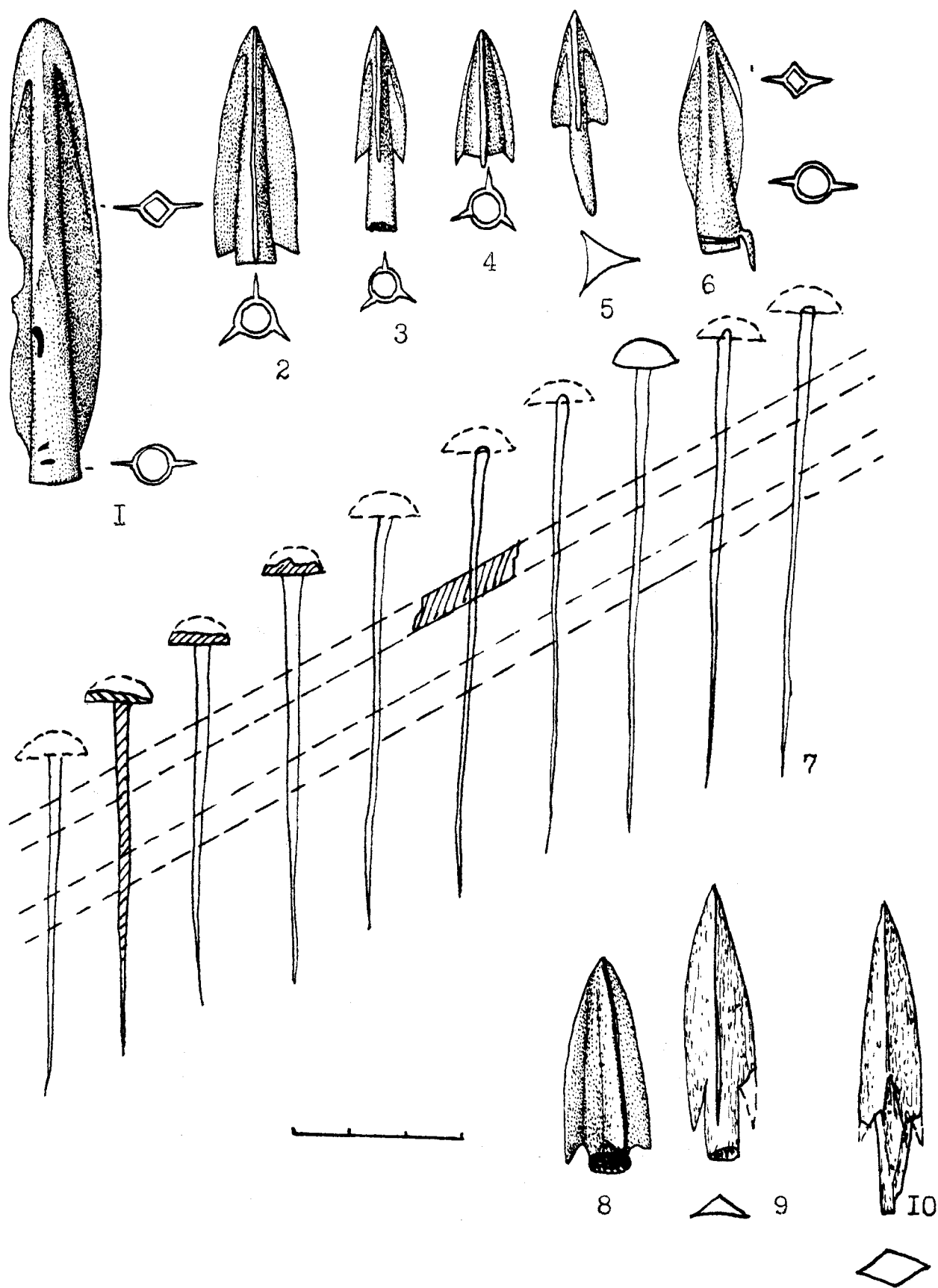

Рис. I. Находки из могильника Клепиково I. I-6, 9, 10 - наконечники стрел; 7 - реконструкция головного украшения из погребения 2 (автор С.М.Сергеев); 8 - бронзовый наконечник стрелы (рисунок из отчета С.М.Сергеева); 9, 10 - инвентарь погребения I; I-6 - бронза; 9, 10 - кость.

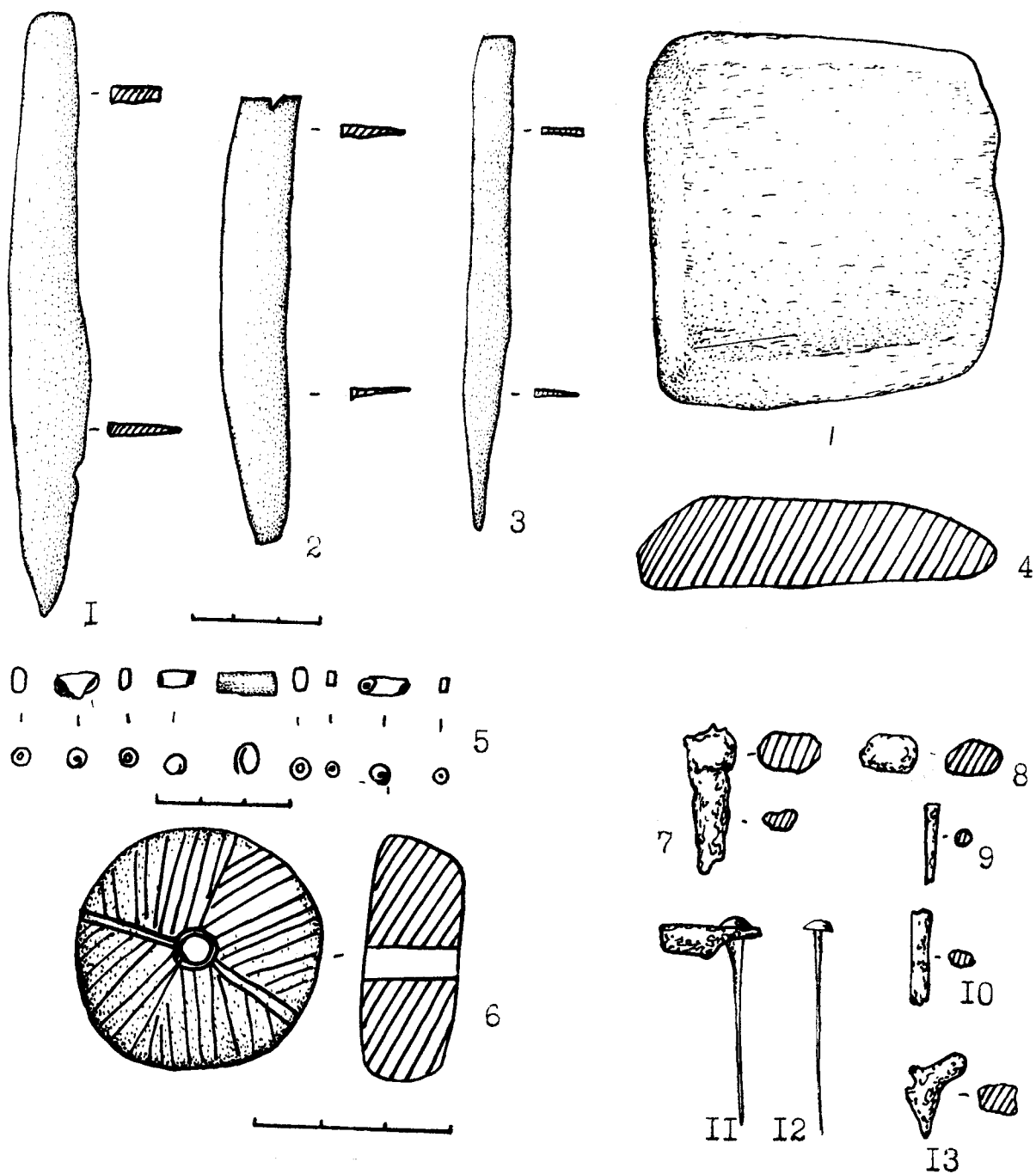

Рис.2. Находки из могильника
 Клепиково I. I-3 - ножи;
 4 - курант-терочник;
 5 - ожерелье из трубочек-
 пронизей и белых пастовых
 бус; 6 - пряслице; 7-19 -
 остатки головного украше-
 ния, шпильки-булавки;
 4-16 - инвентарь погребения 2;
 7-10, 13-15 - железо; 1-3, 5, 11, 12,
 15-19 - бронза; 5, 11, 12, 15, 16 - паста; 4 - камень;
 6 - керамика.

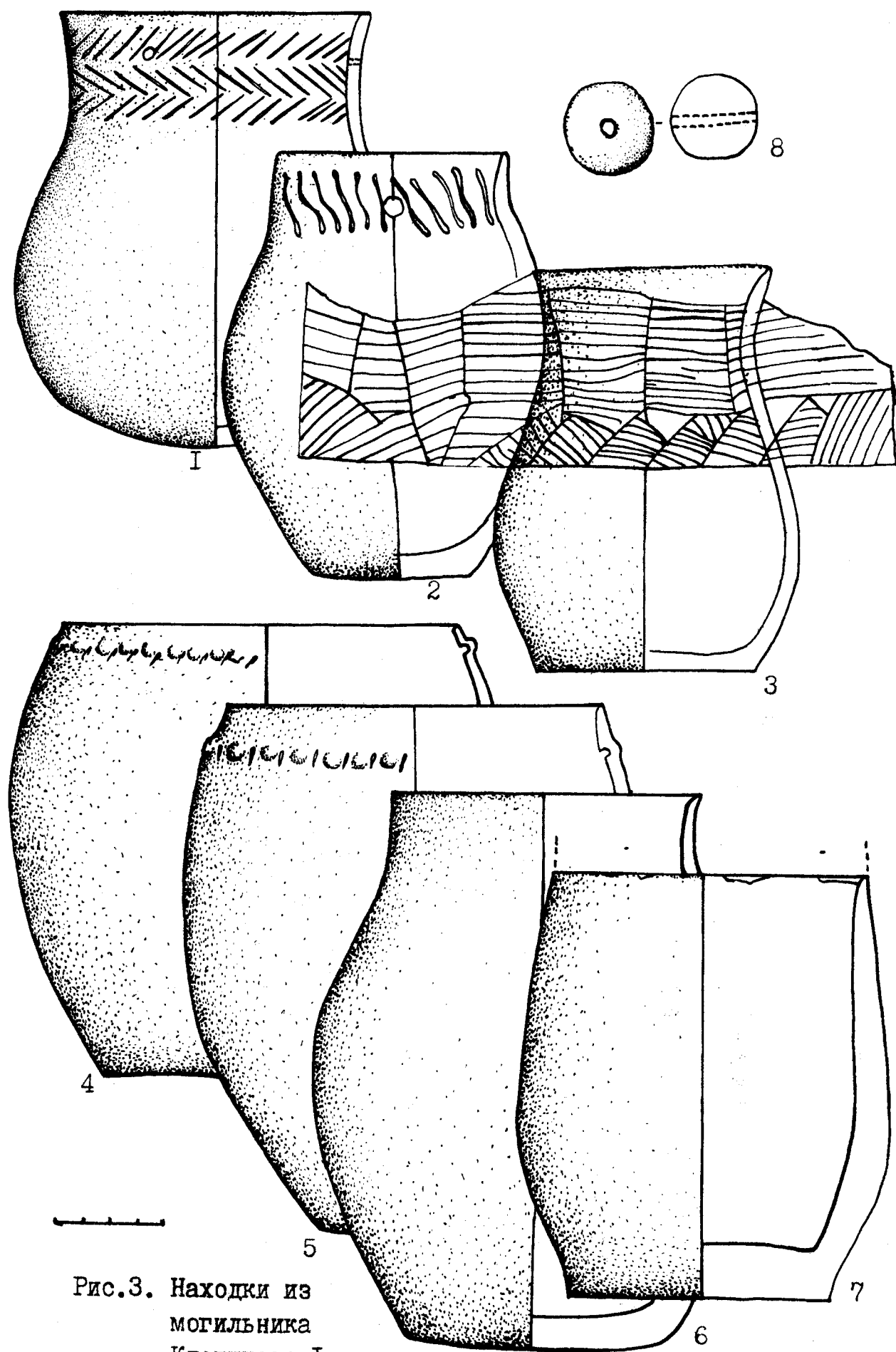

Рис.3. Находки из
могильника
Клепиково I.

I-7 - керамика; 8 - камень; 3,7 - погребение 2.

коротким узким лезвием (рис. 2–3). Это скорее всего местная алтайская форма ножей. Самый ранний нам известен из памятника эпохи поздней бронзы пос. Новоильинка (Степной Алтай), которое датируется XII–IX вв. до н.э. [132, рис. 7–16]. В памятниках переходного времени VIII–VI вв. до н.э. один нож известен из Минусинской котловины (Баитовская группа памятников) и один из могильника БЕ VII (Барнаульское Приобье) [312, табл. 17–54; 79, табл. XVII–30]. В раннем железном веке подобные ножи бытуют в памятниках Барнаульского Приобья (грунтовые могильники Фирсово XIV, Обские Плесы II, Малый Гоньбинский Кордон I–1), Бийском Приобье, предгорьях Алтая и долине р. Катунь (среднее течение) (могильники Аэродромный, Кайнду, Верх-Еланда II, Тесьпа, Усть-Иша I, поселение Точильное I), датируются они в пределах VI–IV вв. до н.э. [329, с. 100–101; 17, рис. 1; 214, рис. 3–1; 15, рис. 1–2, 11; 135, рис. 4; 255, рис. 11–4; 167, рис. 2–1–2, 17]. Следует отметить, что некоторые ножи из предгорий и Горного Алтая несколько иного типа. Они сделаны из бронзового прута, один конец которого раскован и превращен в лезвие. В результате чего, рукоять имеет круглое сечение, а лезвие каплевидное [255, рис. 11–4; 259, рис. 2–17]. Обращают на себя внимание довольно узкие рамки бытования этих ножей.

В целом, следует отметить, что в могильниках раннего железного века лесостепного Алтая, датирующихся позже V в. до н.э., преобладают железные ножи, а позже IV в. до н.э. бронзовых ножей уже практически нет.

Следующая категория инвентаря — это наконечники стрел:

1. Бронзовый трехлопастной, черешковый наконечник стрелы. Имеет сводчатую головку, неширокие лопасти ($\approx 0,5$ см) под прямым углом срезанные к круглому черешку, нижний конец которого расплюсчен (рис. 1–5). Находка с поверхности могильника.

Бронзовые трехлопастные, а затем и трехгранные черешковые наконечники стрел появляются в конце VIII в. до н.э. и бытуют до IV–III вв. до н.э. Основные их районы распространения: Казахстан, Тува, Монголия [23, с. 117, табл. 15; 155, с. 377; 51, с. 93; 271, с. 162, рис. 9; 52, с. 23, рис. 4, 5; 72, с. 32]. Известны подобные наконечники в Южной Сибири и Южном Приуралье [243, с. 65; 196, рис. 40–1; 30, с. 34–45, рис. 5; 223, с. 69, рис. 24–3–10; 310, табл. 12–12, 28; 162, с. 46]. На Алтае, кроме грунтовых могильников раннего железного века (МГК I–1, Обские Пле-

сы II, Староалейка II), подобные наконечники встречаются в памятниках переходного времени VIII–VI вв. до н.э. (Бобровский могильник), быстринской культуры VI–IV вв. до н.э. [111, с. 56], два экземпляра найдены в памятниках каменной культуры V–IV вв. до н.э. [138, с. 7]. Единичные экземпляры известны из Горного Алтая V–III вв. до н.э. [149, рис. 15]. Г.Е. Иванов наконечники подобных форм относит к трем разным типам. Отличает их друг от друга, по его мнению, угол среза пера по отношению к насаду (прямой, тупой, острый) и форма боевой головки: трехлопастная и трехгранная (типы А2В1 и А2В2). Датируются они, соответственно, VII–VI и V–IV вв. до н.э. [110, с. 9–10, рис. 3, 2–12]. На наш взгляд, такая дробная классификация не всегда позволяет однозначно узко датировать наконечник. Так, многие наконечники, в связи с недостатками в технологии их изготовления, часто имели случайные формы, что видно на примере наконечников из Бобровского могильника, где в одной могиле присутствуют наконечники разных типов, и грани одного из них срезаны под разными углами.

Также не всегда работает классификация подобных наконечников по размерам и форме пера. Так, Н.Л. Членова наиболее ранними считает крупные наконечники с плоским широким пером (VIII–VII вв. до н.э.) [310, с. 41], но наряду с памятниками VIII–VII вв. до н.э., подобные наконечники найдены в погребении 15 грунтового могильника МГК I–1, датируемым авторами раскопок VI в. до н.э., и на Партиновском городище I — V–IV вв. до н.э. (Томское Приобье) [17, рис. 1, 5; 332, рис. 3, 2]. Таким образом, наконечник стрелы из Клепиково I следует датировать в пределах VII–IV вв. до н.э. или более узко — VI–IV вв. до н.э.

2–3. Бронзовые трехлопастные с выступающей втулкой наконечники стрел. Имеют сводчатую головку, неширокие лопасти (рис. 1–3). У наконечника № 3, видимо, втулка была обломана (рис. 1–4). Г.Е. Иванов эти наконечники датирует VI–IV вв. до н.э. Наибольшее распространение в азиатской части скифо-сибирского мира эти наконечники получают с V в. до н.э. [155, с. 376–378].

4. Довольно крупных размеров (длина 4 см) бронзовый трехлопастной, со слегка выступающей втулкой, сводчатой головкой из сборов с поверхности (рис. 1–2). Судя по рисунку С.М. Сергеева, этому экземпляру близок наконечник из могилы № 1 описываемого могильника (№ 5) (рис. 1–8). Правда, он несколько

меньших размеров и у него лопасти срезаны под более острым углом.

Г.Е. Иванов, рассматривая наконечник № 4 (рис. 1–2), отмечает его своеобразие и, в некотором роде, уникальность. И считает, что подобные наконечники следует датировать не позднее VI в. до н.э. Основную особенность наконечников из Клепиково, Г.Е. Иванов видит во втулке, проходящей через все перо [13, с. 80–81]. Действительно, наконечники подобных типов довольно редки на западе скифского мира. В колчаных наборах скифов и савроматов они встречаются в единичных экземплярах [244, рис. 5, 15, 16; 189, рис. 1, 15]. Так, близкий по форме и размерам (4,1 см) наконечник найден в Южном Зауралье и датируется концом VI — началом V в. до н.э. [157, рис. 3, 3, с. 65]. М.К. Хабдулина наконечники подобных размеров и типов датирует VI–IV вв. до н.э. [301, с. 49].

6. Двухлопастной, втульчатый с лавролистной головкой. Очень крупных размеров (рис. 1–1), как уже отмечалось, возможно он происходит из другой коллекции и, скорее всего, датируется эпохой поздней бронзы XI–VIII вв. до н.э.

7. Также, видимо из другого комплекса, бронзовый с выступающей втулкой и шипом на ней, наконечник стрелы с листовидной головкой. Довольно раннего типа, датирующийся VII–VI вв. до н.э.

В целом, следует отметить, что бронзовые наконечники с Клепиково I для памятников раннего железного века Барнаульского Приобья составляют довольно значительную коллекцию. В основном подобные наконечники встречаются в грунтовых могильниках Барнаульского Приобья в единичных экземплярах и основная их масса происходит из случайных находок [110, рис. 2; 54, рис. 1].

Более распространены костяные наконечники стрел. Наконечники, найденные в могиле № 1 описываемого могильника, типичны для памятников РЖВ лесостепного Алтая.

1. Средних размеров костяной черешковый, трехгранный (края граней образуют небольшие шипы) (рис. 1–9).

2. Также костяной черешковый, четырехгранный (рис. 1–10).

Подобные наконечники датируются довольно широко, начиная от эпохи бронзы и до эпохи раннего железа включительно. Это типичная находка для памятников VI–IV вв. до н.э. староалейской культуры [328, с. 97–98].

Инвентарь женского погребения № 2 из могильника Клепиково I находит ближайшие

анalogии в инвентаре из женских погребений староалейской культуры (грунтовые могильники VI–IV вв. до н.э. Барнаульского Приобья).

Наибольший интерес представляет украшение (каркас?) прически (головного убора?), состоящее из нескольких (скорее всего, двух-трех) крупных железных булавок-заколов со сферическими головками и бронзовых игл, также, вероятно, булавок-заколов, некоторые из которых имели шляпковидные — полусферические навершия из белой пасты. Несколько игл имеют небольшое ушко (рис. 2–7–19). С.М. Сергеев интерпретировал это украшение как «гребень» и дал в своем отчете его гипотетическую реконструкцию (рис. 1–7). Вероятно, заштрихованные части на реконструкции — это сохранившиеся детали (рис. 2–11–19). Сейчас довольно сложно утверждать крепились ли бронзовые иглы к железному стержню-булавке, единственная бронзовая игла-булавка, скрепленная с железной «основой», вероятно, спаялась с ней в результате коррозии последней (рис. 2–15). На наш взгляд, все эти булавки по отдельности были воткнуты в высокую прическу и составляли что-то вроде ее каркаса. Следует отметить, что, видимо, это все-таки была высокая прическа, а не головной убор, т.к. сферические головки булавок предназначены именно для более удобного закрепления волос, а в головном уборе подобные изделия применять довольно неудобно. Остатки подобных головных украшений найдены в более чем 20 женских погребениях староалейской культуры (могильники Фирсово XIV, Староалейка II, Обские Плесы II и др.). Здесь они также состоят из бронзовых игл-булавок и железных булавок-заколов. Кроме Барнаульского Приобья остатки высоких причесок или головных уборов, представляющие из себя скопления шпилек, в основном железных или деревянных, часто встречаются в погребениях V–III вв. до н.э. Горного Алтая и его предгорий [45, с. 68–69; 154, с. 111–115]. Вообще железные заколки со сферической головкой встречаются в РЖВ на большой территории Евразийских степей от Причерноморья до Ордоса. В Барнаульском Приобье кроме грунтовых могильников РЖВ несколько экземпляров подобных шпилек найдены в курганных могильниках, но здесь они встречаются не столь массово [245, табл. 25–11; 221, с. 15, табл. 10–20–24; 292, рис. 1–1–4 и т.д.]. Бронзовые иглы с пастовыми навершиями нам известны только из могильника Клепиково I. Бронзовые иглы встречаются довольно часто в женских погребениях

староалейской культуры, но вряд ли они использовались для шитья, скорее всего ушко в них было предназначено для крепления органического навершия (рис. 2–17–19). В других памятниках РЖВ Алтая подобные изделия встречаются довольно редко, они известны лишь из нескольких погребений V–IV вв. до н.э. могильников, расположенных в долине среднего течения р. Катунь [308, с. 112, рис. 19–2–15; 255, рис. 11–2,3].

Также типичной находкой для женских погребений лесостепного Алтая является глиняное пряслице, найденное в погребении № 2. Оно имеет орнамент из заштрихованных неправильных треугольников (рис. 2–6). Наличие пряслиц является специфической чертой погребального обряда памятников раннего железного века лесостепного Обь-Иртышья. Видимо, в могилы клали все веретено; так, в погребении № 1 МГК I–3 сохранилась деревянная основа этого веретена [280, с. 34; 18, с. 53; 203, с. 90 и др.].

Распространенными находками для РЖВ являются: ожерелья из белых пастовых бус и бронзовых пронизей, свернутых в трубочку, из тонких аморфных листов бронзы (рис. 2–5) и обработанный астрагал животного. Так, подвески из просверленных астрагалов барана найдены в ряде погребений староалейской культуры (могильники Обские Плесы II, МГК I, 1 и др.). Они широко распространены в памятниках переходного времени Барнаульского Приобья, в курганных могильниках раннего железного века и более поздних памятниках подобные изделия встречаются довольно редко [17, рис. 1; 328, с. 7–98; 79, табл. 15–21–24].

Интересной находкой является каменный терочник-курант (?) (рис. 2–4). Находки подобных изделий в погребениях РЖВ лесостепного Алтая довольно редки. Возможно, это изделие заменяет каменный алтарик-курильницу, которые широко встречаются в памятниках РЖВ лесостепного Алтая.

Кроме того, с Клепиково I происходит большая серия керамических сосудов (шесть из сборов с поверхности памятника и два из женского погребения). Два из этих сосудов типичны для памятников староалейской культуры (рис. 3–4–5). Это закрытые плоскодонные банки, край венчика украшен рядом частого жемчужника с разделениями короткими штрихами. Венчик имеет округлый профиль. Также к этому типу относится сосуд, не сохранившийся в фондах Бийского краеведческого музея.

Остальные сосуды принадлежат к типу кувшиновидных сосудов. Все они довольно своеобразны:

1. Небольшой вазовидный сосуд с широким горлом, прямым венчиком, имеет орнамент из волнистых линий по шейке и два небольших сквозных отверстия, вероятно, служивших для подвешивания (рис. 3–2). Точных аналогий этому сосуду нет. Близкие по форме сосуды распространены в тасмалинской культуре Центрального Казахстана [99, с. 159]. Известны они также в памятниках староалейской и быстринской культур [135, рис. 2,3, табл. XXIX; 167, рис. 3; 259, рис. 46,29].

2. Сосуд кувшиновидной формы с широким горлом, слегка отогнутым венчиком и круглым дном. Имеет елочный орнамент по краю венчика и шейке и два сквозных отверстия для подвешивания (рис. 3–1). Также точных аналогий ему нам не известно. Близкие по форме сосуды найдены в памятниках староалейской культуры [79, табл. XXIX–4,7; 229, с. 81–82]. Вряд ли этот сосуд следует связывать с саргатской культурой. Он имеет несколько иные пропорции, чем саргатские [203, рис. 6,7].

3. Кувшиновидный сосуд крупных размеров с широким горлом, прямым венчиком, без орнамента (рис. 3–6). Сосуды подобной формы широко распространены в памятниках РЖВ лесостепного Алтая. Обращают на себя внимание его крупные размеры. Сосуды подобных пропорций характерны скорее для памятников быстринской культуры [203, рис. 3,6; 119, рис. 3–2; 167, рис. 3–5; 135, рис. 2–1,10,15; 259, рис. 26].

4. Видимо также кувшиновидный сосуд, к сожалению, сохранился не полностью: верхняя часть сосуда отбита (рис. 3–7).

5. Сосуд кувшиновидной формы со слегка отогнутым венчиком и плоским дном (рис. 3–3). Близкие по форме сосуды широко распространены в памятниках РЖВ азиатской части скифского мира. Обращает на себя внимание орнамент на шейке и плечиках сосуда. Орнаментальное поле, ограниченное снизу одной общей линией, распадается на два пояса: верхний и нижний. Верхний образован подпрямоугольными фигурами (заштрихованными параллельными резными линиями), более длинный край которых перпендикулярен венчику горшка. Нижний пояс образован подтреугольными фигурами также заштрихованными параллельными линиями (рис. 3–3). Точных аналогий подобной орнаментации нам неизвестно. Орнаментальные композиции из заштрихованных резными линиями треугольников, ограниченные с двух сторон общими линиями, известны на сосудах старо-

алейской культуры [79, табл. XXIX]. Как справедливо отметил С.М. Сергеев в своем дневнике, орнамент на этом сосуде напоминает орнамент на пряслицах староалейской культуры [240, с. 2–3].

В целом керамический комплекс могильника довольно своеобразен и имеет большое сходство с керамикой староалейской и быстрянской культур.

На наш взгляд, погребальный обряд (грунтовые захоронения; положение вытянуто на спине, головой на ЮЗ; состав и расположение погребального инвентаря), типы погребального инвентаря, позволяют отнести памятник Клепиково I к староалейской культуре и датиро-

вать его в пределах VI–IV вв. до н.э. Обращает на себя внимание большое число архаичных предметов, датирующихся VII–VI вв. до н.э. Возможно, дальнейшие исследования позволят сузить дату этого могильника. Некоторое своеобразие погребального инвентаря (особые типы наконечников стрел и керамических сосудов), возможно, обусловлены контактами населения, оставившего этот памятник, с населением быстрянской культуры. Материалы могильника Клепиково I позволяют наглядно представить отличия инвентаря погребального обряда культур раннего железного века лесостепного Алтая: каменной, быстрянской и староалейской.

М.Т. Абдулганеев, А.Л. Кунгуров

Курганы быстрянской культуры в междуречье Бии и Чумыша

Не так давно для северных предгорий Алтая была выделена быстрянская культура VI–II вв. до н.э. [120–122]. Ареал распространения ее памятников включает междуречье Бии и Катунь, Бии и Чумыша и левобережье Катунь в ее низовьях. Исследование памятников этой культуры, в первую очередь могильников, начато еще в 20-е годы и по поводу их хронологии и культурной принадлежности было высказано множество различных, порой прямо противоположных мнений. Ясности во многие вопросы не внесено до сих пор. К настоящему моменту для северных районов распространения быстрянской культуры опубликованы могильники: Бийск 1 [101], Бийск 2 [102], Юбилейный 2,3 [165, 203], Боровое 5,6 [135], Аэродромный [167]. Целью данной работы является введение в научный оборот как недавно раскопанных, так и ранее не публиковавшихся материалов быстрянских могильников, находящихся в междуречье Бии и Чумыша.

Могильник ЦРК. Расположен в районе Бийской палеолитической стоянки на западной окраине г. Бийска у оз. Кругленькое. В 1931 г. А.П. Марков и С.М. Сергеев в силостных траншеях исследовали несколько разрушенных погребений андроновской культуры и раннего железного века. Сами погребения находились на краю высокой «бийской» террасы. Никаких

описаний раскопок не сохранилось, хотя, видимо, они были. В архиве БКМ имеется рисунок фрагмента пояса с парными бронзовыми зооморфными бляшками и прикрепленной к нему бронзовой конусовидной подвеской (рис. 1–12). Помимо этого, были найдены два плоскодонных горшка, разрисованные оранжевой краской (рис. 2–1,2). Для датирования раскопанных на ЦРК погребений имеются только косвенные основания. Парные поясные бляшки абсолютных аналогий не имеют. Изображения на них достаточно схематичны. По аналогии с подобными изображениями из культур скифского круга можно предположить, что сюжет достаточно обычен для этого времени: какой-то хищник, сидящий на спине оленя и терзающий его. Необычно расположение рогов оленя по отношению к туловищу, но это может быть объяснено самой формой изделия. Ряд особенностей (согнутые ноги, стилизация и превращение части изображения в орнамент) позволяют считать бляшки достаточно поздними в типологическом ряду подобных изделий. В пользу такого вывода говорит и некоторое их сходство с хуннскими и тесинскими поясными пластинами [97], хотя там изображения, как правило, парные. В целом, предварительная датировка находок из ЦРК — IV–II вв. до н.э.

Очень интересна находка разрисованных краской сосудов. До сих пор они были известны в основном из Горного Алтая, а также Тувы, Монголии и Казахстана [153, с. 33–34]. Сосуды из ЦРК — единственная находка такого рода из северных предгорий Алтая и странно, что они до сих пор ускользали от внимания исследователей. Расписанные сосуды в Горном Алтае появляются в V–IV вв. до н.э., но встречаются и позднее. В отличие от сосудов из ЦРК, помимо росписи на них практически отсутствует орнамент. Может быть такое совмещение двух видов орнаментации (объемная и роспись), является результатом смешения двух культурных традиций.

Могильник Бийск 1. Материалы его опубликованы, за исключением раскопок 1929 г. Сам памятник в настоящее время находится в черте г. Бийск и полностью застроен. Сохранился план 20-х годов (рис. 3–1), где отмечены раскопанные курганы. Судя по этому плану, в могильнике Бийск 1 выделялось несколько территориальных групп и раскопанные курганы довольно равномерно распределены по площади памятника. Отсутствие номеров раскопанных курганов на плане не позволяет соотнести их с этими территориальными, а может быть и хронологическими группами. Приводим описание [101, с. 98–99] курганов, раскопанных в 1929 г. и находок из них.

Курган № 1 (14 в общей нумерации). Диаметр 11 м, высота 0,4 м. Могила размерами 3,1×1,4 м, глубиной 2,25 м, ориентирована с ЮЗ на СВ. Сохранились два бревна сруба с юга и севера, а на дне — настил из досок. В заполнении найдены куски железа, кости лошади и человека. Найдены: среди костей лошади — семь бронзовых имитаций клыков кабана — распределители ремней (рис. 4–2,3), роговая бочонковидная пронизка (рис. 2–5), две бронзовые подковообразные уздечные накладки (рис. 4–1,4), костяная пластина (рис. 2–6), рядом с человеком — бронзовая пуговица (рис. 4–7) и железная пуговица с позолотой.

Курган № 2 (15 в общей нумерации). Диаметр 9 м, высота 0,4 м. Две могилы ориентированы с ЮЮЗ на ССВ: могила № 1 — в центре, могила № 2 в 2,3 м к Ю от нее. Могила № 1 размерами 2,35×0,85 м глубиной 2,8 м. В заполнении найдены дерево и кости человека. Судя по сохранившимся в порядке костей, погребенный лежал на спине вытянуто, головой на ЮЗЗ. В юго-западном углу, т.е. в головах, лежали крестец и два позвонка барана, два обломка железных предметов. Еще один железный предмет найден у таза, а на стопе — ци-

линдрическая аргилитовая бусина. Могила № 2 размерами 2,3×0,9 м, глубиной 2,5 м. По краям могилы — остатки досок. В центре кучей лежали кости двух человек. В неприкосновенности остались голени и стопы и у северной стенки — левая рука. Скелеты ориентированы головой на ЮЗЗ. В юго-западном углу, в головах найдены два крестца и поясничные позвонки барана, плоскодонный кувшин с двумя вертикальными валиками (рис. 2–3) и железный нож. В куче костей в центре найден второй кувшин, украшенный треугольниками (рис. 2–4) и обломок железного предмета.

Погребальная обрядность могильника Бийск 1 достаточно подробно рассмотрена М.П. Завитухиной и А.С. Суразаковым [259, с. 86–87, 101–102, 104–105]. Материалы из раскопок 1929 г. в целом (ножи, кинжал, чекан, сосуд с валиком, бляшки, нашивки) характерны для погребений быстринской культуры. Неясно, какое было навершие у кинжала: дуговидное или кольцевое (рис. 4–9, 10). Учитывая отсутствие перекрестия, датировать кинжал не представляется возможным. Отдельные детали конской сбруи, представленные в кургане № 1 (рифленая трубочка-обойма, подковообразные сбруйные накладки, разделители ремней в форме клыков кабана) являются достаточно редкими находками, но находят сходство или аналогии на Алтае или сопредельных территориях [76, рис. 87; 233, рис. 6–3–6; 234; 235; 259, рис. 1–9; 291, с. 291]. В целом по набору вещей и погребальному обряду курганы 1929 г. наиболее близки основной и поздней группам могильника Бийск 1 (по А.Р. Суразакову) и могут быть датированы в пределах IV–II вв. до н.э. Это согласуется с находкой в кургане № 2 сосуда с саргатской орнаментацией (рис. 2–4), более характерной для северных районов Алтая. Именно в период III–II вв. до н.э. происходит значительная миграция саргатцев на Алтай [9, с. 75], хотя проникновение их начинается значительно раньше [111, с. 119]. Кстати, именно к III–II вв. до н.э. относятся еще два сосуда саргатского облика из могильников Бийск 2 и Быстринка [101].

Могильник Аэродромный находится на восточной окраине г. Бийска (кромка «бийской» террасы между городским кладбищем и поселком лесозавода). Памятник рассекает глубокий овраг, прорезающий всю рыхлую толщу террасы и выходящий к р. Бия. Большая часть погребений, видимо, безвозвратно утеряна. Поскольку опубликованных материалов по быстринской культуре немного, исследователи довольно часто обращаются к пуб-

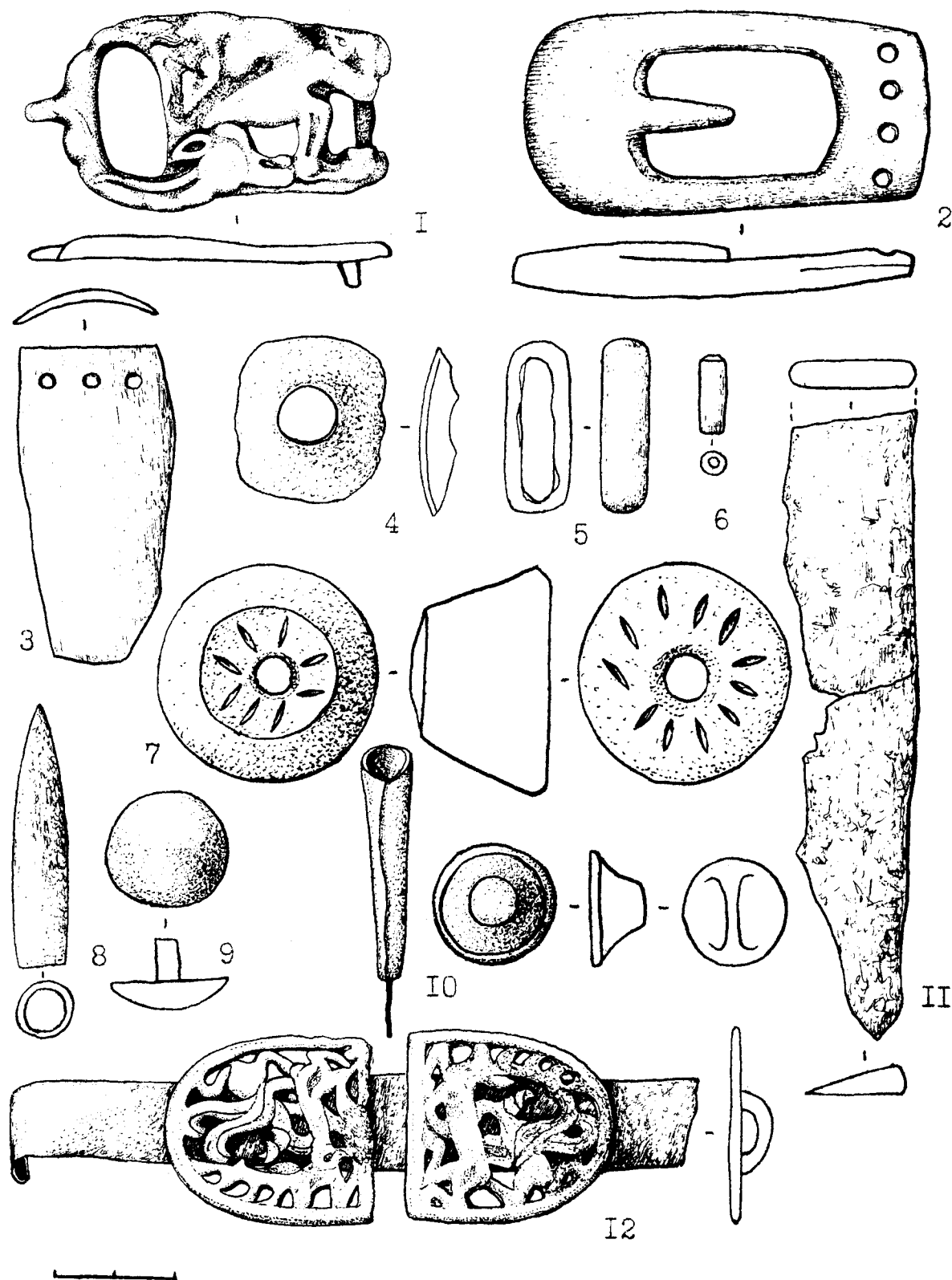

Рис.1. Находки из могильников ЦРК (12) и Енисейское 4 (1, к.1, м.3; 2-5 - к.4; 6 - к.5; 7-8 - к.1, м.2; 9 - к.1; 10 - к.2; 11 - к.1, м.1) (1,9,10,12 - бронза; 2-5 - кость; 6 - паста; 7 - керамика; 8,11 - железо).

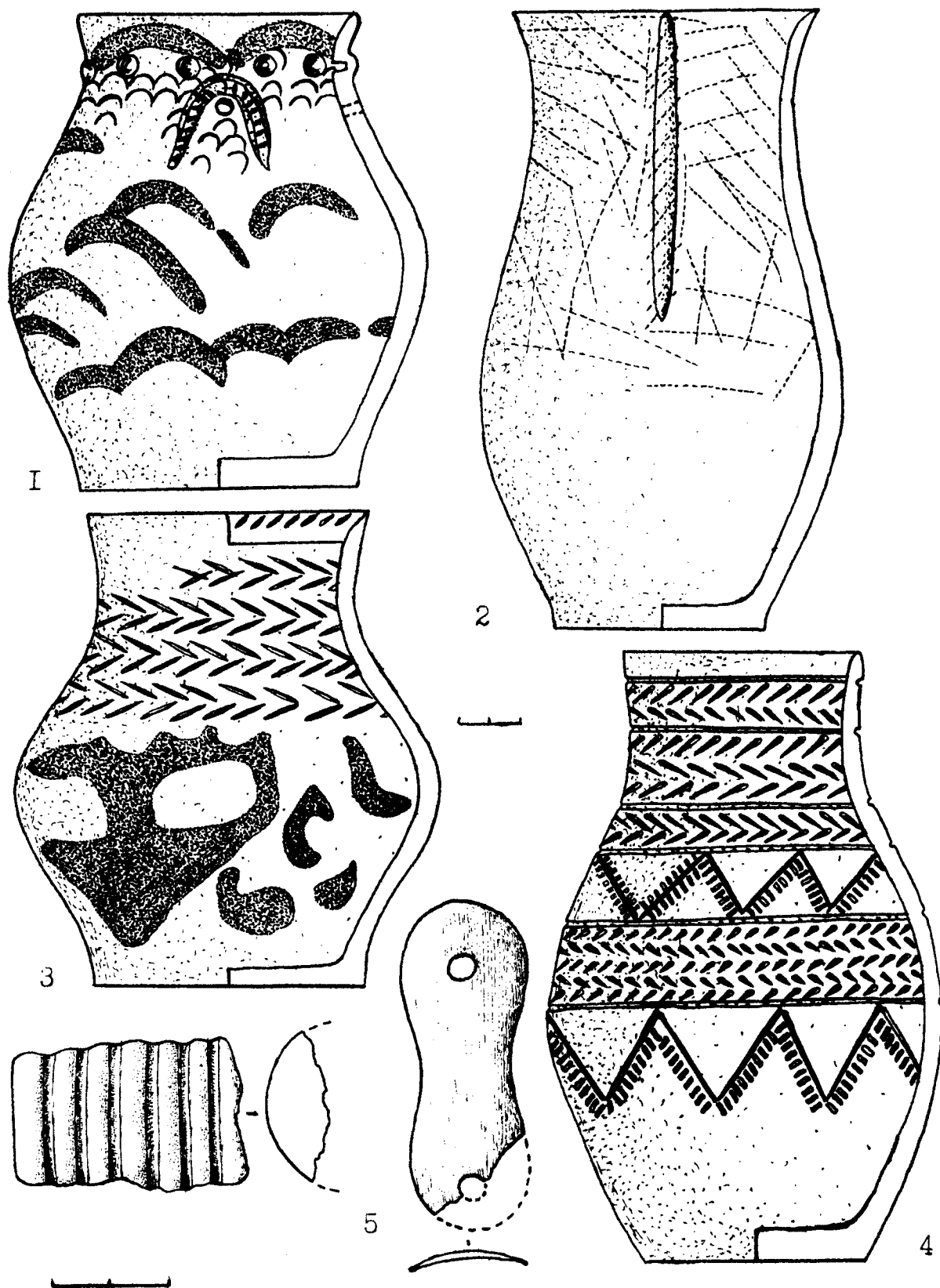

Рис.2. Находки из могильников ЦРК (1,3) и Бийск I (2,4 - к.2, м.2; 5,6 - к.1) (1-4 - керамика; 5,6 - кость).

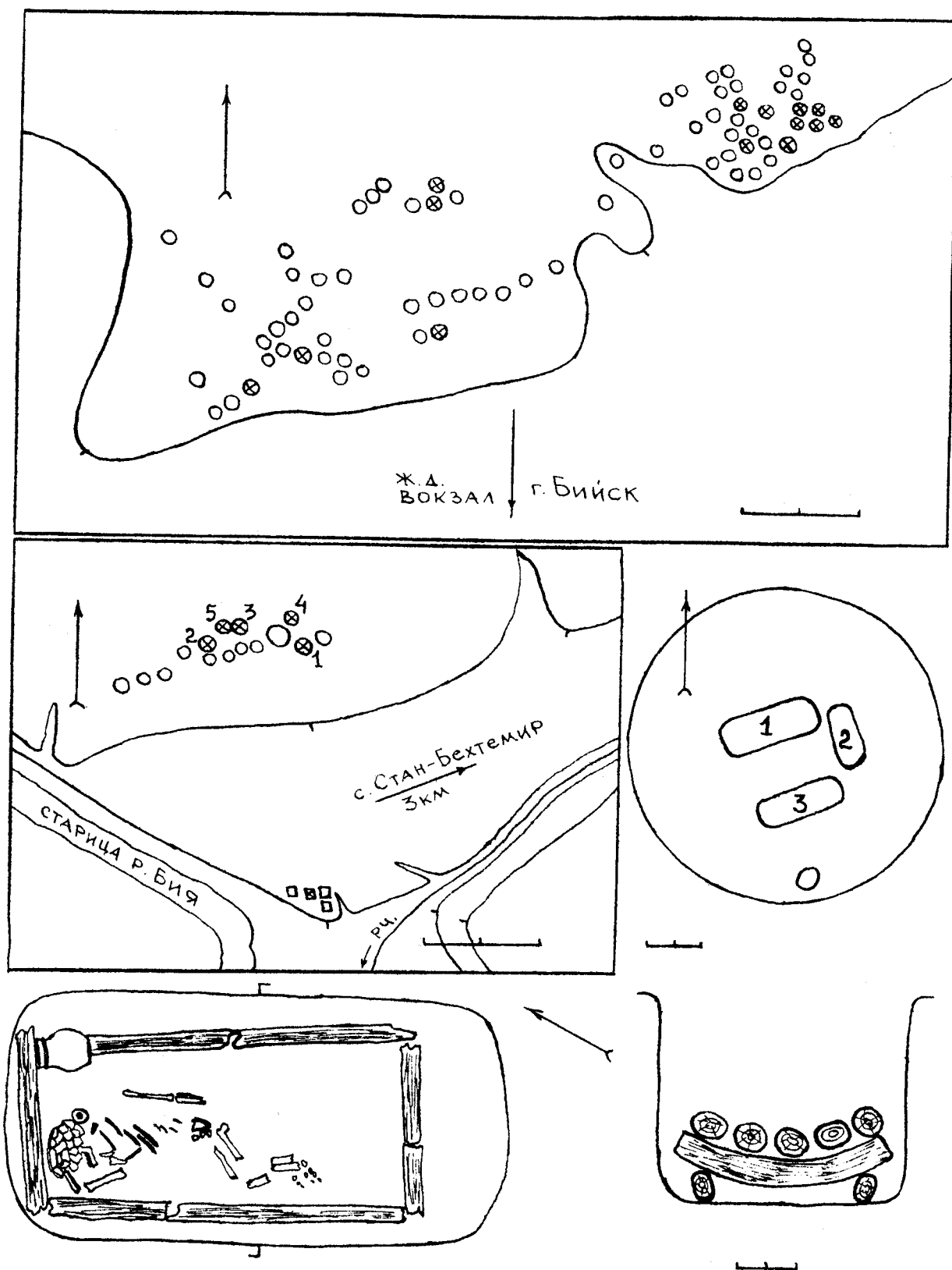

Рис.3. Планы могильников Бийск I (1) и Енисейское 4 (2),
 план кургана I Енисейское 4 (3), план и разрез могилы 2
 кургана I Енисейское 4 (4) (— раскопанный курган).

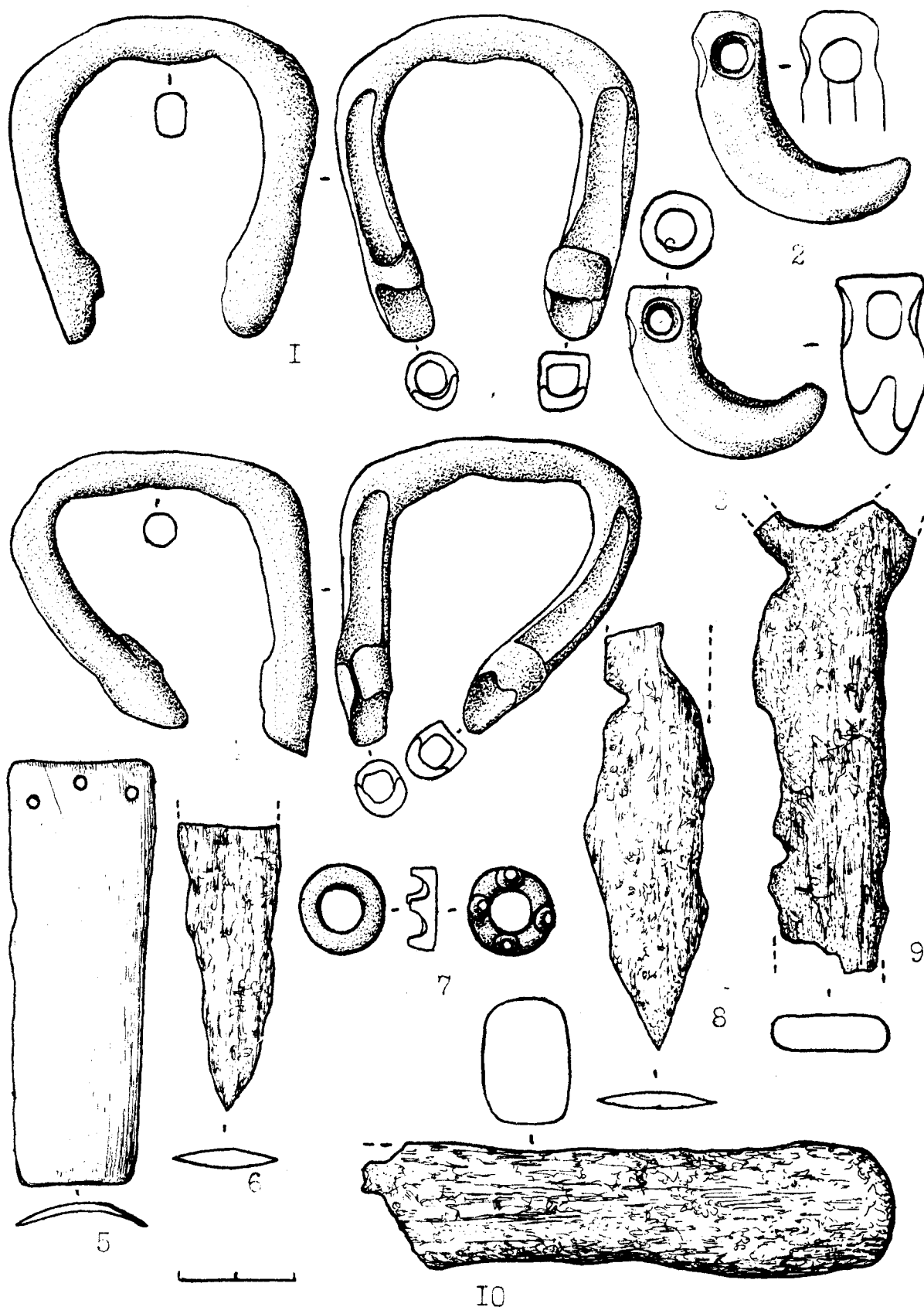

Рис.4. Находки из кургана I могильника Бийск I (1-4, 7 - бронза; 5 - кость; 6,8-10 - железо).

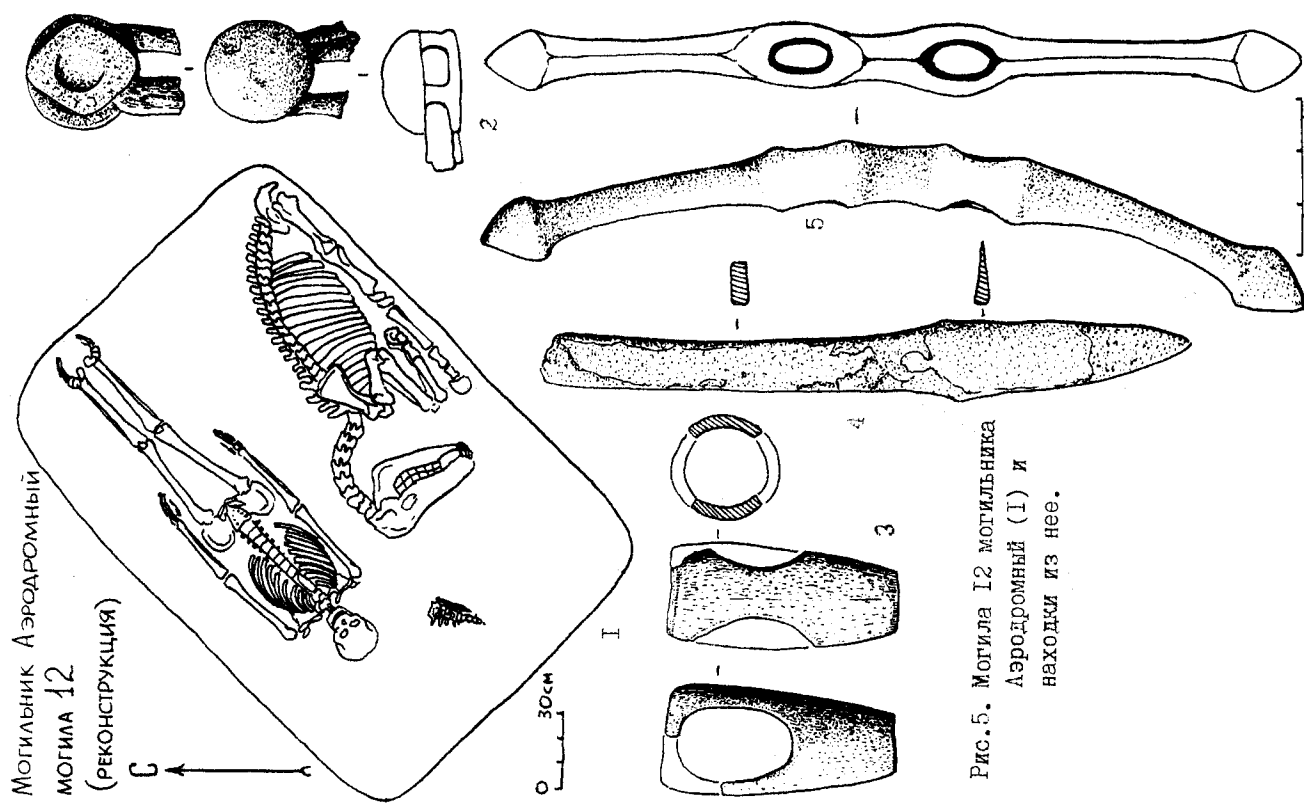

Рис. 5. Могила 12 могильника Аэродромный (1) и находки из нее.

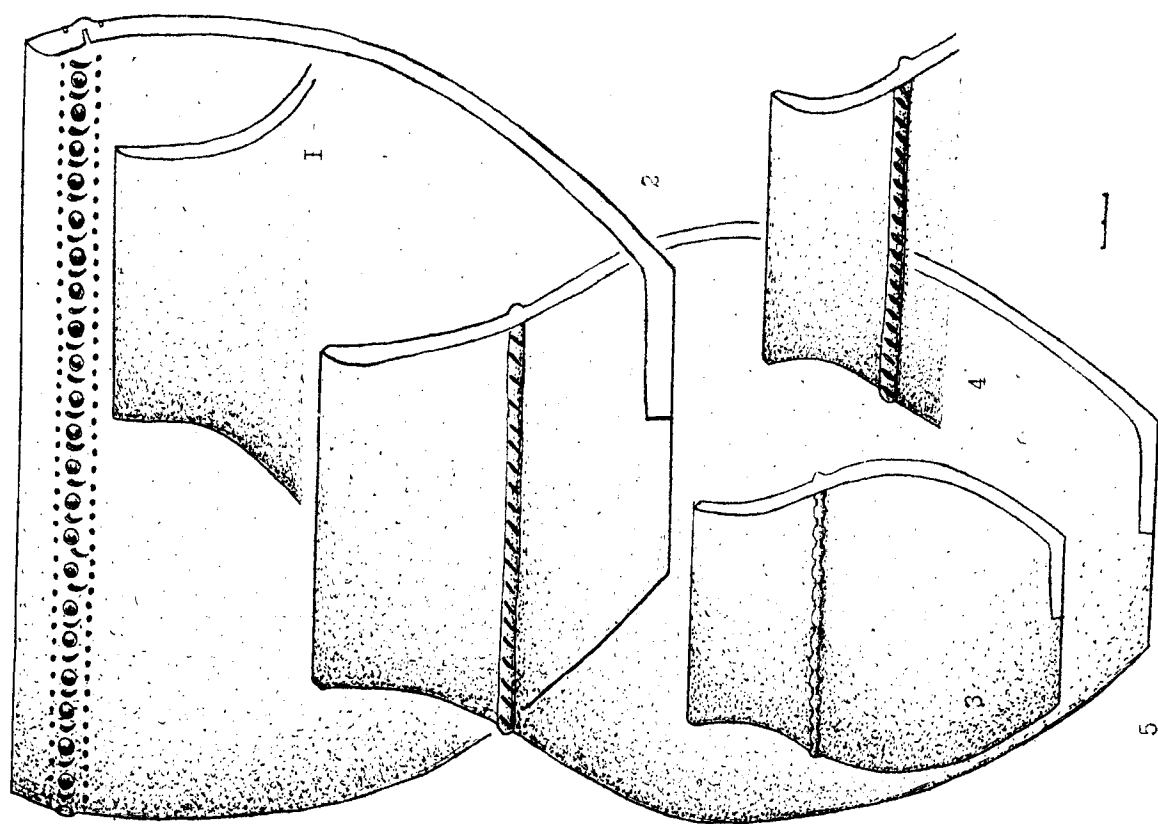

Рис. 6. Керамика могильника Енисейское 4 (1 - к.1, м.3; 3 - к.1, м.2; 4 - к.1, м.1; 5 - к.4).

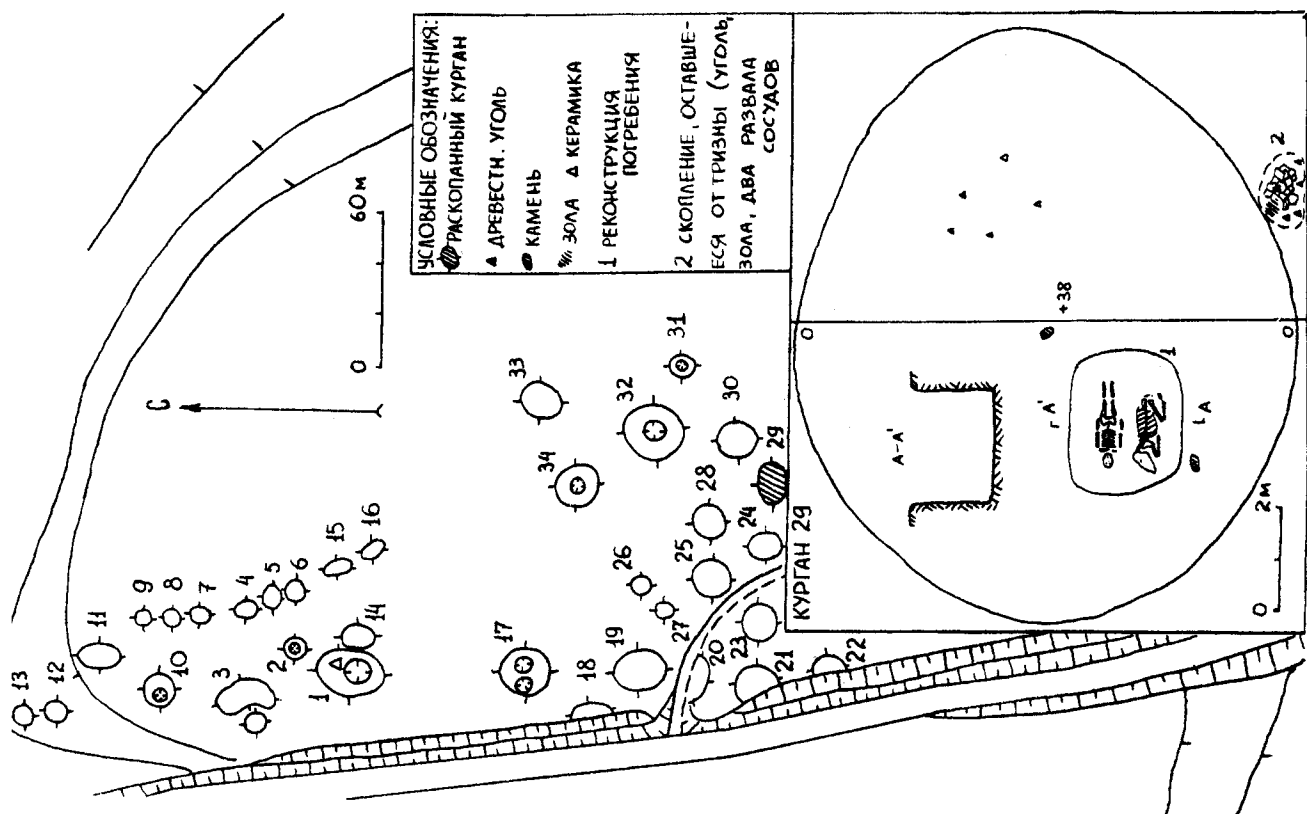

Рис. 8. План могильника Маяцкие Бутры.

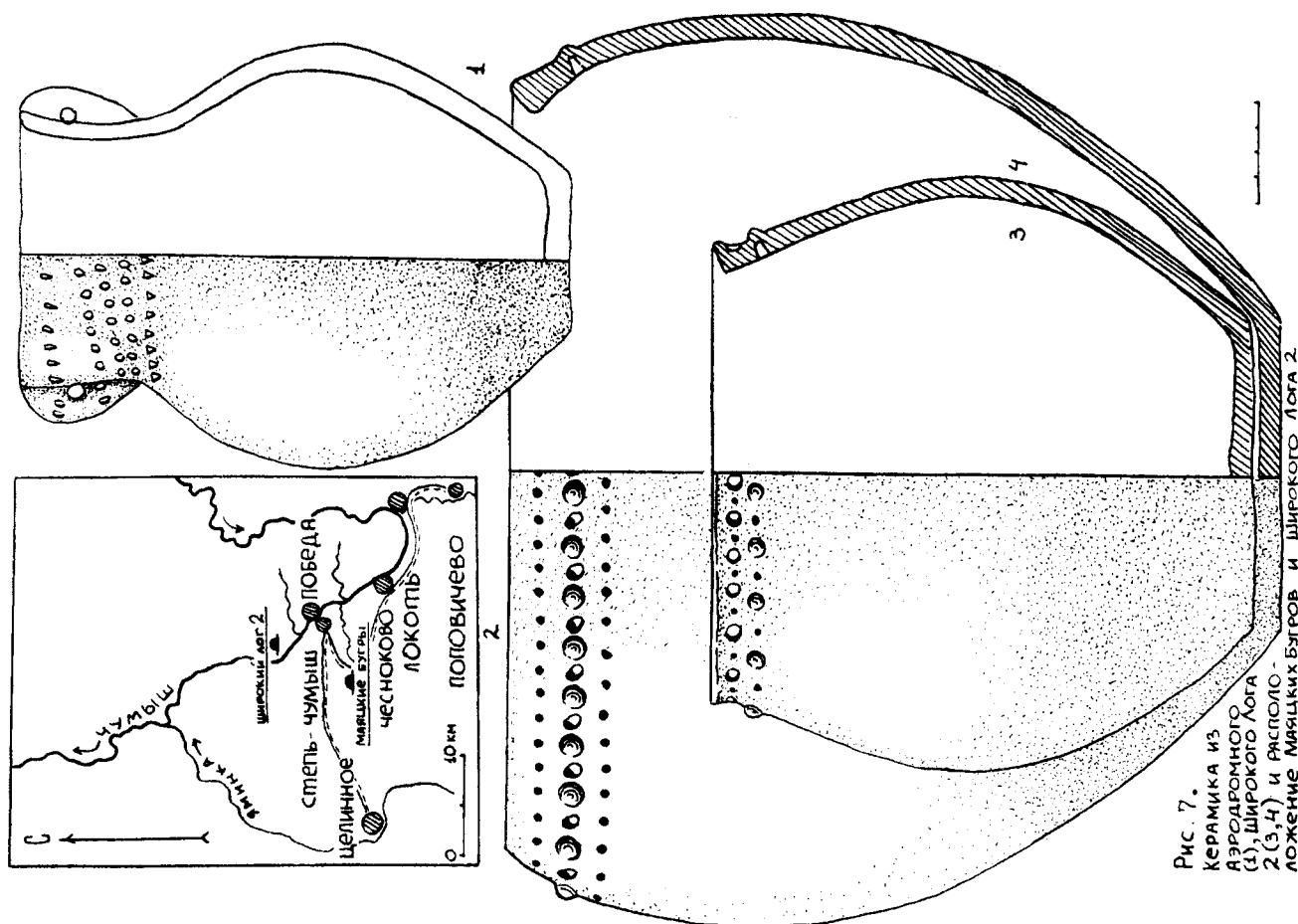

Рис. 7. Керамика из Аэродромного Лога (1), Широкого Лога 2 (3, 4) и Расположение Маяцких Бутр и Широкого Лога 2.

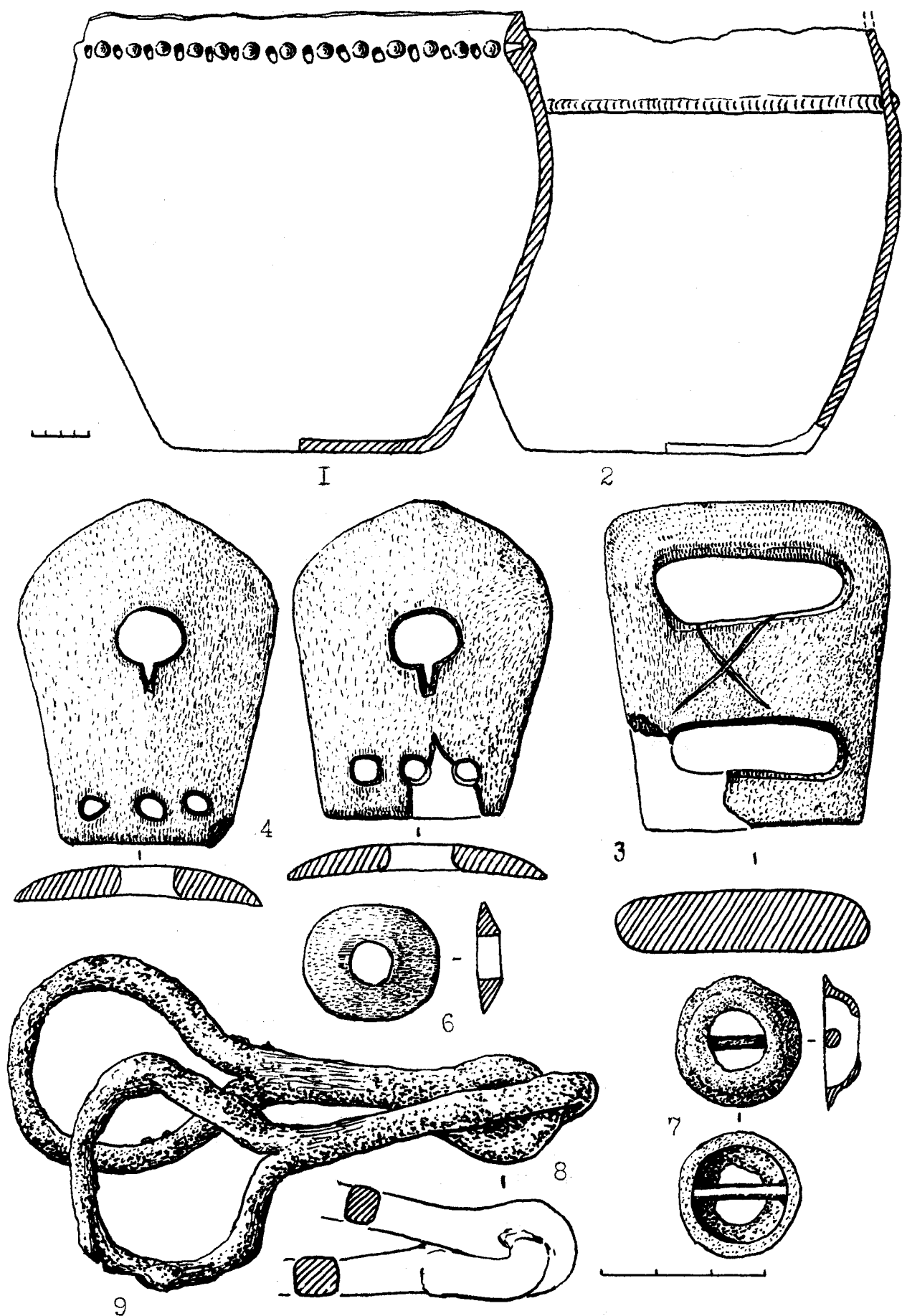

Рис.9. Находки из кургана 29 могильника Маяцкие Буты.

ликации посвященной Аэродромному. При этом возникают некоторые неточности. Например, А.С. Суразаков и Ю.П. Алехин отмечают его как грунтовый [24; 259], а поясную застежку из могилы 2 интерпретируются как колчаный крюк [259, с. 60]. Авторы статьи, однако, указывали, что насыпи над курганами хотя и не прослежены (как они могли сохраниться на посадочном поле аэродрома?), но разграбленность большей части могил и особенности их расположения свидетельствуют о курганном способе захоронения. В начале 80-х годов одним из авторов и А.А. Казаковым раскопаны еще два погребения, расположенные на противоположном (северо-восточном) склоне оврага. Эти могилы получили номера 12 и 13.

Могила 12 разграблена, но некоторые детали позволяют реконструировать погребальный обряд (рис. 5-1). В яме, глубиной 1,3 м от уровня материка, ориентированной по оси ЮЗ-СВ и имеющей размеры 2,2×1,5 м, похоронены человек и лошадь. Они были уложены в погребальную камеру, имеющую бревенчатый накат. На что опирался «потолок» камеры, не прослежено, т.к. северо-восточная часть могилы обвалилась, а оставшаяся основательно нарушена грабителями. Человек уложен на спину, головой на ЮЗ. За головой найдена курдючная часть барана, рядом с которой лежал пластинчатый бронзовый нож, изготовленный из бруска бронзы прямоугольного сечения. Лезвие оформлено путем проковки и заточки (рис. 5-4). Лошадь находилась справа от человека и была уложена на правый бок, головой на ЮЗ. Она была взнуздана. В заполнении найден бронзовый слегка изогнутый двухдырчатый псалий с коническими наконечниками (рис. 5-5) и обломок костяного распределителя ремней (рис. 5-3). Видимо от сбрауи остался и бронзовый распределитель с сохранившимся в нем продетым кожаным ремешком (рис. 5-2).

Могила 13 полностью обвалилась. В сохранившемся остатке ямы, глубиной 1,2 м от уровня материка найден керамический кувшин с наклепными ушками для подвешивания (рис. 7-1). Прослежены остатки перекрытия из бревен. Возможная ориентация ямы ЮЗ-СВ, остатков погребения не сохранилось.

Новые находки из Аэродромного, особенно бронзовые нож, псалий и распределитель, позволяют уточнить его датировку, установленную ранее. Прежде всего следует обратить внимание на то, что все ножи могильника бронзовые. Это ограничивает время его сооружения V в. до н.э., т.к. уже с IV в. до н.э. бронзовые ножи в

предгорьях и лесостепной зоне почти не встречаются [79]. Кроме этого, к V в. до н.э. относятся и другой инвентарь (псалий с «волком-вороном», распределитель ремня, зооморфные пронизки и бляхи и т.д.) [181, с. 13]. Таким образом получается, что Аэродромный является одним из наиболее ранних памятников быстринской культуры, граничащим в хронологическом плане с бийским этапом большеберченской культуры (VI — нач. V вв. до н.э.).

Могильник Енисейское 4 находится в 3 км к ЮЗЗ от с. Стан-Бехтемир и в 2,5 км к С от санатория «Зори над Бией» на 70-метровой правобережной террасе р. Бия. Все курганы распаханы и в настоящее время их заметно только 15. Они располагаются микрогруппами по 2-4 и тянутся с ЮЗЗ на СВВ. Диаметр их от 6 до 15 м, высота до 0,8 м. Все курганы имеют следы грабительских раскопок: ямы или уплощенные центры. В 1990-1991 гг. было раскопано пять курганов [1, с. 52] в восточной части могильника (рис. 3-2).

Курган № 1. Диаметр 12 м, высота 0,6 м. В центре — грабительская яма глубиной 0,3 м. При ее выборке найдены кости человека и лошади, обломки сосуда с валиком (рис. 6-4) и бронзовая бляшка (рис. 1-9). Под насыпью находились три могилы, а южнее их — яма. Яма была заглублена в материк на 0,2 м; в заполнении ее найден фрагмент керамики. Могилы располагались по кольцу: № 1 — с севера (ориентация длинной осью ЮЗЗ-СВВ), № 3 — параллельно ей с юга и № 2 — с востока (ориентация ЮВВ-ССВ) (рис. 3-3).

Могила 1 размерами 1,4×3,0 м, глубиной 2,05 (1,2 м в материке). Верхняя часть заполнения сильно прокалена; здесь же найдены фрагменты того же сосуда, что и в грабительской яме. У дна прослежена деревянная конструкция. Она представляла собой раму из жердей, на которую сначала были уложены жерди сначала поперечного, а затем продольного перекрытия. Центральная часть этого перекрытия была разрушена грабителями. На дне могилы в анатомическом порядке сохранились ступни ног, левая локтевая кость и часть черепа. Судя по ним, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗЗ. В южном углу могилы, в головах, найдены крестец барана и обломки железного ножа (рис. 1-11).

Могила 3 размерами 1,2×3,15 м, глубиной 2,35 м (1,4 м). В заполнении встречались угольки и линзы прокала. Деревянная конструкция аналогична могиле 1, но дно было еще выложено плашками. Кости человека и лошади, разбросанные по дну могилы

в беспорядке, встречались и в заполнении. Часть из них была обожжена. На дне, помимо этого найдены обломки сосуда без орнамента (рис. 6–1) и бронзовая зооморфная пряжка (рис. 1–1). С юго-восточной стороны, в подбое и на приступке (на уровне верхнего наката перекрытия) сохранились остатки задней части лошади. Судя по ним, она лежала на левом боку, головой на ЮЗ. Дно приступки также было выложено плашками.

Могила 2 размерами 0,9×2,0 м, глубиной 1,6 м (0,7 м). Деревянная конструкция, как и сама могила, не нарушена и была аналогична могиле 1 (рис. 3–4,5). В северном углу, на перекрытии (т.е. в головах) найден плоскодонный горшок с валиком (рис. 6–3). Перекрытие сожжено и провалилось прямо на покойника. На дне могилы лежал скелет подростка на правом боку, головой на ССЗ. Правая рука согнута в локте, ее кисть у лица, левая рука вытянута вдоль туловища. За затылком найдены орнаментированное пряслице (рис. 1–7) и железный пулевидный наконечник стрелы (рис. 1–8).

Курган № 2. Диаметр 10 м, высота 0,4 м. В верхней части насыпи прослеживалась подсыпка из мелких камней диаметром около 7 мм; в центре, по грабительскому лазу, их не было. В выбросе из этого лаза найдены кости лошади и бронзовая пуговица (рис. 1–10). Могила в центре, размеры 1,8×2,9 м, глубина 2,5 м (1,8 м), ориентирована с ЮЗЗ на СВВ. В заполнении встречались угли, камни, кости человека и лошади. Перекрытие могилы почти не сохранилось: только остатки семи-восьми продольных жердей, уложенных на обкладку. Непотревоженными остались берцовые кости и ступни ног человека и часть костей лошадей. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗЗ. За обкладкой могилы, в ее южной части, находились две лошади, уложенные друг на друга, на левом боку, головой на ЮЗЗ.

Курган № 3. Диаметр 10 м, высота 0,25 м. В выбросе из грабительского лаза найдены фрагменты баночного плоскодонного сосуда (рис. 6–2) и кости лошади. Могила в центре, размеры 1,8×2,6 м, глубина 2,9 м (2,4 м), ориентирована с ЮЮЗ на ССВ. В заполнении ее найдены куски дерева, кости человека и лошади, обломки того же сосуда. От деревянной конструкции сохранились остатки рамы из жердей. На дне остались в анатомическом порядке берцовые кости ног и ступни человека, а также часть задней части лошади. Судя по ним, погребенный (мужчина 35–40 лет; здесь и далее — определения А.Р. Кима) лежал вытянуто, головой на ЮЮЗ. Лошадь находилась восточнее его,

выше дна могилы, на приступке. Она лежала за рамой, на левом боку, головой на ЮЮЗ.

Курган № 4. Диаметр 10 м, высота 0,3 м. Могила смещена от центра к юго-востоку. Она имела размеры 1,65×3,1 м, глубину 2,0 м (1,35 м) и была ориентирована с ЮЗ на СВ. В заполнении встречались линзы прокала, кости человека и лошади, фрагменты плоскодонного кувшина с валиком (рис. 6–5). У дна обнаружены остатки поперечного перекрытия из жердей, уложенных на такую же раму. В юго-восточной части на перекрытии на левом боку, головой на ЮЗ, лежала лошадь. На дне могилы вперемешку с костями человека были найдены костяные пряжка-блок (рис. 1–2), обойма (рис. 1–5), нашивка (рис. 1–4), фрагменты того же сосуда и обломки железного изделия, возможно, удила, два позвонка барана. В анатомическом порядке сохранились кости правой руки, обломок таза и пяточные кости левой ноги. Вероятно, погребенный (мужчина 40–45 лет) лежал вытянуто на спине, головой на СВ. В юго-западной части могилы зафиксировано скопление углей и жженных костей и днище сосуда. По перекрытию могилы кургана 4 получена радиоуглеродная дата — 2085±30 лет (СО АН–2993).

Курган № 5. Диаметр 10 м, высота 0,2 м. Могила немного смещена от центра к югу. Ее размеры 1,7×2,95 м, глубина 2,3 м (1,7 м), ориентирована с ЮЗ на СВ. Ко дну ее размеры уменьшились. На дне среди разбросанных костей человека найдены крестец барана, пастовая бусина (рис. 1–6) и кусок железа. В анатомическом порядке остались берцовые и пяточные кости ног. Судя по ним, погребенный (женщина 25–30 лет) лежал на спине вытянуто, головой на ЮЗ.

Общий набор находок из курганов Енисейское 4 типичен для скифского времени, в том числе и для быстринских памятников северных предгорий Алтая. Это бронзовые пуговицы, сосуды с валиками и без, железный нож, пряслице, костяные пронизи и нашивка, бусы. Погребальная обрядность (погребения с конем, ориентация коня и человека на ЮЗ, положения коня на приступке с юго-восточной стороны и т.д.) обычен для быстринских могильников. Достаточно необычно нахождение под одной насыпью трех могил. Расположение их по кольцу более всего напоминает обрядность могильников каменной культуры [193; 287; 292]. Не совсем обычно положение погребенного из могилы 2 кургана 1 (скорченно на правом боку), хотя такой обряд и встречается на быстринских памятниках южного ареала. В Быстринском могильнике имеется и северо-восточная ориента-

ция погребенных. На этом же памятнике найден и пулевидный наконечник стрелы, хотя там он — бронзовый [259, рис. 2–23]. Этот курган (№ 8) А.С. Суразаков датирует VI в. до н.э. [259, с. 88]. Из пяти найденных в Енисейском 4 сосудов три (с валиками) обычны для быстрианских поселений и могильников [119; 120; 121; 122], один (банка) более характерен для поселенческих комплексов лесостепного и предгорного Алтая скифского времени.

Для определения хронологии курганов Енисейское 4 наиболее важны найденные в курганах № 1 и № 4 костяная и бронзовая пряжки. Прямых аналогий этим изделиям нет. Наиболее сходные с костяной пряжкой изделия, но с несколько иным оформлением приемника, происходят из могильников Горного Алтая и датируются в пределах второй пол. VI–IV вв. до н.э. [151; 233, табл. СХ–8]. Зооморфные пряжки с выступающим вперед крючком-отростком имеются на Верхней Оби и в Минусинской котловине [46; 72; 85; 142; 177; 17 и т.д.] и относятся к периоду V–IV, V–II вв. до н.э. Очень близкое изображение козла имеется на бронзовой обойме из могильника Бийск I [101, рис. 4–7]. По мнению Л.С. Марсадолова, пряжки имели «в VI в. до н.э. загнутый внутрь крючок, а позднее — выступающий вперед отросток» [181, с. 12]. Учитывая достаточно большое количество находок из железа (наконечник стрелы, нож, удила?), дата могильника Енисейское 4, вероятно, будет все-таки несколько моложе VI в. до н.э. Предварительно ее, вероятно, следует определить достаточно широко — в пределах V–IV, а может быть даже IV–III вв. до н.э.

Следующие два памятника расположены в верховьях Чумыша (район с. Победы Целинного района). В этом районе известно значительное количество как погребальных [165], так и поселенческих [11] комплексов. Раскапывались могильники Точка 2, 3 [203], Маяцкие Бугры и Широкий Лог 2 (рис. 7–1).

Маяцкие Бугры. Курганный могильник, расположенный на Чумыш-Шалапском водоразделе в истоках р. Васи́хи между селами Степь-Чумыш и Чесноково. По свидетельству местного краеведа П.Ф. Рыженко, раньше памятник насчитывал около сотни земляных и каменно-земляных насыпей. В настоящее время сохранилась только треть курганов (рис. 8–1), остальные уничтожены распахкой и строительством дороги. Курганы, имеющие различные размеры и высоту, сгруппированы в два комплекса — северный (16 насыпей, организованных в две цепочки вытянутые с юга на север) и южный (18 насыпей: прослеживается

цепочка с юга и с ЮЗ на СВ, часть курганов расположены хаотично). Выделяется курган 1, имеющий размеры 26×18 м и высоту 2,5 м. Большая часть объектов ограблена. Раскопан южный курган (№ 29), находящийся на краю видимого могильного поля. Размеры насыпи, смещенной распахкой, 11,5×10 м, высота 0,38 м. В ЮЗ секторе расчищена могила подпрямоугольной формы, размерами 2,75×2,2 м, глубиной 1,5 м от материка, ориентированная по оси В–С. Погребение ограблено, некоторые детали позволяют реконструировать обряд: на дне в северной стенке вытянуто на спине лежал скелет женщины 20–25 лет, ориентированный головой на запад. У южной стенки с такой же ориентацией на правом боку лежала лошадь, судя по находкам, взнузданная и оседланная. Найденны роговая подпружная пряжка (рис. 9–3), железные удила (рис. 9–8), костяная пронизка (рис. 9–6) и бронзовая «пуговица»-распределитель (рис. 9–7). Пятиугольные составные костяные бляхи с центральным отверстием могли относиться как к человеческой, так и к конской амуниции (рис. 9–4, 5). Если погребальный инвентарь обычен для быстрианских сакральных комплексов и традиционно датируется IV–III вв. до н.э. [120], то найденный поминальник, расположенный у ЮВ края кургана, характерен только для причумышских курганов. Подобные «поминальники» зафиксированы на Точке 2, 3 и в Широком Логу 2, о котором речь пойдет далее.

Широкий Лог 2. Одиночный курган, диаметром 8,5 м и высотой 0,4 м, расположенный на мысе коренного правого берега р. Чумыш. Высота мыса 10–15 м (он полого спускается к пойме). Памятник расположен в 5 км северо-западнее с. Победа (рис. 7–2). Подобные одиночные курганы в Верхнем Причумышье вовсе не редкость. В окрестностях Победы и Степь-Чумыша зафиксированы еще четыре подобных объекта: Чесноково 2, Усть-Васиха 1, Усть-Шамони́ха 2, Октябрьский 2. Усть-Васиха 1 и Усть-Шамони́ха 2 разрушены природными факторами и там найдены кости людей и бронзовые котлы. Размеры сохранившихся курганов аналогичны Широкому Логу 2, как и их расположение на кромках мысов коренного берега.

Курган, который получил наименование Широкий Лог 2, по названию урочища, расположенного в 300 м северо-западнее, оказался полностью разграбленным. Подпрямоугольная могила с размытыми краями, размерами 2,2×1,42 м и глубиной 1,2 м от уровня материка, оказалась совершенно пуста. Все кости человека оказались вынуты и

разбросаны по грабительскому лазу. В заполнении найден каменный терочник со слабовыделенными бортиками, возможно, использовавшийся и как алтарик. В западном секторе насыпи, на уровне древней дневной поверхности расчищены остатки тризны в виде скопления костей барана, угольков и мелких фрагментов керамики. В восточном секторе расчищена яма (также на уровне древней дневной поверхности) с развалом двух сосудов, аналогичных керамике из могильника Енисейское 4 по форме и орнаментации, а также напоминающие поминальную керамику с Маяцких Бугров. По-видимому, Широкий Лог 2 одновременен упомянутым памятникам, т.к. других материалов, кроме двух сосудов, здесь нет. Терочник-«алтарик» редко встречается в погребальных комплексах быстринской культуры, но необходимо учитывать периферийное расположение причумышских курганов и возможные контакты выше по Чумышу с населением каменной культуры. Вполне возможно заимствование некоторых элементов обрядности.

Наличие поминальников в насыпях курганов и рядом с ними также является оригинальной чертой причумышских быстринских курганов. Это очень важный момент для стыковки сакральных и поселенческих материалов, которые известны в Бийском Приобье и в Верхнем Причумышье в больших количествах. К сожалению, часто исследователи пренебрегают подобными находками при публикации могильников, что мы уже подчеркивали и ранее. Уже первые публикации поминальной керамики указывают на ее «бытовой» характер. Таким образом, могильники привязываются к поселениям (Улус 1, Усть-Шамониха 4, Степь-Чумыш (маслозавод), Кулюк 1 и 2, Боровое 3, Иконниково 1 и т.д.).

Новые материалы подтверждают правомерность выделения в северных предгорьях Алтая быстринской культуры. Основные ее культурообразующие признаки характерны и для наших памятников. Хотелось бы остановиться на некоторых моментах. Абсолютно точно можно сказать, что грунтовых быстринских могильников нет и мнение о их наличии ошибочно. Подтверждается вывод о группировке быстринских курганов в цепочки, а не о расположении их хаотично, как считалось ранее [259, с. 32]. Погребения с коном оказались не такой уж большой редкостью. Скорее, следует говорить о быстринских могильниках, где таких захоронений значительное количество (Бийск 1, Енисейское 4, Майма 19) и могильниках, где их не-

много (Быстринка, Аэродромный, Сростки 2). Причины этого невозможно объяснить ни хронологией, ни местонахождением памятников.

Уже писалось о некоторых локальных отличиях между северными и южными быстринскими могильниками [119, с. 56]. Они заключаются в сооружении курганов из камня или земли, положении погребенного вытянуто на спине или на правом боку и т.д. Такие различия, скорее всего, следует считать в первую очередь различными контактами быстринцев: на севере и северо-западе — с каменцами, саргатами и староалейцами, на юге — с пазырыкцами. И черты, характерные для этих культур, прослеживаются достаточно четко, особенно — в керамике и погребальной обрядности [1; 6; 11; 119; 120; 121; 122; 259 и т.д.]. Причем выделяются именно черты других культур, но неизвестны чистые памятники этих культур. Сама же быстринская культура выглядит достаточно монолитно, а выделяемые группы быстринских поселений [11; 12] равномерно распределяются по всему ареалу распространения культуры. Поэтому следует говорить не о синкретичном, а о синтетическом характере быстринских памятников и в целом быстринской культуры. Ареал распространения быстринской культуры, благодаря хорошей изученности погребальных и поселенческих комплексов, очерчивается достаточно четко. На юге граница с пазырыкской культурой проходила в районе с. Майма — среднего течения р. Песчаная, на западе со староалейской — в устье р. Чемровка и устье р. Ануй, на северо-западе с каменной — в верховьях р. Чумыш. В силу слабой изученности Юго-Западного Алтая и Горной Шории, неясны границы с археологическими культурами этих территорий и характер взаимных контактов. Вместе с тем, в большей степени они были мирными. Исключение составляет только факт наличия на р. Иша и р. Березовка быстринских городищ. Высказанная ранее одним из авторов [15, с. 67] мысль о наличии их как о факте, свидетельствующем в пользу немирного характера взаимоотношений пазырыкской и быстринской культур, вероятно, не соответствует действительности. Городища мысовые, расположены по левым берегам рек и в случае нападения пазырыкцев с юга, река у осажденных оставалась за спиной. Гораздо логичнее предположить, что городища представляют собой укрепления против продвижения каких-то групп населения с юго-запада, запада или северо-запада. Таким образом, введение в научный оборот новых материалов, каждый раз, с одной стороны позволяет нам решить какие-то ранее поставленные вопросы, с другой — ставит новые проблемы.

В.В. Горбунов

Ритуальные захоронения животных кулайской культуры (грунтовый могильник Обские Плеса II)

В 1993 г. археологическим отрядом АГУ под руководством А.Л. Кунгурова в результате аварийных раскопок на грунтовом могильнике Обские Плеса II, было открыто ритуальное кладбище животных кулайской культуры [166, с. 91–96]. Продолжение работ в 1994 г. дало новые интересные материалы. Публикация всего комплекса ритуальных захоронений и его подробный анализ являются целью настоящей работы.

Грунтовый могильник Обские Плеса II представляет собой в основном двухслойный памятник. К первому слою относятся многочисленные могилы староалейской культуры (их публикацию с общим планом могильника см. в статье С.Д. Ведянина, А.Л. Кунгурова в этом же сборнике). Второй слой составляют захоронения животных кулайской культуры.

Захоронения животных расположены на западной стороне могильника, около раздува. Четыре из них (лошадь 1, 2, 4 и собака 2) идут в ряд по оси С–Ю, еще два — (лошадь 3, собака 1) немного отклонены к западу от этой цепочки.

Лошадь 1. Самое южное захоронение в ряду. Пятно овальной формы, размерами 0,92×0,52 м, ориентировано по линии СВ–ЮЗ. Яма глубиной 0,2 м от уровня материка. В захоронении находилась шкура лошади, головой ориентированная на ЮЗ. Череп лежал на нижней челюсти с небольшим завалом налево, по бокам от него располагались нижние части передних конечностей с копытами. За ними, в СВ части ямы, лежали нижние части задних конечностей. Ниже уровня черепа и ног, на дне ямы, были помещены остальные кости скелета, некоторые в сочленении (рис. 1–1). Видимо, лошадь была разделана во время ритуала, а все останки, включая мельчайшие кости, причем целые, нерасщепленные для добычи костного мозга, были защиты в шкуру. Захоронение сопровождали следующие предметы: 1. Костяные наконечники стрел. Один между ушными отверстиями (рис. 2–1), второй на носовых костях черепа (рис. 2–3). В 0,2 м к ЮЗ от захоронения находился еще один наконечник (рис. 2–2). 2. Два фрагмен-

та железной панцирной пластины, за черепом (рис. 4–5). Судя по положению предметов они лежали на шкуре.

Лошадь 2. Располагалась в 1,3 м к С от лошади 1. Пятно овальной формы, размерами 1,17×0,68 м, ориентация СВ–ЮЗ. Глубина ямы 0,2 м. Здесь также была уложена шкура лошади, головой ориентированная на ЮЗ. Череп лежал на нижней челюсти. Положение скелета аналогично первой лошади (рис. 1–2). На шкуре и около нее находились предметы: 1. Костяные наконечники стрел. Один за черепом (рис. 2–4), второй за правой передней конечностью (рис. 2–5). 2. Железный наконечник стрелы, слева от черепа (рис. 4–9). 3. Две бусины, в СВ части ямы на костях (рис. 4–11, 12). 4. Обломок железного котла (?), около западной стенки ямы (рис. 4–10).

Лошадь 3. Находилась в 4,6 м к ССЗ от лошади 2, на краю раздува, при осыпи которого разрушилась. Перекрывала яму могилы 4 (староалейской культуры). Среди конских костей был обнаружен костяной наконечник стрелы (рис. 2–6).

Лошадь 4. Самое северное захоронение в ряду. Зачищено на краю раздува, в 0,8 м к ССВ от лошади 3. Пятно овальной формы, размерами 1,04×0,63 м, ориентация СВ–ЮЗ. Яма глубиной 0,2 м. Захоронена шкура лошади, головой на ЮЗ. Череп лежал на правом боку. Передние и задние нижние конечности с копытами в сочленении, остальные кости под ними, как у первых двух лошадей (рис. 1–3). В могиле с лошадью был помещен инвентарь: 1. Костяные наконечники стрел. Один справа от черепа (рис. 2–7), второй — за ним, на ребрах (рис. 2–8). 2. Фрагмент панциря из 15 железных пластин, в северном углу ямы (рис. 3–1). Панцирь положили согнутым под углом почти 90° (рис. 1–3а).

Собака 1. Размещалась в 0,2 м к ЮЮВ от лошади 3. Скелет собаки лежал на правом боку, головой на Ю, корпусом на ЮЮЗ, правые лапы подогнуты, левые слегка согнуты в локтевом и коленном суставах (рис. 1–4). Следов пятна не зафиксировано, т.к. по цвету оно неотличимо от гумуса. Между ребра-

ми (в желудке?) находилось скопление костей мелкой рыбы. Около грудной клетки, слева, были вертикально воткнуты два костяных наконечника (рис. 2–9,10).

Собака 2. Лежала в 0,7 м к ЮВ от первой, в одном ряду с лошадьми 1,2,4. Положение «на животе» с завалом передней части корпуса влево. Головой на восток. Задние ноги подогнуты «под себя», передние лежат на боку согнуто (рис. 1–5). Находок нет.

Помимо раскопанных захоронений, на территории раздува находилось множество костей животных (лошадь, корова) из разрушенных могил такого же типа, которые возможно составляли второй ряд, расположенный западнее первого. Не исключено, что таких рядов могло быть несколько. Примерно в 6,5 м к СЗЗ от могилы лошади 1, в раздуве, среди костей животных, собраны в большом количестве фрагменты кольчуги (рис. 4–6–8). Первые наиболее значительные сборы были сделаны еще в 1978 г. во время разведки Ю.Ф. Кирюшина. Отдельные кольца и их обломки попадаются в этом месте раздува до сих пор. Поскольку на раздуве встречаются, также человеческие кости из разрушенных могил, долгое время было не ясно к какому времени и типу захоронений относятся остатки этого доспеха. Только широкомасштабные раскопки позволили определить, что памятник двухслойный и материалов позднее кулайского времени на нем нет, а все погребения людей датируются в пределах V в. до н.э., когда кольчуга не была еще изобретена [69, с. 22] и тем более не известна в восточной части Евразии [70, с. 151]. Итак, названные выше соображения позволяют утверждать, что фрагменты кольчуги происходят из ритуального захоронения лошади или коровы (?) и относятся к кулайскому времени.

Сопроводительный инвентарь из ритуальных захоронений представлен четырьмя комплексами вещей: 1. Орудия труда. 2. Вооружение. 3. Украшения. 4. Предметы быта.

Орудия труда. Представлены серией из 10 наконечников стрел, относящихся к категории — орудия охоты. По материалу изготовления наконечники принадлежат к одной группе — костяные. По способу насада они делятся на разряды, по форме упора на разделы, по соотношению насада и пера — на отдели, по поперечному сечению пера и его силуету (абрису) на типы, по поперечному сечению насада на варианты. Общим признаком для всех наконечников является поперечное сечение острия пера — четырехгранное в форме ромба.

Разряд I. Черешковые. Наконечник вставляется в древко выступающим насадом.

Раздел I. С упором в виде приостренных плечиков. Перо переходит в черешок под углом почти 90°, образуя два уступа-плечика приостренных дополнительными пазами.

Отдел I. Коротконасадные. Длина пера наконечника превышает длину насада.

Тип 1. Четырехгранные, килевидные. Поперечное сечение пера в форме ромба, а его силует в отличие от треугольника имеет не прямые боковые стороны, а несколько покатые, плавно сужающиеся к острию. Абрис пера напоминает остролистник. Длина пера в 3–5 раз больше ширины у основания. Два экземпляра (рис. 2–5,7). Вариант а) — с прямоугольным насадом. Поперечное сечение насада дает в плане прямоугольник со слегка овальными боками.

Тип 2. Пятигранные, килевидные. Поперечное сечение пера напоминает ромб с одной срезанной гранью, в результате чего получается пятигранная фигура. Один экземпляр (рис. 2–8). Вариант а).

Тип 3. Пятигранные, вытянутокилевидные. Длина пера более пяти раз больше его ширины у основания. Один экземпляр (рис. 2–4). Вариант а).

Тип 4. Пятигранные с выемкой, килевидные. Одна грань ромба срезана не ровно, а с углублением. Один экземпляр (рис. 2–2). Вариант а).

Тип 5. Шестигранные, килевидные. У ромба в поперечном сечении срезаны две грани. Два экземпляра (рис. 2–6,9). Вариант а).

Отдел II. Длиннонасадные. Длина насада больше длины пера.

Тип 6. Пятигранные, килевидные. Вариант б) — с круглым насадом, срезанным под прямоугольный на окончании. Один целый экземпляр (рис. 2–1) и один обломок черешка (рис. 2–3).

Разряд II. С раздвоенным насадом. Древко вставляется в наконечник, в вырез насада.

Раздел I. Без упора. Перо ровно переходит в насад.

Отдел I. Коротконасадные.

Тип 7. Шестигранные, килевидные. Один экземпляр (рис. 2–10). Вариант в) — с половиками насада килевидного сечения.

Особо следует отметить, что все наконечники имеют, как бы лицевую сторону, с четко выраженными гранями и зашлифованной поверхностью и изнанку, с нечеткими гранями и даже пористой поверхностью. Безусловно, наконечники рассматриваемой серии изготовлены для практической деятельности.

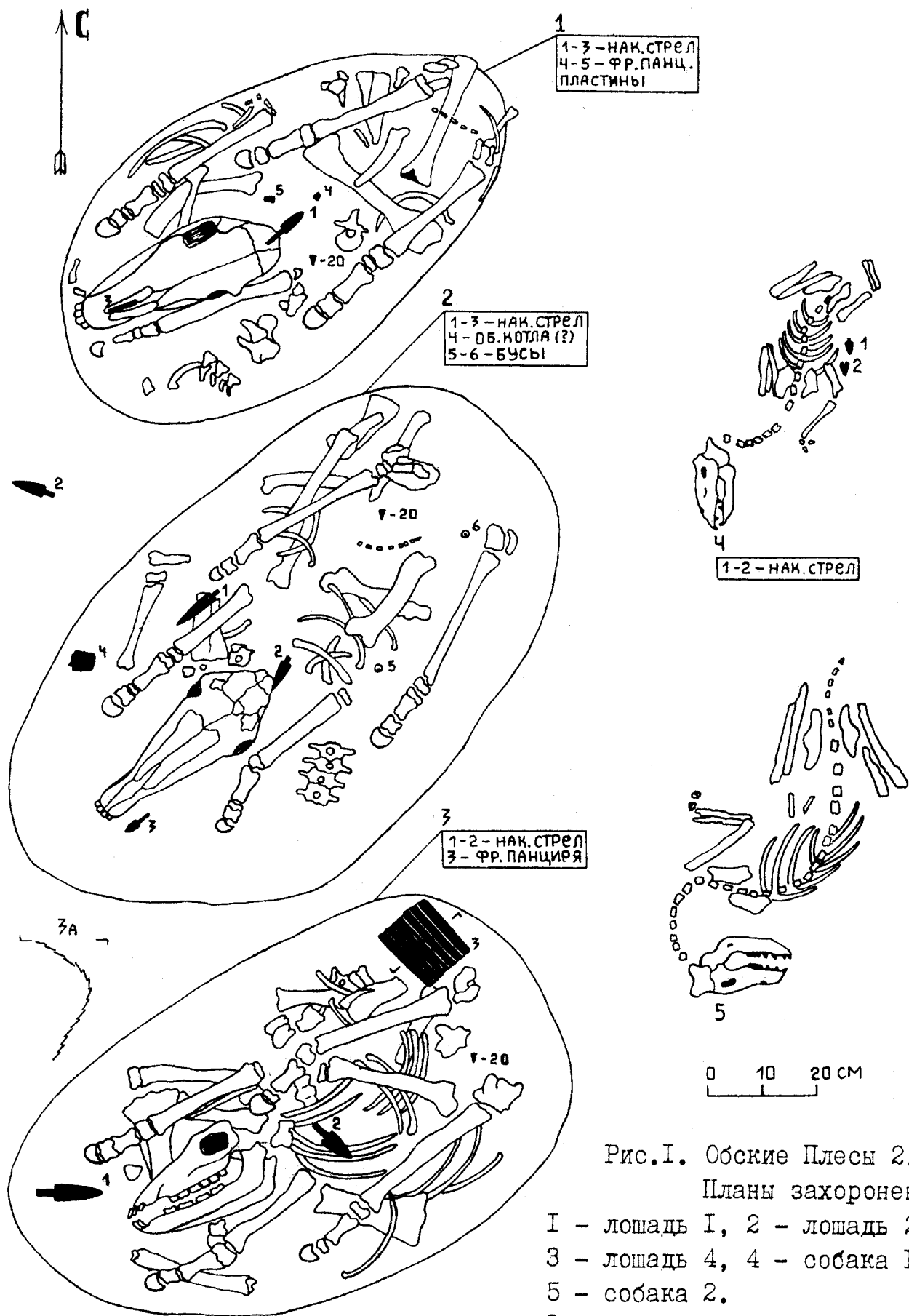

Рис. I. Обские Плесь 2.

Планы захоронений:

I - лошадь I, 2 - лошадь 2,
3 - лошадь 4, 4 - собака I,
5 - собака 2.

За - положение панциря в
могиле лошади 4 (разрез).

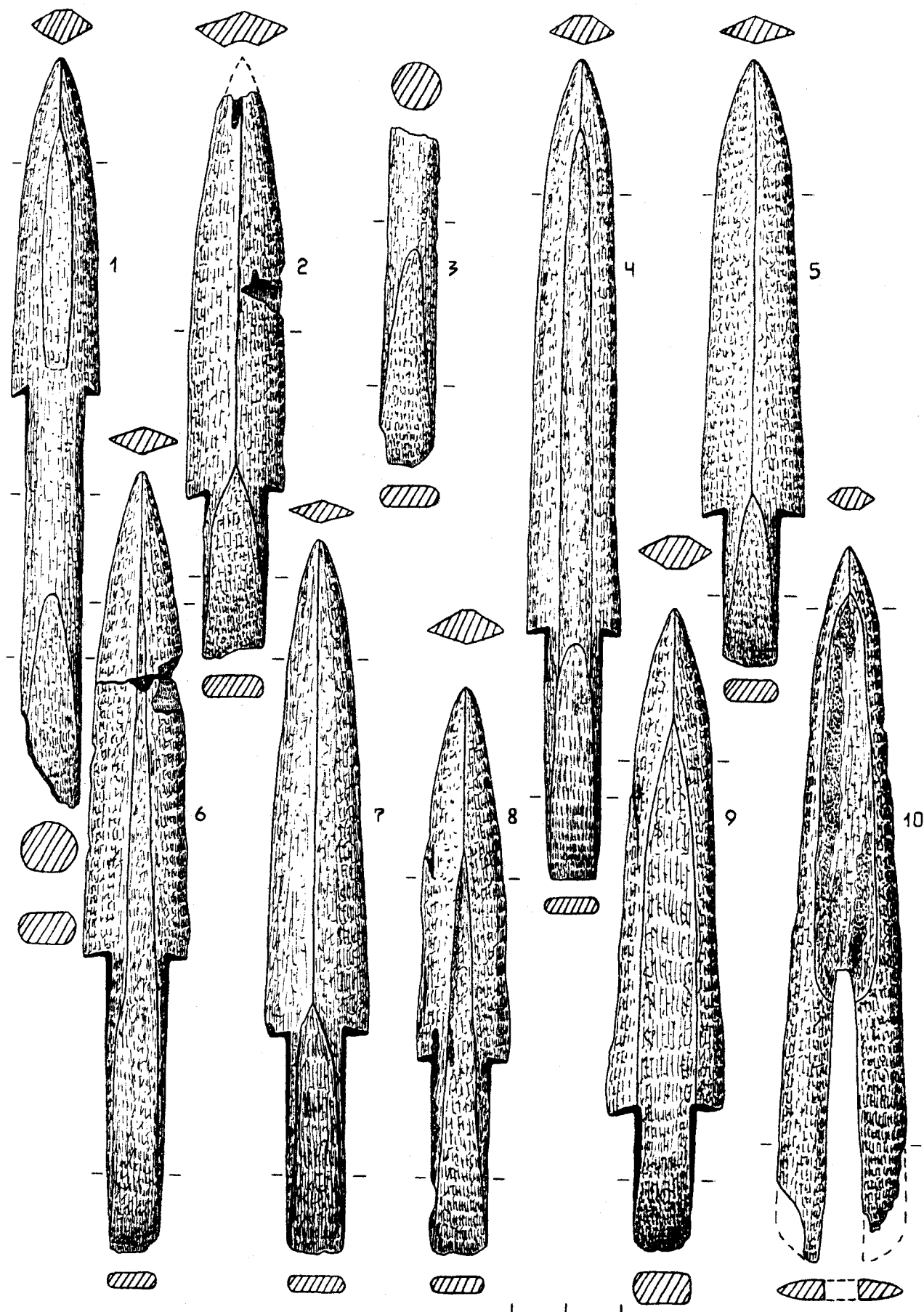

Рис.2. Обские Плесы 2. 1-3 - лошадь I, 4,5 - лошадь 2, 6 - лошадь 7,8 - лошадь 4, 9,10 - собака I. I-10 - кость.

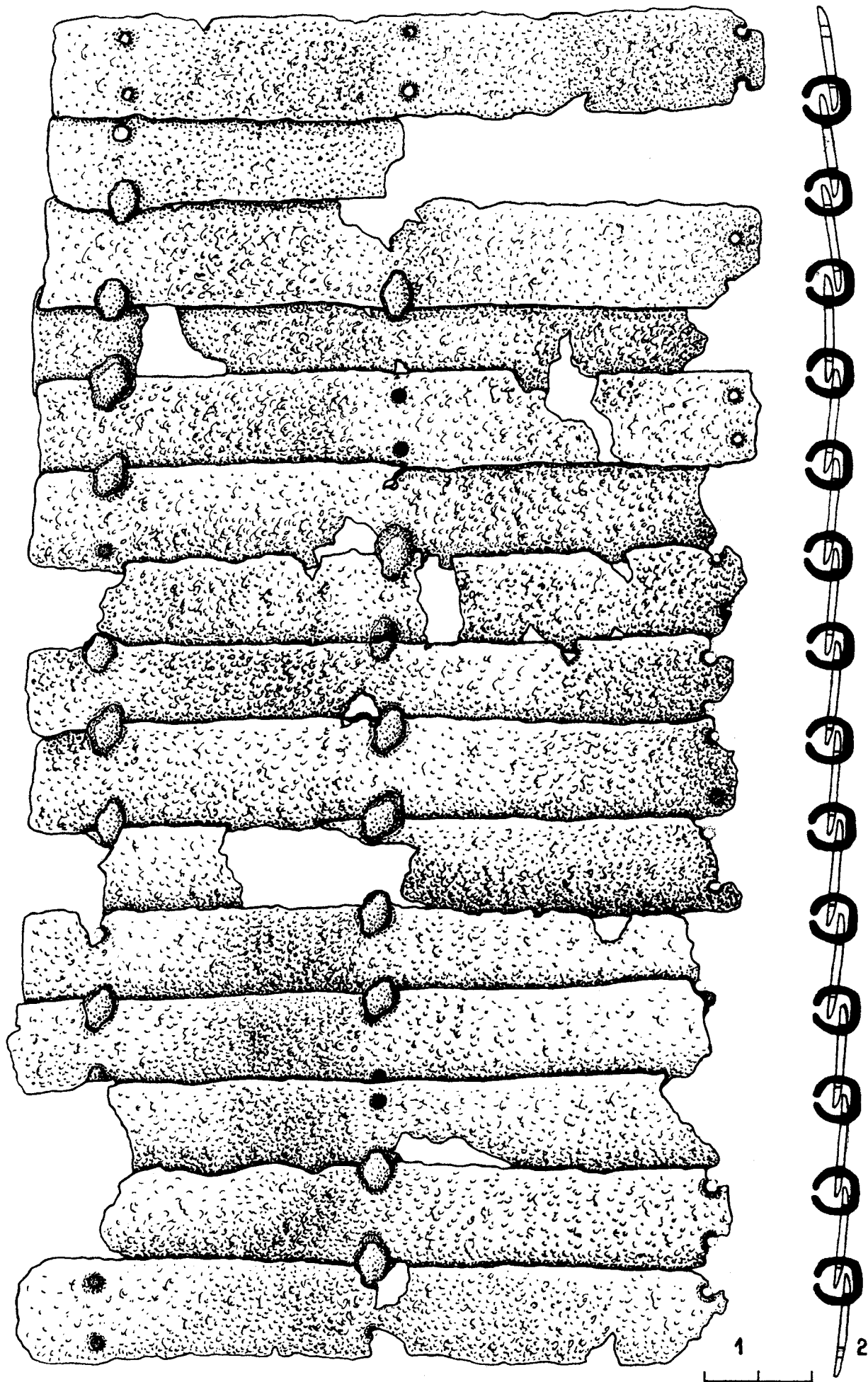

Рис.3. Обские Плесы 2. 1 - фрагмент панциря из могилы лошади 4 (железо), 2 - схема крепления пластин (разрез).

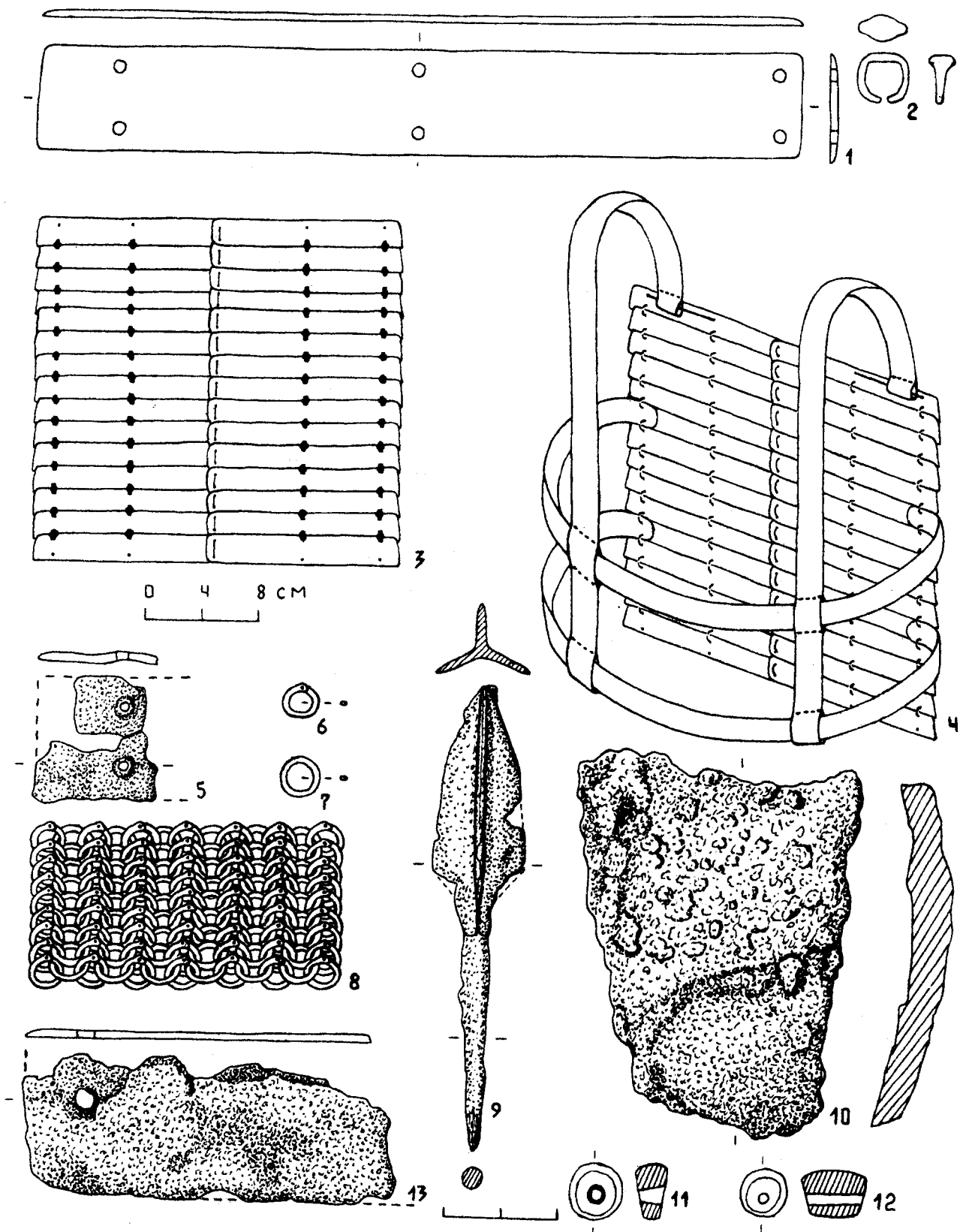

Рис.4. Обские Пlessи 2. 1 - пластина от панциря, 2 - крепежное кольцо, 3,4 - реконструкция панциря-нагрудника и системы ремней для его ношения, 5 - фрагмент панцирной пластины из могилы лошади 1, 6-8 - кольчужные кольца и фрагмент их плетения с раздува, 9-12 - инвентарь из могилы лошади 2, 13 - фрагмент панцирной пластины с Городища 3. 5-10,13 - железо.

ти. На это указывают зазубрины и сколы, разрушенные части насада и пера.

Наконечники сходных форм (для типов 1–5) встречены в погребениях этого же могильника. Однако они имеют в основном трехгранное сечение и другие упоры. Существенным различием являются также крупные размеры наконечников из захоронений животных. От 10,5 до 15 см, что в два и более раза превосходит наконечники из погребений. Сохранность крупных наконечников намного лучше.

Более точные аналогии, по силуэту пера и его сечению, известны в памятниках больше-реченской и тагарской культуры, но и там наконечники таких типов имеют меньшие пропорции [79, табл. XV–6, 34, 35; XXI–24; 162, рис. 12–20, 24; 212–12, 25, 29; 246–29; 282–16, 20; 285–18, 24; 294–22, 24]. Костяные наконечники стрел, идентичные рассматриваемым по форме, сечению и размерам, происходят из памятников кулайской культуры Новосибирского Приобья и лесостепного Алтая, а также культового места Айдашинская пещера [246, табл. VII–14, 16, 24, 28, 30, 31; 79, табл. LI–7, 10, 11; 19, рис. 6–6; 207, табл. XLI–15, 18–20, 318; XLII–9, 13, 16, XLIV–8, 89; XLV–6, 7, 11–13]. Общие хронологические рамки их существования для Верхнего Приобья могут быть определены временем существования здесь кулайской культуры — кон. III в. до н.э. — III в. н.э. [275, с. 48–52]. На территории лесостепного Алтая такие наконечники, пока, встречены только в памятниках III фоминского этапа кулайской культуры, а следовательно должны датироваться концом I–III вв. н.э. [275, с. 43–44]. Костяные наконечники стрел редко используются как хронологический или этнокультурный маркер, но кулайские крупные наконечники с прямыми приостренными плечиками легко отличаются от подобных из культур скифской эпохи и не встречаются в памятниках эпохи «великого переселения народов». В переходных и раннеединцовских памятниках лесостепного Алтая костяные наконечники имеют другие упоры в виде слабовыраженных плечиков, переходящих в черешок под тупым углом, зачастую плечики покаты и едва различимы [79, табл. XXXII–XXXIV, XXXVIII, XLI, XLII, XLVII; 285, рис. 5–13–20, рис. II–2–8]. Таким образом костяные наконечники из захоронений животных четко очерчивают их верхнюю дату — не позднее III в. н.э., а также указывают на принадлежность могил, в которых они найдены, к кулайской культуре.

Заканчивая характеристику костяных наконечников стрел, необходимо остановиться

на их функциональном назначении. В археологии существуют две основные точки зрения: первая — это применение костяных наконечников специально для охоты, вторая — использование не только для охоты, но и в качестве оружия [162, с. 30; 305, с. 41–42 и мн. др.]. В пользу полифункциональности приводятся в основном такие аргументы: значительный удельный вес костяных наконечников в общем наборе стрел, встречаемость их в одном колчанном наборе с металлическими, наличие в могилах людей пораженных такими стрелами. Однако, количественный фактор вероятнее всего указывает на большую роль охоты, встречаемость в одном наборе — на равную ее значимость (и в потустороннем мире) с войной, а наличие убитых костяными стрелами еще не свидетельство их гибели на войне. Конечно до применения охотничьих орудий в военных действиях один шаг, но это не доказывает их отношения к комплексу вооружения. С таким же успехом к вооружению можно отнести деревянную дубину, обычный топор, бытовой нож и вообще все то, чем можно убить. Но комплекс вооружения включает в себя средства защиты и нападения, созданные специально. По мнению автора настоящей работы, костяные наконечники стрел создавались для охоты: в первую очередь это объясняется легкостью индивидуального изготовления, дешевизной материала и его достаточной степенью проникаемости для такой цели. Наличие даже простого защитного доспеха (из дерева, кости, кожи) сильно снижало их эффективность и в этом плане они не могли составить конкуренцию металлическим наконечникам. Костяные наконечники стрел являются таким же охотничьим инвентарем, как капкан или силки; как удочка и крючок для рыболовства; как плуг и лемех для земледелия и т.д. В этом качестве они могут быть отнесены к комплексу орудий труда.

Вооружение. Представлено двумя категориями: наступательное оружие и защитный доспех.

Наступательное оружие состоит из одного железного наконечника стрелы (рис. 4–9). Наконечник трехлопастной, вытянутошестиугольной сужающейся к острию формы, упором служит небольшая трехлопастная шейка в которую переходят лопасти пера, с круглым черешком. Шестиугольные наконечники появляются не ранее II в. до н.э. и наибольшее распространение получают в I тыс. н.э. Для II в. до н.э. — V в. н.э. характерны небольшие размеры таких наконечников, обычно без

упора [305, рис. 5-1, 25-23, 24,30, 58-6]. Наличие в виде упора трехлопастной шейки характерно для стрел хуннской традиции, а утрата этого типологического признака относится к III в. н.э. [212, с. 126, 129]. Во второй половине I тыс. н.э. пропорции шестиугольных наконечников увеличиваются, появляются хорошо выраженные упоры [304, табл. XX-1,3; XXII-1; XXIII-1; 305, рис. 64-10, 12-15].

Защитный доспех насчитывает два экземпляра от пластинчатых панцирей и один от кольчатого.

1. Фрагмент железной панцирной пластины (сломанный на две части) из захоронения лошади 1 (рис. 4-5). Его длина и ширина по 2,2 см, толщина 1,5 мм. Один из краев пластины был ровным. По сторонам расположено два сквозных отверстия для крепления.

2. Фрагмент пластинчатого панциря из захоронения лошади 4. Насчитывает 15 железных пластин скрепленных между собой несомкнутыми железными кольцами (рис. 3-1). Все пластины в той или иной степени разрушены и деформированы, очевидно это связано с практическим применением панциря, т.к. степень коррозированности пластин невысока. Общая форма, размеры и система отверстий пластин легко восстанавливаемы (рис. 4-1). Длина каждой пластины — 13,5 см, ширина — 1,8-2 см, толщина 1,5 мм. Пластины прямоугольной формы со слегка заваљцованными углами, один край прямой, другой немного скошен сверху вниз. По сторонам расположено шесть сквозных отверстий, тремя парами: одна пара посередине пластины, вторая в 3 мм от прямого края, третья в 12-14 мм от скошенного края. От боковых сторон отверстия отстоят на 3 мм. Диаметр отверстий 2-3 мм. Пластины соединены в вертикальный ряд при помощи несомкнутых колец (часть колец тоже повреждена) только через две пары отверстий: центральную и у скошенного края. Каждое кольцо проходит в верхнее и нижнее отверстие соседних пластин (рис. 3-2). По форме кольцо напоминает перстень с плоским овальным щитком (рис. 4-2). Размеры кольца 9×8,5 мм, ширина щитка — 5 мм, толщина стержня — 1,5 мм. Разъем между концами кольца — 1 мм. Этого недостаточно для свободного снятия пластины, но если кольцо немного разжать, то пластина снимется. Такой способ обеспечивал возможность быстрого ремонта панциря, как пластин, так и колец. Пластины перекрывают друг друга всего на 2-3 мм. Для первых 11 пластин (отсчет снизу) перекрытие идет по принципу: нижняя

перекрывает верхнюю; на 12-й пластине оно меняется и 13-15-я, перекрываются сверху вниз, а 12-я пластина перекрыта с двух сторон (рис. 3). При такой системе она наиболее уязвима от прямого удара, т.к. не подпирается соседней пластиной. Помимо этого наблюдаются случаи перемещения сторон, так пластина 11 до середины перекрыта нижней, а затем сама перекрывает ее, то же самое у небольшого крайнего участка пластины 8 (рис. 3-1). Очевидно это вследствие разжавшихся колец. Ясно, что в могилу была положена только часть панциря, причем не пригодная для дальнейшей починки. Пара отверстий у прямого края всех пластин не имеет следов крепления. Это значит, что они предназначались к соединению с другим вертикальным рядом. Учитывая направленность пластин длинной стороной по горизонтали можно говорить о панцире типа — нагрудник. Об этом свидетельствуют находки целых панцирей-нагрудников и их крупных фрагментов [285, рис. 7; 246, рис. 3; 55, рис. 4-13; 247, табл. XI-5; 144, рис. 11-1-6]. Общая длина нашего фрагмента (в «расправленном» виде) 26 см. Конечно пластин в вертикальном ряду могло быть больше, но и 15 штук достаточно для защиты груди и верхней части живота. В ширину такому нагруднику хватило бы еще одного вертикального ряда (рис. 4-3). Пластины второго ряда скорее всего располагались скошенным краем наружу, а прямым вовнутрь, перекрывая точно такой же первого ряда. При перекрытии отверстия рядов совмещались, соединяясь через каждые две пары отдельным ремешком. Один ряд перекрывал другой на 8 мм и общая ширина нагрудника составляла 26,2 см. Например нагрудник из Чендека имел ширину 26 см [246, с. 42]. Общая форма нашего нагрудника предстает в виде почти квадратного листа 26×26,2 см. Крепление рядов при помощи таких же железных колец сомнительно, т.к. тогда кольцо крепил бы сразу не две, а четыре пластины, что делало конструкцию слишком неподвижной и хрупкой. Скрепление кольцом только двух пластин оставляло каждой из них место для амортизации при ударе. Правда кольца для скрепления рядов могли располагаться горизонтально. В этом случае они соединяли только два отверстия, а ряд перекрывался на 3 мм и ширина нагрудника увеличивалась до 26,7 см. Автором отдается предпочтение первому варианту реконструкции нагрудника (рис. 4-3). Носился такой панцирь на ремнях охватывающих торс воина со спины и соединяющих его боковые края. Верхний край панциря имел оплечные рем-

ни, крепившиеся к наспинным. Крепление ремней к нагруднику могло быть двух типов: глухое, тогда панцирь одевался через голову (рис. 4-4) или с помощью пряжек. Безусловно подобный доспех надевался на одежду из плотной ткани или кожи. По структуре набора наш нагрудник имеет многие данные ламеллярного доспеха. Он набран в полосы-ряды из отдельных пластин, перекрывающих друг друга и скрепленных только между собой [70, с. 151; 68, с. 165]. Но вместо ремешков (хотя частично, как показано выше, они могли применяться) для соединения использованы несомкнутые кольца. Как известно соединение пластин кольцами — характерная черта пластинчато-кольчатого доспеха, который появился в Восточноевропейских степях не ранее середины XIV в. н.э. [68, с. 186]. В отличие от нагрудника его пластины соединены сомкнутыми кольцами и не перекрывают друг друга, а подходят встык [68, рис. 3-20]. Нагрудник из Обских Плесов пожалуй следует отнести к ламеллярной структуре, именно к ней относятся все известные нам нагрудники, но учитывая своеобразный материал крепления.

Появление доспехов из железных пластин в Северной и Центральной Азии относится к II-I вв. до н.э. [89, рис. IX-19]. Железным пластинам предшествовали костяные (роговые). В лесостепном Алтае они известны в березовских памятниках — III-II вв. до н.э. [179, табл. IX-8; XXVI-8; XLI-3], в Новосибирском Приобье на I — нач. II этапах кулайской культуры — кон. III-I вв. до н.э. [275, табл. IX-17, 18, 21, 22; XXIX-1]. Наиболее ранние железные пластины на указанных территориях встречены на оз. Большой Иткуль, Городище-3 — III-IV вв. н.э., в могильниках Троицкий Елбан I, BE XIV, Татарские могилки — IV-V вв. н.э., Крохалевка 23 — V — первая пол. VI вв. н.э. [16, с. 107; 65, с. 89; 285, с. 148; 282, с. 118]. Из них экземпляры с памятников Троицкий Елбан I, BE XIV и Крохалевка 23 представлены пластинами вертикального направления от панцирей типа — длиннополая катафракта [65, рис. 4-6; 79, табл. XLI-11; 282, рис. 11]. В Татарских могилах обнаружено два целых нагрудника из горизонтальных пластин. Находка на Обских Плесов II половины нагрудника (лошадь 4), позволяет уверенно интерпретировать фрагмент пластины из могилы лошади 1, как горизонтальную от такого же нагрудника. На это указывают размеры пластины и расположение отверстий. Судя по расстоянию от отверстий до края, по-

следний был скошенным (рис. 4-5). По иному следует взглянуть и на фрагмент панцирной пластины с Городища 3 [65, с. 89]. Вероятнее всего, он тоже от горизонтальной пластины (более крупных размеров) нагрудного панциря (рис. 4-13). Хорошо датированные панцири-нагрудники известны на территории Горного Алтая: Кок-Паш, Берель, Чендек [66, с. 43] и Киргизии: Акчий-Карасу [144, с. 92]. Они относятся к III-V вв. н.э. Таким образом, нижняя хронологическая граница для нагрудников с Обских Плесов II проходит в III в. н.э. Пластины всех панцирей-нагрудников, учтенных в настоящей работе, крепились ремешками [294, с. 161; 246, с. 42; 144, с. 92; 247, с. 50]. Но креплению нагрудника с Обских Плесов, есть все же одна точная аналогия. Это три железные панцирные пластины, которые соединены между собой точно такими же кольцами в виде перстня, принцип соединения идентичен [247, с. 51, табл. X-2]. По публикации материала правда не ясно, сомкнуты кольца или нет. Данные пластины по своим параметрам также могут относиться к нагрудному горизонтальному панцирю. Любопытно, что они происходят с Васюганья — коренной территории кулайской культуры [275, с. 5].

3. Кольчатый панцирь представлен фрагментами кольчуги с раздува. Всего на раздуве было собрано 949 целых железных колец (в виде сплетенных обрывков или отдельных колец), 975 обломков колец и 97 спекшихся кусков кольчуги, которые насчитывают от десятка до нескольких сотен колец. Судя по внешнему виду колец, все они от одного доспеха. Кольца двух типов: 1) цельносварные, диаметр 7,5 мм, форма круглая, толщина 0,5-1 мм, поперечное сечение овальное (рис. 4-7); 2) склепанные, диаметр 6,5 мм, форма овально-приостренная, остальные данные те же (рис. 4-6). На всех обрывках просматривается один принцип плетения колец — четыре склепанных кольца вставлены в одно сварное (рис. 4-8). Учитывая большое количество колец можно сказать, что в захоронение был помещен довольно крупный фрагмент доспеха.

Кольчужные панцири появляются в Восточной Азии около III в. н.э. [70, с. 151]. В основном они использовались в Средней Азии. Так довольно часто фрагменты кольчуг встречаются в погребениях кенкольской культуры [144, с. 97, рис. 11-7]. Для Северной Азии наиболее ранним считался фрагмент кольчуги из могильника Кудыргэ — вторая пол. VI — первая пол. VII вв. н.э. [2, табл. XXIV-1]. На-

ходка кольчуги на Обских Плесах удревняет время появления такого доспеха до III в. н.э.

Обнаружение на Обских Плесах защитного доспеха кулайской культуры существенно расширяет наши знания о вооружении ее населения. То, что нижняя дата всех трех панцирей III в. н.э. не случайно. Именно в это время в Азии начинается эпоха «великого переселения народов», когда военная напряженность резко возрастает. Значение вооружения увеличивается и его предметы помещаются не только в погребения людей, но и в ритуальные захоронения. Кулайское население очевидно вынуждено было защищаться от агрессии соседей, пополняя свой арсенал более совершенными средствами. В частности на смену костяному приходит металлический доспех. Здесь можно говорить о влиянии со стороны Средней Азии. Появление кольчуги безусловно связано с ее территорией. Там же известен и панцирь-нагрудник, но в Западной и Южной Сибири таких панцирей известно намного больше. В основном они концентрируются на территории лесостепного и Горного Алтая (для лесостепного — 5 экз.: Обские Плеса II — 2 экз., Городище 3 — 1 экз., Татарские Могилки — 2 экз.; для горного — 5 экз.: Чендек — 1 экз., Берель — 1 экз., Кок-Пап — не менее 3 экз.). Есть и определенный иконографический материал на кулайских бронзовых изделиях с изображением защитного доспеха. Это фигуры всадников на ножнах из Татарских могил и бляхе из Холмогорского клада [285, рис. 6–5; 318, рис. 30–8]. Первое изображение стилизовано, но видно, что тело и руки всадника покрыты маленькими колечками — обычно так передается кольчуга [70, с. 171, рис. 8–16]. Реалии второго всадника более подробны. На нем надет панцирь, переданный горизонтальными волнистыми линиями, а руки до кистей покрыты мелкими колечками — кольчугой. Перед нами вариант усиленного доспеха, когда поверх кольчуги надет еще один панцирь — пластинчатый. Судя по тому, что верхний доспех состоит из горизонтальных линий, он набран из пластин такого же направления, а горизонтальные пластины встречены пока только у панцирей покроя нагрудник. Правоммерно предположить, что нагрудный панцирь мог использоваться как усиливающая часть более полного доспеха. Волнистые линии можно сопоставить с длинными панцирными пластинами, у которых одна сторона имеет аналогичное оформление [247, табл. XI–3,4]. В этом случае первоначальная рекон-

струкция Л.А. Чиндиной релкинского панциря имеет право на существование как горизонтальный нагрудник (причем пластины волнистой стороной направлены вверх), [317, рис. 2–1; 318, рис. 31–А; 247, с. 52; 70, рис. 13–4].

Украшения. Данный комплекс насчитывает всего две бусины белого цвета из захоронения лошади 2 (рис. 4–11,12). Бусы сделаны из стекловидной пасты (?), для продевания на нить снабжены сквозными отверстиями, в поперечном сечении имеют округлую форму, в продольном — трапецевидную. Подобные бусы распространены во времени и пространстве довольно широко и неразработанность типологии этой категорий сводит на нет их датирующие и культурноопределяющие возможности.

Предметы быта. К ним условно относится фрагмент железного изделия, найденный в могиле лошади 2 (рис. 4–10). Его внешняя поверхность сильно корродирована, внутренняя — лучшей сохранности. В поперечном сечении фрагмент дугообразной формы, толщина без коррозии — 5 мм. Предмет может быть интерпретирован как стенка от железного котла, т.к. имеет для этого характерную форму и толщину. На территории лесостепного Алтая наиболее ранний железный котел найден в могильнике Степь-Чумыш — IV–V вв. н.э. [285, с. 136,141, рис. 1–1].

Исходя из проведенного анализа сопроводительного инвентаря ритуальные захоронения животных на грунтовом могильнике Обские Плеса II следует датировать в широких пределах кон. I — нач. IV вв. н.э., но учитывая взаимовстречаемость хорошо датируемых вещевых комплексов (орудий труда и вооружения), эту дату можно сузить до собственно III в. н.э. Для костяных наконечников и железного наконечника стрел он является верхней границей, а для панцирей — нижней. В культурном отношении данный памятник принадлежит к III фоминскому этапу кулайской культуры.

Подобному обряду отдельного захоронения животных пока найдена только одна точная аналогия — это ритуальное захоронение кабанов в Новосибирском Приобье, на городище III этапа кулайской культуры — Ивановка 4. Совпадает даже ориентация животных — ЮЗ [275, табл. XLII]. Захоронения собак, коней, баранов или их черепов изучены в могильнике Каменный Мыс, городище Дубровицкий Борок 3, поселении Ордынское 9, могильнике БЕ XIV [275, с. 58–59; 79, с. 107–108]. Обские Плеса II отличает само-

стоятельность кладбища, захоронения животных здесь не связаны с могилами или жилищами людей. Очевидно это место в кулайское время имело только культовый характер. Его исследование лишний раз свидетельствует о наличии культа домашних животных у кулайского населения. Обращает на себя внимание скотоводческая направленность захоронений — лошадь, корова, собака (в качестве пастушеской). Хотя захоронения собак, да и лошадей, могут быть связаны и с охотничьим промыслом, на что указывает большое количество костяных наконечников стрел. В сущности орудия охоты составляют половину всего инвентаря. Значительная часть другой его половины — предметы вооружения, которые обнаружены только в могилах лошадей. Это скорее всего связано с культом конного воина, характерные изображения которого встречаются на бронзовых обкладках ножен из фоминских могильников, а также на кулайском бронзовом литье [79, табл. LI-13,14; 285, рис. 6-5; 318, рис. 30-8]. Таким образом ритуальные действия касались трех важных сфер жизнедеятельности

кулайского общества: скотоводство, охота, война, которые видимо были тесно связаны между собой. Скотоводческое хозяйство обеспечивало коллектив средствами передвижения (помимо прочих своих продуктов), необходимыми для ведения охоты (особенно обильной) и военных действий. Роль же охоты, как школы в воспитании и подготовке воинов, едва ли можно отрицать для любого древнего общества. В свою очередь, последние два занятия определяли постоянный спрос в первом, в частности в коневодстве.

А.В. Гальченко были изучены костные остатки животных из раскопанных захоронений. Все лошади определены как жеребята в возрасте около 8 месяцев, когда их только что оторвали от матери — «отъемыши». Одна из собак (собака 2) является взрослой особью, другая (собака 1) щенок около 6 месяцев. Порода собак определена как «лайкоиды, пастушечьи или охотничьи». Получается, что для ритуала отбирался в основном молодняк. Можно также отметить факт ориентации всех животных головой в сторону луговой поймы, спиной к лесу.

А.А. Казаков

К вопросу о формировании одинцовской культуры (по материалам погребальных комплексов Барнаульско-Бийского Приобья)

Вопросы формирования любой археологической культуры являются краеугольным камнем, от которого отталкиваются исследователи в своей дальнейшей работе по изучению этой культуры. От верного решения этого вопроса зависит и правильность всех остальных выводов. Зачастую исследователи только констатируют появление новой археологической культуры (АК), в лучшем случае ограничиваясь кратким анализом компонентов, приведших к ее сложению. А ведь формирование новой АК процесс сложный, в котором задействованы большие массы населения, с различными хозяйственно-культурными типами (ХКТ), идеологией, зачастую разнотипные. Скурпулезный анализ всех

компонентов позволяет не только правильно решить многие вопросы древней истории, но и избежать ошибок в дальнейшей работе по исследованию новой АК.

Особую остроту вопросы формирования АК приобретают в эпоху раннего средневековья, в период бурных исторических событий, приведших к смене облика АК во всей степной и лесостепной полосе обширного Евразийского континента [30, с. 90; 60, с. 108; 79, с. 99; 178, с. 13 и др.]. Этот период неспроста называют эпохой великого переселения народов. Именно в это время происходят значительные перемещения в пространстве за короткое время огромных масс людей, исчезают с исторической арены одни АК и на смену им прихо-

дят другие, культурообразующие признаки которых зачастую радикальным образом отличаются от присущих предшествующим АК на этих же территориях.

В этих условиях вопросы формирования новых АК невозможно правильно решать в отрыве от общей исторической ситуации, на фоне которой это формирование происходит. От решения этих вопросов зависит и решение других, не менее важных проблем.

В круговорот событий этой эпохи были вовлечены и территории Западной Сибири. Именно эти события привели к формированию одинцовской культуры, в результате них сформировались и тюрки, которые в последующем были основной политической силой, определяющей исторические процессы на огромных просторах Евразийских степей.

Однако до сих пор вопросы появления как одинцовской культуры, так и тюрков, далеки от окончательного разрешения. Если проблемой предтюркского времени занимается большое количество ученых, древних тюрков изучает еще большее, то вопросы формирования одинцовской культуры остаются в стороне, а их решение проливает свет, как мы увидим ниже, на многие важнейшие проблемы.

Необходимо отметить еще одну тенденцию в Западносибирской медиевистике — широкие исторические обобщения. На смену АК, основной единице, ранее подвергавшейся изучению, приходят культурно-исторические общности (КИО), этнокультурные общности (ЭКО) и другие крупные таксономические единицы, которыми в наше время оперирует большинство ученых, занимающихся этой проблематикой. Высказываются даже точки зрения, призывающие отказаться от конкретных АК в пользу более общих таксономических единиц. В этой ситуации автор поддерживает Л.А. Чиндину, которая предостерегает от однолинейного рассмотрения культурного развития и считает, что именно конкретные АК определяют содержание КИО. И именно изучение АК позволяет оперировать более широкими обобщениями, которые уже будут не безликими, а наполненными конкретным историческим содержанием [319, с. 53–54]. Кроме того, всегда необходимо помнить, что и внутри КИО происходят исторические процессы, и никоим образом нельзя уstraиваться от их изучения и их игнорировать.

Исходя из этого положения, автор попытается на конкретном материале проследить формирование одинцовской культуры и интерполировать некоторые результаты на другие проблемы западносибирской археологии,

тем более, что это поможет решить некоторые спорные вопросы, касающиеся тюркизации Верхнего Приобья.

Процесс формирования любой АК многокомпонентен. При его решении необходимо определиться с тремя основными положениями: 1 — место формирования, 2 — время формирования, 3 — компоненты формирования.

Вопрос о месте формирования к настоящему времени почти решен. Основная заслуга в решении этого вопроса принадлежит М.П. Грязнову. Среди древностей верхнеобской культуры им были выделены материалы переходного периода [79, с. 117–126], отнесенные к V в. н.э. Совершенно справедливо М.П. Грязнов разместил эти материалы между комплексами фоминского и одинцовского этапов, усматривая несомненную преемственность в их развитии.

Т.Н. Троицкая, вносящая неоценимый вклад в изучение одинцовской культуры, проанализировав в свете новых материалов и памятники, исследованные М.П. Грязновым, выделила материалы переходного периода из пункта БЕ 3, датировав их III–IV вв. н.э. [276, с. 102], все остальные были отнесены ею непосредственно к одинцовской культуре. Могильник Татарские Могилки был назван типично переходным памятником [276, с. 102].

Кроме захоронений в пункте БЕ 3 и Татарских Могилках появились и материалы из могильника Троицкий Елбан 1, также относящиеся к переходному периоду [65], в инвентаре которого есть вещи, находящие прямые аналогии в захоронениях пункта БЕ 3.

Кроме того, именно из этого региона происходят и поселенческие памятники переходного времени, надежно датированные методом C_{14} , керамические комплексы которых занимают промежуточное положение между комплексами керамики кулайской культуры (фоминский этап) и одинцовскими.

Несмотря на неплохую изученность памятников этого времени на сопредельных территориях, материалов переходного периода в них нет.

Таким образом, мы видим, что материалы переходного периода локализуются именно в Барнаульско-Бийском Приобье и из этого можем сделать вывод, что формирование одинцовской культуры происходит именно в этом узколокальном регионе.

Т.Н. Троицкая включает в ареал формирования одинцовской культуры и Новосибирское Приобье [276, с. 53; 276, с. 116], однако материалов переходного периода в этом регионе нам неизвестно (возможно, они не

опубликованы), поэтому пока его можно исключить из ареала формирования единичной культуры.

Вопрос о времени существования переходного периода также рассматривался Т.Н. Троицкой. Его хронология была определена III–IV вв. Напомним, что М.П. Грязнов датировал его V–VI вв.

Остановимся на этом вопросе подробнее, т.к. он является одним из основополагающих.

В настоящее время среди археологов сложилась практика перекрестного датирования комплексов путем подбора аналогий. Этот метод себя оправдал полностью. Беда же в том, что типологии и хронологии основных категорий инвентаря до сих пор еще нет, и это узкое место современной археологии. Работы, которые посвящены этому вопросу, страдают небольшим изъяном, а именно — датируют вещи созданных типологий также, как археологи, их нашедшие. Те, в свою очередь, берут хронологические маркеры из обобщающих работ 50-х гг. и из типологий, созданных на базе их же работ. Таким образом, образуется порочный круг, который разорвать очень трудно. Вся хронология Верхнего Приобья держится на работе М.П. Грязнова [79]. Работа со ссылками на других авторов по цепочке приводит к тому же результату. Поэтому при решении вопроса о хронологии переходного периода мы обратимся прежде всего к работам авторов, над регионами которых не давит заслуженный авторитет «Истории древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка».

Решение вопроса хронологии переходного этапа невозможно без пересмотра материалов памятников, исследованных М.П. Грязновым в урочище Ближние Елбаны. Такая работа была проделана Т.Н. Троицкой [276], ее результаты были изложены выше.

Вернемся к этому вопросу еще раз. Были проанализированы 12 погребений пункта БЕ 3, 1 могила пункта БЕ 7, 11 погребений пункта БЕ 12, 19 погребений пункта БЕ 14, исследованные М.П. Грязновым и пять погребений пункта БЕ 16, исследованные М.Т. Абдулганеевым [13].

Все погребения в пунктах БЕ 3, 7, 12, 14 М.П. Грязновым были отнесены либо к переходному, либо к единичному этапам. На м. 15 из пункта БЕ 7 мы останавливаться не будем, т.к. ее принадлежность фоминскому этапу кулайской культуры была доказана ранее Т.Н. Троицкой [276, с. 102].

Анализ инвентаря могильника БЕ 3 позволяет нам сразу же исключить из этого ком-

плекса м. 12, в которой помещен плоскодонный сосуд [79, табл. 46–2], явно вычленившийся из всего комплекса. Наиболее вероятно, что это могила березовского этапа больше-реченской культуры (по М.П. Грязнову), ведь на площади пункта БЕ 3 совмещены могильники этих хронологических групп. Остальной комплекс, выделенный М.П. Грязновым в переходный период, абсолютно однороден как по погребальному обряду, так и по составу инвентаря.

Остановимся на кратком анализе керамического материала этого комплекса. Все сосуды круглодонные, немного вытянутых форм (диаметр венчика немного больше высоты сосуда), с крайне неразвитой или отсутствующей шейкой. В орнаментации полностью отсутствует фигурный штамп, наиболее распространенный элемент — ямки. Обратим внимание на признаки, выделяющие этот комплекс из комплексов фоминского этапа кулайской культуры и собственно единичных. Это отсутствие фигурного штампа (кулайский признак), неразвитость форм (у единичных сосудов шейка четко выражена) и немного вытянутые пропорции. Эти три признака являются определяющими при выделении керамического комплекса переходного этапа.

Из инвентаря, найденного в могилах, хронологически показательны следующие вещи:

1. Подвеска в форме миниатюрного бронзового котла, найденная в м. 1 [79, табл. 45–7]. Имеет аналогии среди древностей тепсейского этапа таштышской культуры, из погребений в склепах [46, с. 241]. Датируется III–V вв.

2. Бронзовая серьга-подвеска в виде скрученных спиралей. Точных аналогий автор не нашел, однако подобные мотивы распространены в бронзовых украшениях азелинской культуры [219, с. 77, рис. 3–7], в погребальных комплексах III — начала VI вв. [219, с. 79].

3. Бронзовые нашивные бляшки из м. 6 и м. 15, датируются по идентичным бляшкам азелинской культуры III–V вв. [62, с. 41].

4. Бронзовая проволоочная серьга с круглой подвеской и трубкой, свитой из раскованной проволоки, из м. 6, 9, 10 находит абсолютные аналогии в древностях азелинской культуры [62, с. 40] III–V вв. Необходимо отметить, что серьги, изготовленные в подобной технологии, известны и раньше, но свиты они не трубкой, а конусом.

5. Бронзовая гривна из м. 6. На этой находке необходимо остановиться подробнее. Несмотря на то, что во многих работах, посвященных эпохе раннего средневековья Верхнего Приобья бронзовые гривны различных

типов выступают в качестве хронологического маркера, они таковыми не являются, т.к. распространены очень широко как по вертикали (хронологически), так и по горизонтали (территориально). Однако гривны подобного типа очень специфичны. Они не ложновитые, а свиты из двух проволочек. Такие гривны (витые из двух проволочек с несомкнутыми петельчатыми концами) имеют крайне узкий диапазон бытования. По материалам из керченских склепов, являющихся хронологическими маркерами, мы можем уверенно датировать эти гривны второй половиной IV — первой половиной V вв. [108, с. 11].

6. Железный нож с остатками железной обоймы из м. 6 датируется по материалам из Томского Приобья V–VI вв. [35].

Как видим, большинство вещей датируется в пределах III–V вв. Однако бронзовая гривна из м. 6 и железный нож с обоймочкой для ножен значительно сужают датировку всего комплекса до конца IV — начала V вв. Этим же временем следует датировать и специфический керамический комплекс переходного этапа.

Такие вещи, как проволоочная серьга с витой трубкой из сплюсненной проволоки, серьга в виде двух скрученных спиралей, бронзовая гривна из двух скрученных проволочек с несомкнутыми петельчатыми концами, котловидная подвеска в комплексах собственно одинцовского времени не встречаются, что будет видно из нижеследующего описания.

Необходимо отметить и две важные детали — погребение человека с черепом с кольцевой прижизненной деформацией из м. 1 и сопроводительное захоронение коня в м. 8. На этих деталях мы остановимся ниже.

Из 11 погребений пункта БЕ 12 М.П. Грязнов к переходному этапу отнес четыре. Т.Н. Троицкая все погребения БЕ 12 считает одинцовскими [276, с. 102]. Остановимся подробнее на анализе материалов этого могильника.

Рассматривая керамику из различных погребений, мы сталкиваемся с ее неоднородностью. Так, сосуды из м. 1 [79, табл. 47–2], м. 11 [79, табл. 47–1], м. 19 [79, табл. 31–2], м. 32 [79, табл. 31–8] по вышеперечисленным признакам относятся к керамическому комплексу переходного времени.

Рассмотрим вещевой инвентарь, сопровождающий эти захоронения, а точнее, вещи, хронологию которых можно установить:

1. Бронзовая гривна из двух свитых проволочек с несомкнутыми петельчатыми концами из м. 11 — вторая половина IV — первая половина V вв.

2. Железный нож с обоймочкой из м. 11 — V–VI вв. Как видим, дата — первая половина V в. — по вещевому комплексу устанавливается только для м. 11, в других отмеченных погребениях датирующих вещей нет, однако есть сосуды явно переходного облика. В м. 19 и 32 они сопровождают захоронения людей с деформированными черепами, тип деформации такой же, как в могильнике БЕ 3. Это позволяет нам м. 11, 19 и 32 отнести к переходному этапу. К сожалению, отнесение М.П. Грязновым к этому этапу м. 23 проблематично, т.к. сосуд, найденный в этой могиле, не опубликован. М. 30 с деформированным черепом по этому признаку мы также можем отнести к переходному этапу и датировать эти погребения концом IV — первой половиной V вв.

Хронологический диапазон остальных погребений устанавливается по следующим вещам:

1. Железный меч из м. 18 хорошо датируется по материалам Тураевского могильника Нижнего Прикамья, в погребениях которого найдено 8 мечей, почти идентичных нашему, концом IV — первой половиной V вв. [60, с. 107].

2. Железные ножи с обоймочкой от ножен из м. 18, 33, 34 датируются V–VI вв. [35, с. 11–12].

3. Костяной наконечник стрелы с раздвоенным насадом из м. 33. Верхняя граница бытования подобных наконечников не поднимается выше V в. [305, с. 118].

4. Бронзовая пряжка с овальным утолщенным спереди кольцом из круглого дрота и нависающим хоботовидным язычком, имеющим у основания резкий, почти прямоугольный уступчик из м. 34 датируется V — началом VI вв. [25, с. 99; 11].

Таким образом, мы довольно точно можем датировать м. 18, 33 и 34 серединой V — самым началом VI вв. Такую узкую датировку дает сосуществование в м. 33 костяного наконечника стрелы с раздвоенным насадом и железного ножа с обоймочкой от ножен, в м. 18 — меча и ножа с обоймочкой, в м. 34 — пряжки. М. 17 и 22 датируются как органические составляющие единого могильного поля.

Могильник в пункте БЕ 12 дает нам очень интересную картину трансформации переходного этапа в одинцовский на протяжении V в. Кроме того, материалы этого могильника позволяют нам провести четкую хронологическую границу между переходным и одинцовскими этапами серединой V в.

Такая деталь, как прижизненная кольцевая деформация черепа, прослежена и на

этом могильнике в погребениях переходного этапа второй половины IV — первой половины V вв. в м. 19 и 32.

Материалы могильника в пункте БЕ 14 также неоднородны. В м. 24,33 и 47 встречаются сосуды явно переходного облика. Сосуществовавшие в м. 33 переходного сосуда и черепа с кольцевой деформацией, характерной для переходных погребений пунктов БЕ 3 и БЕ 12, позволяют нам отнести эти погребения к переходному этапу и датировать их второй половиной IV — первой половиной V вв.

Остальной комплекс датируется по следующим вещам:

1. Железные наконечники стрел из м. 2,31 и 40 датируются с VI по X вв. [35, с. 153,243; 305, с. 117; 307, с. 11, 27,34].

2. Бронзовая пряжка из м. 12 — VI в. [143, с. 176].

3. Бронзовая пряжка таштыкского облика из м. 7 — подобные пряжки бытовали вплоть до VI в. [35, с. 139].

4. Бронзовая пряжка со штампованной подовальной рамкой и уплощенным язычком без уступа у основания из м. 17 достаточно жестко датируется серединой VI — началом VII в. [61, с. 100; 143, с. 176].

5. Пряжка с круглой бронзовой рамкой из полусферического дрота и железным язычком из м. 31 — VI–VII вв. [61].

6. Железный нож с цепочкой и обоймой от ножен из м. 31 — V–VI вв. [35, с. 11–12].

7. Железная рамчатая цельнолитая пряжка с неподвижным щитком — VI–VII вв. [61].

В целом комплекс с БЕ 14 также датируется достаточно узко. Разброс дат отдельных вещей достаточно велик — с V по X вв. Однако вещевой комплекс погребения 31 позволяет сузить датировку этого могильника до VI в. Кроме того, полиметаллические, цельнолитые пряжки и пряжки со штампованной рамкой также довольно хорошо датируются VI в.

Необходимо отметить и такую деталь погребальной обрядности могильника в пункте БЕ 14, как сопроводительное захоронение коней в м. 17 и 49.

Могильник в пункте БЕ 16, исследованный М.Т. Абдулганеевым [13], взаимовстречаемостью вещей с верхней хронологической границей V в. (железные трехлопастные ярусные наконечники стрел [212]) и нижней хронологической границей V в. (железные ножи с обоймой от ножен на цепочке [35]) можно также датировать довольно узко: V — началом VI в.

Таким образом, подробный анализ погребального инвентаря могильников переходного

и одинцовского периодов БЕ 3,12,14 и 16 позволяет нам проследить как последовательность сооружения этого комплекса, так и развитие его во времени. Кроме того, что особенно важно для решения нашего вопроса, его материалы позволяют нам определиться с хронологическими рамками существования переходного периода, а следовательно и со временем формирования одинцовской культуры. Рассмотренные материалы дают довольно узкие хронологические границы для комплексов переходного времени — вторая половина IV — первая половина V вв. Материалы могильника БЕ 12 дают нам и хорошо аргументированную как относительную (смена некоторых категорий погребального инвентаря и небольшие изменения в керамическом комплексе при идентичном погребальном обряде), так и абсолютную дату начала существования уже сформированной новой культуры — одинцовской. Это вторая половина V в.

Последовательность бытования могильников переходного и одинцовского времени в урочище Ближние Елбаны следующая:

1. БЕ 3 — могильник переходного времени — вторая половина IV — первая половина V вв.

2. БЕ 12 — могильник переходного и раннеодинцовского времени — начало-конец V в.

3. БЕ 16 — могильник раннеодинцовского времени — вторая половина V — начало VI вв.

4. БЕ 14 — могильник одинцовской АК — конец V–VI вв. Заканчивая анализ могильников урочища БЕ, хотелось бы остановиться на некоторых деталях, которые при решении вопроса о компонентах формирования одинцовской АК сыграют немаловажную роль. Пока не будем говорить о погребальном инвентаре, а остановимся на следующих особенностях:

1. Все пять черепов с кольцевой деформацией происходят из погребений переходного этапа.

2. На переходном этапе встречено погребение с сопроводительным захоронением коня.

Кроме могильников переходного этапа в пункте БЕ на территории Барнаульско-Бийского Приобья известно еще два могильника этого времени — это Татарские Могилки (Степь-Чумыш) и Троицкий Елбан 1, датировка которых нам так же поможет решить вопрос о хронологических рамках формирования одинцовской АК.

Погребение в Степном Чумыше А.П. Уманским датируются IV–VI вв. На наш взгляд, на современном уровне развития науки эти хронологические границы можно сузить. Ос-

новными датирующими вещами этого погребения являются бронзовая пряжка с рамкой из круглого утолщенного спереди дрота с нависающим язычком, имеющим уступчик у основания [285, рис. 1–5], ярусные наконечники стрел [285, рис. 1–3,4] и бляшка-розетка [285, рис. 1–6].

Датировка последней не вызывает сомнений. Пряжка, несмотря на широкую распространенность пряжек подобного типа, имеет одну немаловажную деталь — язычок у нее выступает далеко вперед и загибается вниз, что характерно для пряжек V в. [60, с. 93, рис. 25–20], пряжки подобного типа широко бытуют до середины VI в., постепенно сменяясь пряжками других типов. Ярусные наконечники стрел, хронология которых во время выхода статьи А.П. Уманского была слабым местом [285, с. 140], в наше время достаточно хорошо датируются в пределах III — конца V вв. [212, с. 122]. Таким образом, нижнюю границу этого погребения — рубеж IV и V вв. нам дает время начала бытования пряжек с удлиненным язычком, верхнюю — середина V в. — конец бытования ярусных наконечников стрел южносибирского типа.

Заострим внимание на том, что это погребение было совершено в сопровождении коня и в инвентаре его встречена стрела с костяным свистунком.

На датировке трех погребений этого времени Татарские Могилки останавливаться не будем, т.к. они достаточно хорошо датированы А.П. Уманским [285, с. 148] и эта датировка не вызывает сомнений у других исследователей [276, с. 102]. Отметим лишь, что палаши и железные обоймы ножен для ножей ранее второй половины IV в. в памятниках Приобья неизвестны. Исходя из этого, эту группу могил мы можем датировать второй половиной IV — началом V вв.

Интересной особенностью данного могильника (погребение в с. Степной Чумыш находится на одном могильном поле с остальными погребениями, исследованными А.П. Уманским) является сосуществование в рамках одного комплекса погребений с трупосожжениями фоминского этапа кулайской культуры и погребений переходного периода.

Отмеченная А.П. Уманским последовательность захоронений на этом могильнике может быть принята безоговорочно, с одной лишь уточняющей деталью — первыми были совершены захоронения по обряду кремации (фоминские), затем три могилы середины IV — начала V вв., следом за ними — могила начала — середины V в.

Таким образом, этот памятник отражает процесс трансформации кулайской культуры в переходный этап одинцовской, также как могильник в пункте БЕ 12 — процесс перехода от переходного этапа в собственно одинцовский.

Очень интересен в этом плане недавно исследованный В.В. Горбуновым могильник Троицкий Елбан 1 [65; 67], на котором совмещен обряд погребения фоминского этапа кулайской культуры (кремация на стороне) с инвентарем, характерным лишь для памятников переходного этапа. Сосуществование в инвентаре этого могильника распрямленной бронзовой гривны из свитых вместе двух проволочек с петлевидным окончанием, имеющей узкие хронологические границы бытования и проволочной серьги с трубочкой, свитой из расплющенной проволочки, характерной лишь для инвентаря захоронений переходного этапа [67, с. 152], позволяет нам сузить датировку памятника до второй половины IV — первой половины V вв. Хронологические рамки бытования других вещей из этого комплекса не противоречат этой датировке.

Таким образом, обзор источников переходного этапа позволяет достаточно надежно определить и с другим положением — временем формирования одинцовской культуры. Это хронологически достаточно узкий диапазон, вмещающий в себя всего одно столетие — вторая половина IV — первая половина V вв.

Решение этого вопроса косвенно определяет и две другие хронологические границы — верхнюю границу фоминского этапа кулайской культуры на территории Барнаульско-Бийского Приобья и нижнюю границу собственно одинцовских памятников.

Выделение переходного периода, на наш взгляд, обосновывается следующими чертами материальной культуры (по комплексам из погребений) и погребальной обрядности, характерными лишь для этого этапа развития одинцовских племен:

1. Наличие в переходных погребениях вещей, характерных лишь для этого периода:

а) бронзовые гривны из двух свитых проволочек с несомкнутыми петельчатыми концами;

б) проволочные серьги с трубочкой, свитой из расплющенной проволочки;

в) проволочные серьги в виде двух скрученных спиралей.

2. Своеобразного керамического комплекса, вычлняющегося как из керамического комплекса фоминского этапа кулайской культуры, так и из одинцовских комплексов. Его характерными чертами являются:

а) слабая, в некоторых случаях лишь намечающаяся профилировка сосудов (неразвитость их формы по сравнению с одинцовскими комплексами);

б) некоторая вытянутость форм (диаметр венчика меньше высоты сосуда);

в) отсутствие на сосудах фигурного штампа;

г) слабая распространенность такого элемента орнамента, как гребенчатый штамп и его различные варианты.

3. Распространение обряда прижизненной кольцевой деформации черепа.

4. Неустойчивого погребального обряда (существование обряда кремации на стороне и ингумации). Вышеперечисленные особенности позволяют нам выделить памятники этого периода в отдельный этап, на протяжении которого формируются основные культуuroобразующие признаки, характеризующие памятники одинцовской культуры. Название этапа — переходный, хоть и отражает процессы, ему характерные, однако применяется большинством исследователей для характеристики переходных процессов всех АК, поэтому требует при его употреблении оговорок, переход от чего к чему он отражает. Поэтому мы предлагаем назвать этот этап Сошниковским, по названию городища, давшего типично переходный комплекс керамики.

Памятники сошниковского этапа локализируются лишь на территории Барнаульско-Бийского Приобья и датируются второй половиной IV — первой половиной V вв.

Но вопрос о формировании одинцовской культуры остается открытым до решения наиболее важного, третьего положения — о компонентах формирования.

В настоящее время этот вопрос наиболее спорен. Как уже было отмечено выше, этим периодом никто из исследователей до последнего времени серьезно не занимался. Господствовало положение, выдвинутое Т.Н. Троицкой и поддержанное В.А. Могильниковым, А.М. Илюшиным и другими исследователями об образовании одинцовской культуры (верхнеобской) в результате слияния пришлых кулайских племен с местными племенами раннего железного века [114, с. 75; 201, с. 125; 275, с. 63; 276, с. 116 и др.] В последнее время это положение в тезисных публикациях оспаривалось алтайскими археологами, выделявшими различные компоненты, повлиявшие на формирование одинцовской культуры [5, с. 3; 118; 117, с. 86 и др.], среди которых не последняя роль отводилась и западным связям, об определяющем влиянии которых говорилось в работе М.П. Гряз-

нова [79]. Это положение в последнее время поддерживается и А.С. Васютиным [50].

Попытаемся разобраться и в этом вопросе, основываясь лишь на погребальных комплексах, поселенческие привлекая лишь в крайне незначительной степени, т.к. это тема (как и тема керамического комплекса, дающего также свои параллели) отдельного исследования.

Ни у кого не вызывает сомнений, что культурой, подвергшейся трансформации, является кулайская, а точнее — фоминский этап этой культуры, который представляет, как и вся кулайская культура, самодийский этнический массив. Об этом говорит широкое распространение памятников фоминского этапа на территории Барнаульско-Бийского Приобья в I — первой половине IV вв. В пользу этого положения говорит и ряд других фактов, доказательность которых трудно отрицать. Это:

1. Эволюционное развитие керамического комплекса (фоминский-сошниковский-одинцовский).

2. Общность строительных традиций (расположение вала перед рвом на городищах, их эволюционное развитие).

3. Наличие фоминского обряда погребения с сошниковским сопроводительным инвентарем.

4. Существование на одном могильном поле погребений фоминских и сошниковских.

5. Сохранение кулайских традиций в погребальном обряде одинцовской культуры (С-В ориентация, широкое использование бересты, неглубокие могильные ямы).

Таким образом, основой, на которой складывается сошниковский этап, является фоминский этап кулайской культуры.

С положением о формировании одинцовской культуры путем слияния кулайского населения с местными племенами раннежелезного века очень трудно согласиться. Этому противоречат следующие факты:

1. К моменту формирования сошниковского этапа местные племена березовского круга памятников давно прекратили свое существование. С большими натяжками верхнюю границу их существования можно провести по рубежу эр. Положение же об их участии даже в формировании фоминского этапа кулайской АК является достаточно спорным.

2. Преемственности ни в каких культуuroобразующих компонентах даже между памятниками фоминского этапа кулайской АК и племенами, оставившими березовский круг памятников не наблюдается, что абсолютно верно было отмечено уже М.П. Грязновым [79].

Поэтому тезис об участии местных племен эпохи раннего железного века в сложении одинцовской культуры может быть отвергнут. Даже опосредованное их участие (через племена фоминского этапа) вызывает серьезные возражения.

Так какие же компоненты приняли участие в сложении одинцовской культуры? На этот вопрос невозможно ответить, как уже было отмечено выше, абстрагируясь от общей исторической обстановке того времени. А это был, пожалуй, самый бурный период древней истории, освещение которого требует огромных усилий большого количества ученых.

Попробуем в общих чертах охарактеризовать период, предшествующий формированию сошниковского этапа.

Вся история северных предгорий Южной Сибири и лесостепной полосы, прилегающей к ним, не говоря уже о южных территориях, неразрывно связана с историей хуннского племенного образования.

В 201 г. до н.э. Маодунь (Модэ-шаньюй) в результате военного похода на север покорил северные народы, и к 176 г. до н.э. объединение хуннских земель было завершено [237, с. 7]. Не вдаваясь в подробности отметим, что с этого времени хуннские традиции стали широко распространяться в элементах материальной культуры АК, распространенных от Байкала до Иртыша, которые Д.Г. Савинов связывает с этнонимом динлин (улуг-хемская, тесинская, булан-кобинская, кула-жургинская) [237, с. 10].

В середине II в. н.э. сяньбийские племена под предводительством Таншихая «овладели всеми землями, бывшими под державою хунну» [237, с. 12]. О происхождении сяньби мы знаем крайне мало, однако можем говорить, что это объединение хуннских племен образовалось в 93–94 гг. н.э., после того, как 100 тыс. хуннских семейств «приняли народное название сяньби» [86, с. 190].

После поражения от сяньби, хунны двинулись на запад и снова раскололись. «Малосильные» остались в Семиречье, где основали княжество Юэбань, просуществовавшее до V в., а самые сильные ушли в Европу [86, с. 198].

В этот период и произошел раскол хуннов на две части, давших начало двум ветвям тюркской группы языков — восточной и западной. Представителями восточной были хунно-сяньби, западной — западные и «малосильные» хунны. Но несмотря на это, невозможно отрицать общность происхождения и тех, и других, а также общность их традиций и материальной культуры, которые для этого

периода их истории настолько взаимосвязаны, что дифференцировать отдельные черты, характерные для западных или восточных хунну довольно сложно. Дальнейшее развитие этих двух ветвей хунну, постоянные взаимовлияния между местным населением и пришельцами (хуннами) сделали их различимыми на последующих этапах.

Итак, мы видим, что огромная полоса Южной Сибири, начиная со II в. до н.э. испытывала постоянное влияние, связанное с хуннской традицией. Необходимо отметить, что хунну были тюркоязычными монголоидами [198, с. 272–273].

На базе восточнохуннских (хунно-сяньбийских) традиций сложились многие черты, связывающие АК юга Сибири. Нахождение различных племен под властью единого «сюзерена» не могло пройти бесследно, не оставив общего культурного пласта, о чем речь пойдет ниже.

Сейчас же нас интересуют владения восточных хунну в горах Алтая, где на базе местных (пазырыкских и кара-кобинских) племен формируется новая, булан-кобинская АК.

К сожалению, сведений по этому периоду, получившему название «предтюркское время», крайне мало.

В.А. Могильников, рассматривая основные элементы древнетюркской культуры, выделяет как местные, так и пришлые традиции.

К местным традициям он относит обряд погребения с конем, связывая его с пазырыкскими или кара-кобинскими памятниками. Истоки поминальных оградок он усматривает в глубинных районах Центральной Азии и связывает их с хуннскими традициями. Кроме того, нестабильность ориентировки могильника Кудыргэ он связывает как с местным, так и с пришлым (хуннским) компонентом [201, с. 142–145].

Не будем останавливаться на характеристике элементов материальной культуры булан-кобинской АК, которые связываются с хуннской традицией, об этом уже сказано немало. Отметим лишь, что она возникла на базе местного населения под непосредственным влиянием хунно-сяньбийцев и входила в состав АК, отмеченных сильным хуннским влиянием.

В лесостепном Алтае ситуация была намного спокойнее. Археологические материалы позволяют говорить о эволюционном развитии племен кулайской КИО вплоть до второй половины IV в., когда на протяжении всего одного столетия на ее основе формируется новая, одинцовская археологическая культура. Такое положение вещей позволяет

утверждать, что ни территории лесостепного Алтая, ни территории его северных предгорий не были втянуты в бурные исторические события, связанные с хуннскими племенами.

Представители других АК, с которыми граничили фоминцы на равнине (потчевашская и саргатская), также продолжали эволюционное развитие и не были втянуты в те бурные исторические события, краткая характеристика которых была дана выше.

Что же нарушило мирный ход их жизни, какое событие заставило сменить культурный облик огромного региона, на котором распространились памятники одинцовской культуры?

Как уже было отмечено выше, памятники сошниковского этапа формируются на местной, фоминской основе. Для них характерны следующие черты погребальной обрядности:

1. Смена погребального обряда (кремация — ингумация).
2. Появление сопроводительных захоронений коня.
3. Распространение прижизненной деформации черепов.
4. Появление в погребениях новых категорий инвентаря:
 - а) мечи-палаши;
 - б) витые гривны;
 - в) провололочные серьги в виде скрученной трубочки из раскованной проволочки.

Из этих признаков обращает на себя внимание неизвестный ранее на сопредельных территориях обычай искусственной деформации черепов.

Появление его на Алтае, на наш взгляд, связано с приходом новой группы населения, оставившего совершенно уникальные погребения по типу бескурганного изолированного захоронения [107, с. 67] с богатым инвентарем, в состав которого обязательно входило оружие и предметы, изготовленные в полихромном стиле. В настоящее время на Алтае известно два подобных комплекса — Тугозвонново [286] и Ераська [9]. Один исследован в Венгеровском районе Новосибирской области. Это погребение № 688 могильника Сопка 2 [210].

Все три погребения совершены в глубоких грунтовых ямах, на краю речных террас. Каких-либо внутримогильных конструкций у них не выявлено. Ориентация погребенных преимущественно восточная (ЮВВ, СВ, ССВ). Погребения на Ераське и Сопке 2 совершены с сопроводительным захоронением коня, ориентированного также, как и человек. Все погребенные — мужчины зрелого возраста, у

которых наблюдалась искусственная прижизненная деформация черепа.

Вышеприведенные параллели, а также характер сопроводительного инвентаря (палаши с навершиями, высокохудожественные изделия полихромного стиля) не позволяют сомневаться в принадлежности этих погребений единому культурному кругу. Все погребения достаточно надежно датируются второй половиной IV — первой половиной V вв.

Относительно их культурной принадлежности исследователи высказываются очень осторожно, отмечая западное происхождение этих погребений и связь их с сармато-аланским или гуннским миром.

Этот вопрос требует более тщательной проработки. Остановимся на антропологическом типе черепов из погребений у с. Тугозвонново и могильника Сопка 2. К сожалению, череп из погребения на р. Ераська очень сильно фрагментирован и что-либо о его антропологическом типе говорить очень сложно.

Тугозвонновская находка совмещает в себе черты смешанного европеоидно-монголоидного типа. А.П. Уманский, на основе реконструкции М.М. Герасимова, отмечает большую близость физического типа «гунна из кенкола» и тугозвонновской находки. Череп из погребения № 688 характеризуется как «монголоидный центральноазиатского антропологического типа» [210, с. 167].

Распространение искусственной деформации черепов исследователи связывают с сарматскими и гуннскими традициями.

А.С. Скрипкин, проследивший истоки этой традиции, связывает ее с племенами Средней Азии, у которых он был широко распространен уже в середине I тысячелетия до н.э. [242, с. 46]. Обычай искусственной деформации появляется у сарматов лишь в позднесарматское время (со II в. н.э.), вместе с монголоидной примесью в среде европеоидного до этого сарматского населения [297, с. 205]. Монголоидная примесь и деформированные черепа в Заволжье связаны с миграцией в первые века нашей эры населения с востока — из районов Ферганы, Туркмении и Центрального Казахстана [242, с. 47].

Именно в эти районы в середине II в., после поражения от хунно-сяньбийцев, мигрировали остатки северных хунну. В развитии ранних кочевников Семиречья, Тянь-Шаня, Ферганы, исследователи выделяют усуньский период (I–V вв.), отмечая проникновение в это время на эту территорию крупных масс населения центральноазиатского

погребениях к представителям среднеазиатского населения, в настоящее время полностью отрицать нельзя.

Для решения этого и прочих вопросов необходимо решить ряд других, связанных с появлением и распространением полихромного стиля в Средней Азии, чем, к сожалению, еще никто не занимался.

В пользу связи обычая искусственной деформации черепов именно с гуннами говорит и тот факт, что подавляющее большинство деформированных черепов из рядовых погребений представлены сериями уральского антропологического типа с примесью монголоидности [93, с. 119], характерной гуннам. Кроме того, на некоторых черепах представлен «керченский тип деформации» [93, с. 115], который мог быть принесен гуннами. В.П. Алексеев связывает деформированные черепа из погребений пункта БЕ с «кенкольской группой черепов монголоидного типа» [275, с. 162], которая, как мы уже показали, и была воспринята западными хуннами в период их пребывания в Средней Азии во II–III вв.

В пользу гуннского компонента, как основного, повлиявшего на трансформацию фоминского этапа в сошниковский, говорит и распространение мечей-палашей гуннского типа в погребениях этого времени, которые тоже могли появиться на этой территории благодаря приходу гуннов и неизвестны в более ранних памятниках. Кроме того, отмечено и среднеазиатское происхождение защитного доспеха сошниковского этапа [65, с. 89].

Исходя из этого можно говорить и о смене обряда кремации на обряд ингумации под влиянием гуннской традиции, и о появлении сопроводительного захоронения коня. Распространение витых гривен также связано с привнесением этого типа гривен из Причерноморья гуннами, а появление проволочных серег с витой трубочкой из расплюсненной проволочки можно связывать с угорскими племенами, входящими в гуннское объединение, в среде которых на этапе азелинской АК они получили широкое распространение.

Таким образом, можно говорить о формировании сошниковского этапа, а впоследствии и всей одинцовской культуры на базе местных, самодийских племен фоминского этапа кулайской культуры, при активном участии тюркоязычного монголоидного постхуннского населения гуннского образования и угорских племен Южного Зауралья.

Необходимо отметить, что этот процесс происходил на территории Барнаульско-Бий-

ского Приобья в узких хронологических рамках второй половины IV — первой половины V вв. и связан с привнесением в самодийскую среду угорских и постхуннских компонентов, связанных с тюркоязычными носителями, которые радикальным образом изменили материальную культуру, но не очень сильно этническую основу местных племен благодаря узколокальности и кратковременности их воздействия.

В связи с этим, хотелось бы остановиться на термине «тюркизация», применяемом исследователями. Как правило, под этим термином понимается постепенная ассимиляция местного населения тюркским этносом, как культурная (распространение тюркских традиций и элементов материальной культуры), так и языковая (распространение тюркоязычия), и физическая (распространение монголоидности). Появились даже термины «тюркский культурогенез» и «тюркский этногенез», отражающие различные степени и этапы тюркизации [114, с. 76]. В связи с этим, правомерно пользоваться этим термином лишь с 546 г., с момента появления собственно древнетюркской народности.

Поэтому автор совершенно согласен с мнением Л.Н. Гумилева, который считает, что не следует путать распространение тюркоязычия, возникшего в глубокой древности, с распространением собственно древнетюркской народности, перенявший и культурные традиции, и физический тип носителей этой тюркоязычности [87, с. 5]. В сложившейся обстановке необходимо введение нового термина, отражающего процессы тюркизации до 546 г., происходящие на огромных территориях, охваченных влиянием восточных хунну и европейских гуннов. На наш взгляд, таким термином может стать понятие постхуннского влияния, т.к. именно хуннские традиции лежат как в основе тюркоязычия, так и в основе древнетюркского этноса. Поэтому вполне правомерно говорить о постхуннском влиянии на племена Верхнего Приобья уже со второй половины IV в., что подготовило благоприятную почву для последующей тюркизации и этого региона, и других, подвергшихся постхуннскому влиянию.

В связи с этим хотелось бы остановиться на проблеме происхождения древнетюркской народности и на связи ее с племенами одинцовской культуры.

Широко известна легенда о происхождении древнетюркской народности от девятилетнего мальчика, принадлежащего к «отрасли дома Хунну от Западного края на запад» и

волчицы, являющейся прародительницей тюрок [87, с. 23]. В числе детей, родившихся от брака волчицы и этого мальчика, был Ашина. Один из его потомков, Асянь-шад, в 460 г. переселился на южные склоны Алтайских гор, где оказался под властью жужанней, для которых тюрки плавил железо [237, с. 13].

С.Г. Кляшторный, наиболее полно разработавший эту проблему, предложил разделить историю племени тюрк на два периода — ганьсуйско-гаочанский, когда предки тюрок Ашина формировались из постхуннских и местных ираноязычных племен на территории Восточного Туркестана (III в. — 460 г.) и алтайский, когда сложившийся тюркский этнос переселился на территорию Монгольского Алтая (460–552 гг.) [237, с. 14].

Хотелось бы обратить внимание на образ матери-волчицы, широко распространенный в генеалогических преданиях тюрок. По мнению А.П. Кондратенко, пласт фольклора, связанный с волками, является следом пребывания гуннов в Европе, где в Карпатских горах такие легенды были широко распространены [146, с. 33]. Возникновение же легенды о происхождении тюрок, вероятнее всего,

надо связывать с Алтаем, где они были созданы с использованием поражающих воображение образов, заимствованных в Европе, для обоснования права пришельцев на исключительное положение [87, с. 23].

В этой легенде крайне интересны два положения: первое — о родственности древних тюрок с гуннами и второе — о происхождении от волчицы. Эти черты указывают нам на связь древних тюрок с гуннами, формирование которых проходило на тех же территориях, что и формирование древнетюркской народности.

Таким образом, мы видим, что во второй половине V в. в северных предгорьях Алтая и на его южных склонах проживают близкородственные группы населения гуннского происхождения. Об этом говорят не только умозрительные заключения, но и распространение на территории Горного Алтая погребений с инвентарем, находящим порой прямые аналогии в памятниках сошниковского этапа лесостепного и предгорного Алтая и трактуемые исследователями как «одинцовские» [55] или «переходные» [156]. Такие категории инвентаря есть и в памятниках булан-кобинской культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдулганеев М.Т.* Раскопки у Маймы и Енисейского // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 52–53.
2. *Абдулганеев М.Т.* Бийский этап (хронологические рамки и содержание понятия) // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 91–105.
3. *Абдулганеев М.Т.* О культурной принадлежности бронзолитейной мастерской в пункте БЕ 12 // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 121–124, 219–221.
4. *Абдулганеев М.Т.* Памятники бийского этапа на Верхней Оби // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 51–56.
5. *Абдулганеев М.Т.* Майминская культура (предварительные итоги и перспективы изучения // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Тез. докл. конф. Томск, 1993. С. 3–5.
6. *Абдулганеев М.Т.* Валиковская керамика раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Тез. докл. конф. Барнаул, 1994. С. 106–109.
7. *Абдулганеев М.Т.* Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 37–43.
8. *Абдулганеев М.Т.* Аварийные раскопки в лесостепном и предгорном Алтае // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Тез. конф. Барнаул, 1995. С. 72–75.
9. *Абдулганеев М.Т.* Алтай в раннем железном веке // История Алтая: Учебное пособие. Часть 1. Барнаул, 1995. С. 59–82.
10. *Абдулганеев М.Т., Алехин Ю.П., Иванов Г.Е., Кунгуров А.Л., и др.* Работы Алтайского университета // АО 1986 г. М., 1988. С. 202–206.
11. *Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н.* Статистическая обработка керамики и периодизация поселений лесостепного и предгорного Алтая 2 пол. I тыс. до н.э. // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 93–108.
12. *Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н.* Программа FUZZYCLASS: новые возможности археологического исследования (типология поселений Алтая раннего железного века) // Круг идей: новое в исторической информатике. М., 1994. С. 121–128.
13. *Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А.* Новые могильники второй половины I тыс. н.э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 243–252.
14. *Абдулганеев М.Т., Егоров Я.В.* Новые раскопки на Ближних Елбанах // Изучение памятников археологии Алтайского края. Часть 2. Барнаул, 1995. С. 190–195.
15. *Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х.* К археологической карте Красногорского района // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Тез. докл. и сообщ. к конф. Барнаул, 1991. С. 64–67.
16. *Абдулганеев М.Т., Казаков А.А.* Верхнеобские памятники Иткульских озер // Охрана и использование археологических памятников Алтая (тезисы докладов и материалов к конференции). Барнаул, 1990. С. 104–108.
17. *Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л.* Могила раннескифского времени около Барнаула // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 97–104.
18. *Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., Фролов Я.В.* Староалейская культура // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Тез. докл. конф. Горно-Алтайск, 1994. С. 52–55.
19. *Абдулганеев М.Т., Лузин С.Ю., Кунгурова Н.Ю.* Раскопки у с. Быково // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 1. 1993. С. 102–105.
20. *Аванесова Н.А.* Серьги и височные подвески андроновской культуры // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 67–73.
21. *Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, изд-во «Фан», 1991. 200 с.
22. *Акишев К.А., Акишев А.К.* Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 38–63.

23. *Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1964. 215 с.
24. *Алехин Ю.П.* Лесостепной Алтай в скифское время (V–I вв. до н.э.) // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 36–38.
25. *Амброз А.К.* Хронология древностей Северного Кавказа (V–VII вв.). М., 1989. 136 с.
27. *Артамонов М.И.* Сокровища саков. М., 1973. 220 с.
28. *Арсланова Ф.Х.* Новые материалы VII–VI вв. до н.э. из Восточного Казахстана // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 77–83.
29. *Арсланова Ф.Х.* Случайная находка бронзовых вещей в Семипалатинском Прииртышье // КСИА. М., 1981. № 196. С. 54–58.
30. *Ахмеров Р.Б.* Уфимские погребения IV–VII вв. н.э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии. М., 1970. С. 161–193.
31. *Бажан И.А., Щукин М.Б.* К вопросу о происхождении полихромного стиля типа клуазонне эпохи великого переселения народов // Археологический сборник. Л., 1990. № 30. С. 83–96.
32. *Басилов В.Н.* Символика религиозная // Религиозные верования. Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 5. М., 1993. С. 187–192.
33. *Берс Е.М.* Из раскопок в Горном Алтае у устья р. Кукум // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 18–31.
34. *Беленицкий А.М.* Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. М., 1978. № 154. С. 31–39.
35. *Беликова О.Б., Плетнева Л.М.* Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск, 1983. 245 с.
36. *Бельтикова Г.В.* Металлические наконечники стрел с Иткульских памятников // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск, 1992. С. 65–77.
37. *Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И.* Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево 4. Новосибирск, 1993. 138 с.
38. *Боковенко Н.А.* Некоторые особенности формирования погребального обряда ранних кочевников Саяно-Алтая и Казахстана // Скифская эпоха Алтая (тезисы докладов к конференции). Барнаул, 1986. С. 46–48.
39. *Боковенко Н.А.* Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. 24 с.
40. *Бородаев В.Б.* Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987. С. 96–114.
41. *Бородаев В.Б.* Новые археологические материалы из окрестностей с. Бобровка Первомайского района // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 50–53.
42. *Бородаев В.Б.* Местонахождение Вакулиха 1 // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Часть 1. Барнаул, 1993. С. 160–155.
43. *Бородаев В.Б., Кунгуров А.Л.* Новые материалы к археологической карте Барнаульского Приобья // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 73–92.
44. *Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т.* Могильники Кырлык 1 и Кырлык 2 в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск, 1985. С. 51–88.
45. *Бурыкина Е.Л.* Женские украшения из могильника Майма 4 в Горном Алтае // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989. С. 68–69.
46. *Вадецкая Э.Б.* Таштыкская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР. М., 1992. С. 236–246.
47. *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников центра Азии. М., 1991. 296 с.
48. *Ведянин С.Д.* Сборы с поселения Обские Плесы 1 и грунтового могильника Обские Плесы II в 1993 г. // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул, 1994. С. 84–86.
49. *Ведянин С.Д.* Раскопки могильника Обские Плесы II в Алтайском крае // АО 1994 г. М., 1995. С. 258–259.
50. *Васютин А.С.* Некоторые вопросы изучения одиновского времени Верхнего Приобья // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая (тезисы научно-практической конференции). Барнаул, 1995. С. 153–155.
51. *Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. М., 1973. 160 с.

52. Волков В.В. Бронзовые наконечники стрел из музеев МНР // Монгольский археологический сборник. М., 1962. С. 22–31.
53. Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965. 26 с.
54. Волков В.В., Гиля Е.Ю. Опыт исследования техники скола // Проблемы технологии древнейших производств. Новосибирск, 1990. С. 38–56.
55. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории Алтайских племен. М.–Л., 1965. 146 с.
56. Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев, 1989. 111 с.
57. Гаврилюк А.Г., Такров А.Д. Курганы у села Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники Урало-Казахских степей. Екатеринбург, 1993. С. 53–67.
58. Галанина Л.К. К проблеме хронологии Келершесских курганов // СА, 1994. № 1. С. 92–107.
59. Гальченко А.В., Тишкин А.А. Перспективы научного исследования в археологии методик анализа костных остатков лошадей // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 247–256.
60. Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронения военнопленных) // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С. 55–108.
61. Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс.н.э. (по материалам могильников Прикамья) // Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. М., 1979. КСИИ. № 158. С. 96–106.
62. Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. — II в. н.э.). М., 1988. 240 с.
63. Генинг В.Ф. Большие курганы лесостепного Приобья // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 72–101.
64. Генинг В.Ф., Ещенко Н.К. Могильник эпохи поздней бронзы Черноозерье 1 // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 5. С. 168–183.
65. Горбунов В.В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан 1 // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 80–90.
66. Горбунов В.В. Реконструкция вооружения воина Горного Алтая эпохи «великого переселения народов» // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Абакан, 1993. С. 42–44.
67. Горбунов В.В. Грунтовый могильник Троицкий Елбан 1 (новые материалы) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. С. 148–152.
68. Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 163–208.
69. Горелик М.В. Воины Киевской Руси. IX–XI вв. // Цейхгауз, № 1. 1993. С. 20–23.
70. Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс.н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 149–179.
71. Грач А.Д. Алды-Бельская культура раннескифского времени в Туве // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975. С. 249–258.
72. Грач А.Д. Древние кочевники в Центре Азии. М., 1980. 256 с.
73. Грач А.Д. Историко-культурная общность раннескифского времени в Центральной Азии // АСГЭ. Вып. 3. Л., 1983. С. 30–35.
74. Грачева Г.Н. Погребальный культ // Религиозные верования. Свод этнографических понятий и терминов. М., 1993. С. 154–158.
75. Гришин Ю.Г. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М., 1981. 203 с.
76. Грязнов М.П. Пазырыкский курган. Л., 1937. 44 с.
77. Грязнов М.П. Памятники майемирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып. VIII. 1947. С. 9–17.
78. Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. 90 с.
79. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.–Л., 1956. № 48. 256 с.

80. *Грязнов М.П.* Некоторые вопросы хронологии ранних кочевников в связи с материалами кургана Аржан // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975. С. 6–10.
81. *Грязнов М.П.* К хронологии древнейших памятников эпохи ранних кочевников // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 3. Л., 1975. С. 9–12.
82. *Грязнов М.П.* К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. № 154. М., 1978. С. 9–18.
83. *Грязнов М.П.* Аржан. Л., 1980. 63 с.
84. *Грязнов М.П.* Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Сибири. Кемерово, 1983. С. 3–18.
85. *Грязнов М.П.* Алтай и Приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 161–178.
86. *Гумилев Л.М.* Хунну. СПб., 1993. 163 с.
87. *Гумилев Л.М.* Древние тюрки. М., 1993. 224 с.
88. *Давидан О.И.* Ткани Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 22. Л., 1981. С. 100–113.
89. *Давыдова А.В.* Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985. 112 с.
90. *Демин М.А.* Археологические исследования Н.С. Гуляева на Алтае // Известия СО РАН СССР. Серия общественных наук. Новосибирск, 1978. № 6. Вып. 2. С. 126–130.
91. *Демин М.А., Гельмель Ю.И.* Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 28–34, 170–175.
92. *Демин М.А., Шульга П.И.* Работы в районе р. Сентелек // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Часть 2. Барнаул, 1995. С. 97–101.
93. *Дремов В.А.* Антропологические материалы II–VIII вв. н.э. из памятников Уени // Из истории Сибири. Томск, 1975. Вып. 16. С. 94–129.
94. *Дульзон А.П.* Томский неолитический могильник // УЗ ТГПИ. Т. 17. Томск, 1958. С. 298–324.
95. *Дураков И.А., Мжельская Т.В.* Исследования могильника Быстровка 3 // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. Новосибирск, 1995. С. 47–65.
96. *Дэвлет М.А.* О происхождении минусинских ажурных поясных пластин // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 219–227.
97. *Дэвлет М.А.* Сибирские поясные ажурные пластины. САИ. Вып. Д4–7. М., 1980. 66 с.
98. *Евтюхова Л.А., Киселев С.В.* Отчет о работах Саяно-Алтайской экспедиции в 1935 году // Труды ГИМа. Вып. 16. М., 1941. С. 75–117.
99. *Ермолаева А.С.* Измайловский погребальный комплекс переходного периода от бронзы к раннему железу из Восточно-Казахстанского Прииртышья // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1987. С. 154–163.
100. *Ефремов С.А.* Погребение в урочище Тогустан (к вопросу об отдельных захоронениях конских черепов) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. 5. Ч. 1. Барнаул, 1995. С. 90–93.
101. *Завитухина М.П.* Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. Л., 1961. Вып. 3. С. 98–108.
102. *Завитухина М.П.* Второй Бийский могильник // СГЭ. Л., 1962. Вып. XXIII. С. 28–30.
103. *Завитухина М.П.* Курганный могильник Сростки II на Алтае // СГЭ. Л.–М., 1966. Вып. XXVII. С. 51–53.
104. *Завитухина М.П.* Древнее искусство на Енисее. Л., 1983. 191 с.
105. *Заднепровский Ю.А.* Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР. М., 1992. С. 73–87.
106. *Заднепровский Ю.А.* Ранние кочевники Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алая // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР. М., 1992. С. 87–95.
107. *Засецкая И.П.* О хронологии и культурной принадлежности памятников Южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи (постановка вопроса) // СА, 1978. № 1. С. 53–70.

108. *Засецкая И.П.* Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датирования памятников Восточноевропейских степей // Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. М., 1979. КСИА № 158. С. 5–17.
109. *Зими́на В.М., Адаменко О.М.* Новый памятник культуры эпохи бронзы у с. Ново-Александровка (Алтайский край) // Известия СО РАН СССР. Серия общественных наук. Новосибирск, 1963. № 9. Вып. 3. С. 53–59.
110. *Иванов Г.Е.* Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 6–27.
111. *Иванов Г.Е.* Саргатская керамика с поселения Островное 3 (степной Алтай) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 118–119.
112. *Иванов Г.Е.* Новые находки оружия раннего железного века в лесостепном Алтае // Культуры древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1994. С. 56–62.
113. *Иванов Г.Е.* Вооружение и военное дело населения лесостепного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы и раннем железном веке. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1995. 28 с.
114. *Илюшин А.М.* Верхнеобская этнокультурная общность (по материалам из Кузнецкой котловины) // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 74–77.
115. *Кадырбаев М.К.* Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. 425 с.
116. *Кадырбаев М.К.* Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 84–93.
117. *Казаков А.А.* Этнокультурная ситуация в лесостепном и предгорном Алтае в I тыс.н.э. // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992. С. 85–87.
118. *Казаков А.А., Неверов С.В.* Хронология и периодизация памятников середины — второй половины I тыс.н.э. Верхнего Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тезисы докладов к всесоюзной конференции (3–5 апреля 1991 г.). Барнаул, 1991. С. 167–170.
119. *Киреев С.М.* Работы на Майминском комплексе в 1990–1991 гг. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая (материалы к конференции). Горно-Алтайск, 1992. С. 55–56, с. 111.
120. *Киреев С.М.* Курганы Майма XIX // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 39–47, 181–185.
121. *Киреев С.М.* Погребения быстринской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992. С. 54–58.
122. *Киреев С.М.* Роль миграционных процессов в сложении быстринской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 118–120.
123. *Кирюшин Ю.Ф.* Работы Алтайской экспедиции // АО 1978 г. М., 1979. С. 228–229.
124. *Кирюшин Ю.Ф.* Работы Алтайской экспедиции // АО 1981 г., М., 1983. С. 201–202.
125. *Кирюшин Ю.Ф.* Изобразительное искусство племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Скифо-сибирский мир (искусство и идеология). Кемерово, 1984. С. 28–31.
126. *Кирюшин Ю.Ф.* Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1986. 36 с.
127. *Кирюшин Ю.Ф.* Лесостепной Алтай в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 198 . С. 75–79.
128. *Кирюшин Ю.Ф.* Периодизация культур неолита и бронзы Верхнего и Среднего Приобья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 59–63.
129. *Кирюшин Ю.Ф.* Проблемы хронологии памятников энеолита и бронзы Южной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 43.
130. *Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Неверов С.В.* Аварийные раскопки на Средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 26–29.
131. *Кирюшин Ю.Ф., Бородаев В.Б.* Работы в лесостепной зоне Алтая // АО 1982 года. М., 1984. С. 204–206.

132. *Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С.* Новые материалы эпохи поздней бронзы лесостепного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 104–128.
133. *Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А.* Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 73–117.
134. *Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л.* Золотые украшения эпохи раннего железа Барнаульского Приобья // Золото Алтая. История и современность. Барнаул, 1995. С. 7–11.
135. *Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А.* Город Бийск. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 7–47.
136. *Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А.* Бийский район. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 100–114.
137. *Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Степанова Н.Ф., Кунгурова Н.Ю.* Поселение Сары-Бел. Горно-Алтайск, 1995. С. 6–19.
138. *Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С., Шамшин А.Б., Уманский А.П. и др.* Памятники истории и культуры северо-западного Алтая. Барнаул, 1990. 131 с.
139. *Кирюшин Ю.Ф., Масленникова Г.В., Шамшин А.Б.* Работы Алтайской экспедиции // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. С. 181–182.
140. *Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б.* Елунинское культовое место // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 161–180.
141. *Киселев С.В.* Алтай в скифское время (майэмирская культура) // ВДИ. 1947. № 2. С. 157–172.
142. *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.–Л., 1949. МИА. № 9. 246 с.
143. *Ковалевская В.Б.* Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР. М., 1981. С. 83–188.
144. *Кожамбердиев И.К., Худяков Ю.С.* Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 75–106.
145. *Комиссаров С.А.* Археология Западного Чжоу 1027–770 гг. до н.э. // История и культура Востока Азии. Древние культуры Китая. Палеолит, неолит и эпоха металла. Новосибирск, 1985. С. 86–111.
146. *Кондратенко А.П.* Западные хунны (опыт этно-исторической идентификации) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Кемерово, 1994. С. 27–45.
147. *Косарев М.Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974.
148. *Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 275 с.
149. *Кочеев В.А., Суразаков А.С.* Курганы могильников Ябоган 1 и 2 // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 70–81.
150. *Кубарев В.Д.* Древние изваяния Алтая. Оленные камни. Новосибирск, 1979. 120 с.
151. *Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 300 с.
152. *Кубарев В.Д.* Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988. 172 с.
153. *Кубарев В.Д.* Росписные сосуды из курганов Алтая // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 31–55.
154. *Кубарев В.Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.
155. *Кубарев В.Д.* Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.
156. *Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В.* Курганы урочища Бийке // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 43–95.
157. *Кубарев В.Д., Маточкин В.П.* Петроглифы Алтая. Новосибирск, 1992. 123 с.
158. *Кубарев В.Д., Худяков Ю.С., Бородавский А.П., Черемисин Д.В., Мыльников В.П.* Археологические исследования на Средней Катунь // Алтайка. Новосибирск, 1992. № 1. С. 43–49.
159. *Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М., 1983. 257 с.
160. *Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ. Вып. В4–9. М., 1966. 150 с.
161. *Кулемзин А.М.* Об эволюции тагарских кинжалов // ИЛАИ. Кемерово, 1974. Вып. 5. С. 27–36.
162. *Кулемзин А.М.* Тагарские костяные наконечники стрел // ИЛАИ. Кемерово, 1976. Вып. 7. С. 30–41.

163. *Кулемзин А.М.* Тагарские бронзовые наконечники стрел // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976. С. 43–56.
164. *Кулемзин А.М.* Арчекассские курганы // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. С. 87–99.
165. *Кунгуров А.Л.* Погребальные комплексы быстринской культуры на Чумыше // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 114–117.
166. *Кунгуров А.Л., Горбунов В.В.* Ритуальные захоронения животных на грунтовом могильнике Обские Племы II // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул, 1994. С. 91–95.
167. *Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю.* Раскопки могильника Аэродромный в Бийске // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 77–89.
168. *Кунгуров А.Л., Тишкин А.А.* Находки финального мезолита в устье р. Бийке (Горный Алтай) // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Часть 1. Барнаул, 1993. С. 46–51.
169. *Кунгуров А.Л., Фролов Я.В.* Могильник раннего железного века на МГК 1 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 94–99.
170. *Кунгурова Н.Ю.* Микролитические памятники Средней Катунь // Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск, 1987. С. 37–51.
171. *Кызласов Л.Р.* Древняя Тува. М., 1979. 250 с.
172. *Кызласов Л.Р., Маргулан А.Х.* Плиточные ограды могильника Бегазы // КСИИМК, 1950. Вып. XXII. С. 125–136.
173. *Ларин О.В., Абдулганеев М.Т.* О соотношении афанасьевской и майэмйрской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992. С. 33–36.
174. *Ларин О.В., Суразаков А.С.* Раскопки на Кор-Кобы I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 56–78.
175. *Мамадаков Ю.Т.* Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 173–191.
176. *Мамадаков Ю.Т.* Курганы скифского времени Кырлык 2 // Изучение памятников археологии Алтайского края. Часть I. Барнаул, 1995. С. 81–87.
177. *Мандельштам А.М.* Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР. М., 1992. С. 10–13.
178. *Мандельштам А.Г., Горбунова Н.Г.* Общие сведения о ранних кочевниках Средней Азии и их группировках // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР. М., 1992. С. 10–13.
179. *Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. 436 с.
180. *Марсадолов Л.С.* Памятники ранних кочевников в Усть-Куюме на Алтае (по раскопкам Г.П. Сосновского и Г.П. Сергеева) // АСГЭ. Л., 1981. Вып. 22. С. 11–22.
181. *Марсадолов Л.С.* Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.
182. *Марсадолов Л.С.* Керамические сосуды в памятниках Горного Алтая VIII–VII вв. до н.э. // Проблемы археологии степной Евразии. Часть II. Кемерово, 1987. С. 62–6.
183. *Мартынов А.И.* Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. 208 с.
184. *Мартынов А.И.* О хозяйственном освоении территорий скифо-сибирского мира / Исторический опыт освоения Сибири. Новосибирск, 1986. С. 11–14.
185. *Матвеев А.В.* Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993. 181 с.
186. *Матющенко В.И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Часть 1. Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (Верхнеобская неолитическая культура) // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 9. Часть 1. 182 с.
187. *Матющенко В.И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура. Часть IV // Из истории Сибири. Вып. 12. Томск, 1974. 196 с.
188. *Медникова Э.М.* Отчет об археологической разведке Алтайского краеведческого музея в 1968 г. Барнаул, 1968 // Архив ИА АН СССР. Р I. № 4308.
189. *Мелюкова А.И.* Вооружение скифов. САИ. 1964. 89 с.

190. *Миколайчук Е.А.* Исследование состава тканей и войлоков по волокну из раскопок Старой Ладуги // АСТЭ. Л., 1981. Вып. 22. С. 114–121.
191. *Михайлов В.П.* Предварительное сообщение об археологических разведках городищ и курганов у дер. Большая Речка // Труды ТГУ. Вып. LXVI. Томск, 1917. С. 1–13.
192. *Могильников В.А.* Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 35–67.
193. *Могильников В.А.* К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 24–32.
194. *Могильников В.А.* Эпоха поздней бронзы Верхнего Приобья и проблема происхождения большебереченской культуры // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 151–154.
195. *Могильников В.А.* Некоторые проблемы генезиса и этнической принадлежности культур раннего железного века лесостепи Западной Сибири // Западно-сибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 62–77.
196. *Могильников В.А.* Взаимоотношения лесостепного и степного населения в эпоху переходного времени от бронзы к железу // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Кемерово, 1989. Часть 1. С. 125–129.
197. *Могильников В.А.* Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР. М., 199. С. 292–311.
198. *Могильников В.А.* Хунну Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР. М., 1992. С. 154–273.
199. *Могильников В.А.* Курганы Кара-Коба 2 // Археологические исследования Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 52–109.
200. *Могильников В.А.* Курган 2 могильника Карасу II и некоторые аспекты внешних контактов населения Алтая второй половины I тыс. до н.э. // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 35–39.
201. *Могильников В.А.* Некоторые особенности процесса миграции древних самодийцев // Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить. Барнаул, 1995. С. 120–130.
202. *Могильников В.А.* К проблеме происхождения древних тюрков Алтая // Алтай и тюрко-монгольский мир. Горно-Алтайск, 1995. С. 142–145.
203. *Могильников В.А., Уманский А.П.* Курган раннего железного века на Чумыше // Археология Сибири, Средней Азии и Кавказа / КСИА. М., 1981. Вып. 167. С. 80–86.
204. *Могильников В.А., Уманский А.П.* Курган Масляха I по раскопкам 1979 года // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 81–87.
205. *Молодин В.И.* Некоторые проблемы переходного от бронзы к железу времени в Новосибирском Приобье и лесостепной Барабе // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Кемерово, 1979. С. 110–112.
206. *Молодин В.И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1986. 126 с.
207. *Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н.* Айдашинская пещера. Новосибирск, 1980. 208 с.
208. *Молодин В.И., Колонцов С.В.* Туруновка 4 — памятник переходного от бронзы к железу времени // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 69–86.
209. *Молодин В.И., Петрин В.Т.* Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 50–73.
210. *Молодин В.И., Чикишева Т.А.* Погребение воина IV–V вв. н.э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 161–179.
211. *Мыльников В.П., Тэцу Масумото.* Погребение алтайца-теленгита на Средней Катуні // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 93–96.
212. *Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т.* Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 121–135.
213. *Неверов С.В., Степанова Н.Ф.* Новые материалы из курганов конца I — начала II тыс. н.э. Средней Катуни // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 120–123.

214. *Неверов С.В., Степанова Н.Ф.* Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 242–270.
215. *Нужный Д.Ю.* Об использовании острий и геометрических микролитов // Материалы каменного века на территории Украины. Киев, 1984. С. 38–56.
216. *Окладникова Е.А.* Петроглифы средней Катунь. Новосибирск, 1984. 111 с.
217. *Окладникова Е.А.* Тропой Когульдея. Л., 1990. 190 с.
218. *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М., 1991. 256 с.
219. *Ошибкина С.В.* Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тютюм // Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. М., 1979. КСИА. № 158. С. 71–79.
220. *Пакулев Б.* Уход за рабочей лошадью // Коневодство и конный спорт. 1990. № 9. С. 4–5.
221. *Петренко В.Г.* Украшение Скифии VII–III вв. до н.э. // САИ. М., 1976. Д 4–5. 144 с.
222. *Пламеневская О.Л.* Некоторые данные о тканях из кургана Аржан // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1975. Вып. 17. С. 199–206.
223. *Плетнева Л.М.* Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н.э. Томск, 1977. 106 с.
224. *Погожева А.П., Кадиков Б.Х.* Могильник эпохи бронзы у поселка Озерное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 80–84.
225. *Полосьмак Н.В.* Могильник Протока в северной Барабе // Археологические памятники Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1989. С. 127–141.
226. *Полосьмак Н.В.* Исследование памятников скифского времени на Укоке // ALTAICA. № 3. Новосибирск, 1993. С. 21–28.
227. *Полторацкая В.Н.* Могильник Березовка 1 // АСТЭ. Л., 1961. Вып. 3. С. 74–88.
228. *Посредников В.А.* Хозяйство еловского населения Приобья (эпоха поздней бронзы) // Из истории Сибири. Вып. 16. Томск, 1975. С. 3–28.
229. *Посредников В.А.* К археологической карте Алтая. Барнаул, 1980. С. 25–37.
230. *Потапов А.П.* Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Л., 1977. С. 164–178.
231. *Пряхин А.Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977. 168 с.
232. *Руденко С.И.* К палеоантропологии Южного Алтая // Казаки. Л., 1930. С. 137–148.
233. *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л., 1953. 267 с.
234. *Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.–Л., 1960. 360 с.
235. *Руденко С.И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по отделению этнографии: Географическое общество СССР. Л., 1961. С. 2–15.
236. *Савинов Д.Г.* Могильник Урбюн III и некоторые вопросы археологии Тувы скифского времени // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1980. С. 107–119.
237. *Савинов Д.Г.* Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994. 216 с.
238. *Савинов Д.Г., Бобров В.В.* Титовский могильник (к вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 47–65.
239. *Семенов С.А.* Следы употребления на неолитических орудиях из ангарских погребений // МИА. М.–Л., 1941. № 2. С. 203–211.
240. *Сергеев С.М.* Предварительное сообщение об археологических исследованиях Бийского государственного музея в 1928 году // Архив БКМ. ДО. Фонд 2. Дело 9,16.
241. *Сергеев С.М.* О резных костяных украшениях конской узды из «скифского» кургана на Алтае // СА, 1946. № VIII. С. 289–292.
242. *Скрипкин А.С.* Азиатская сарматия во II–IV вв. (некоторые проблемы исследования). СА, 1982. № 2. С. 43–56.
243. *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов // МИА. М., 1961. № 101. 168 с.
244. *Смирнов К.Ф.* Савроматы. М., 1964. 379 с.

245. *Смирнов К.Ф., Петренко В.Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. М., 1963. 251 с.
246. *Соенов В.И., Эбель А.В.* Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. Горно-Алтайск, 1992. 118 с.
247. *Соловьев А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск, 1987. 192 с.
248. *Сорокин С.С.* Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. Л., 1966. Вып. 8. С. 39–60.
249. *Сорокин С.С.* О хронологических формулах и значении термина «могильник» // Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1975. Вып. 3. С. 17–22.
250. *Сосновский Г.П.* Ойротская Автономная область 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.–Л., 1941. С. 304–306.
251. *Степанова Н.Ф.* Куюмский тип памятников VIII–VI вв. до н.э. // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 79–81.
252. *Степанова Н.Ф.* Могильник Элекманар 2 // АО 1984 года. М., 1986. С. 202–203.
253. *Степанова Н.Ф.* Исследования у с. Элекманар // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Часть I. Барнаул, 1993. С. 94–97.
254. *Степанова Н.Ф.* Эпоха бронзы Горного Алтая: погребальный обряд и керамика // Палеодемография и миграционные процессы Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 49–51.
255. *Степанова Н.Ф., Неверов С.В.* Курганный могильник Верх-Еланда 2 // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 11–24.
256. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. 464 с.
257. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. 493 с.
258. *Ступников Р.Н.* Плиточные могилы у ст. Оловянной Читинской области // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 104–109.
259. *Суразаков А.С.* Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа // Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989. 214 с.
260. *Суразаков А.С.* Раскопки памятников Курота II и Кор-Кобы I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 56–96.
261. *Суразаков А.С.* О некоторых проблемах изучения социальных отношений населения Горного Алтая эпохи раннего железа // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 48–56.
262. *Таиров А.Д., Боталов С.Г.* Курганы у села Варна // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988. С. 100–125.
263. *Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев, 1976. 223 с.
264. *Тишкин А.А.* Каменные стелы из курганного могильника Бийке на р. Катуні // Проблемы изучения культурного наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 46–49.
265. *Тишкин А.А.* Некоторые аспекты культурно-хронологического решения проблемы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 124–127.
266. *Тишкин А.А.* Общие, особенные и единичные признаки погребального обряда курганов могильника Бийке в Горном Алтае // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири. Барнаул, 1994. С. 92–96.
267. *Тишкин А.А., Медникова Э.М.* Некоторые изделия с городища Елбаны // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Часть 1. Барнаул, 1993. С. 133–136.
268. *Тишкин А.А., Тишкина Т.В.* Результаты археологического исследования курганного могильника Бийке в Горном Алтае // Горный Алтай и Россия 240 лет. Горно-Алтайск, 1996. С. 34–38, рис. 1.
269. *Тишкин А.А., Харченко Т.В.* Раскопки пяти курганов могильника Бийке в Горном Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 67–70.
270. *Толеубаев А.* Происхождение и сущность казахского обычая посвящения умершего коня // Известия АН Казахской ССР. Серия общ. наук. Алма-Ата, 1984. № 2. С. 35–40.
271. *Толстов С.П., Итина М.А.* Саки в низовьях Сырдарьи // СА. 1966. № 2. С. 158–170.
272. *Тоцакова Е.М.* Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX–XX вв.). Новосибирск, 1978. 160 с.

273. *Троицкая Т.Н.* Поселение VII–VI вв. до н.э. у с. Завьялово Новосибирской области // КСИА. М., 1968. Вып. 114. С. 99–104.
274. *Троицкая Т.Н.* Курганный могильник Ордынское 1 // ВАС. Научные труды НГПИ. Новосибирск, 1973. Вып. 85. С. 85–101.
275. *Троицкая Т.Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979, 125 с.
276. *Троицкая Т.Н.* Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 101–120.
277. *Троицкая Т.Н.* Могильник Быстровка I как исторический источник // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск, 1983. С. 31–50.
278. *Троицкая Т.Н.* Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985. С. 54–69.
279. *Троицкая Т.Н.* Керамика переходного периода поселения Ближние Елбаны I // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. Новосибирск, 1990. С. 114–122.
280. *Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.* Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.
281. *Троицкая Т.Н., Зах В.А., Сидоров Е.А.* Новое о завьяловской культуре // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 103–116.
282. *Троицкая Т.Н., Новиков А.В.* Крохалевка 23 — памятник одинцовского этапа верхнеобской культуры // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Омск, 1992. С. 116–119.
283. *Труфанов А.Я.* О судьбах ирменской культуры // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 115–117.
284. *Труфанов А.Я.* О специфике миграционных процессов в пределах гамаюно-молчановской общности // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 84–87.
285. *Уманский А.П.* Могильники верхнеобской культуры на верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 136–149.
286. *Уманский А.П.* Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.
287. *Уманский А.П.* О культурной и этнической принадлежности курганов раннего железного века в лесостепном Приобье // Барнаулу 250 лет. Тезисы докл. и сообщ. к конф. Барнаул, 1980. С. 50–53.
288. *Уманский А.П.* Новые материалы из Новотроицкого могильника (по раскопкам 1983 г.) // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 128–134.
289. *Уманский А.П.* Погребение эпохи «великого переселения народов» на Алтае // Урало-Алтайстика. Археология, этнография, язык. Новосибирск, 1985. С. 55–63.
290. *Уманский А.П.* Находки эпохи бронзы из Верхнего Приобья // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 18–27, 165–169.
291. *Уманский А.П.* Рагозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 51–59, 186–194.
292. *Уманский А.П.* Раскопки курганов в урочище Раздумье в 1961 году // Алтайский сборник. Барнаул, 1993. Вып. XVII. С. 83–99.
293. *Уманский А.П., Бородаев В.П.* Погребение раннескифского времени близ с. Красный Плакат // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 36–40.
294. *Уманский А.П., Горбунов В.В.* Реконструкция вооружения воинов Верхне-Обского Правобережья в IV–V вв. н.э. // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 161–165.
295. *Уманский А.П., Демин М.А.* Бронзовый инвентарь могильника эпохи поздней бронзы у станции Плотинная // Вопросы истории СССР. Барнаул, 1974. С. 3–14.
296. *Уманский А.П., Демин М.А.* Керамика карасукского могильника у ст. Плотинная // Некоторые вопросы истории СССР. Барнаул, 1974. С. 3–18.
297. *Фириштейн Б.В.* Антропологические материалы из разновременных курганных могильников Волгоградской области // Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975. С. 185–205.

298. *Фролов Я.В.* Обоснование современного состояния археологических памятников Усть-Пристанского района Алтайского края (Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая). Барнаул, 1995. С. 110–114.
299. *Фролов Я.В.* К вопросу о погребальном обряде могильников переходного времени от бронзы к железу на Ближний Елбанах // Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. к XXXV РАЭСК. Кемерово, 1995. С. 80–82.
300. *Фролов Я.В., Папин Д.В.* Материалы переходного времени от поздней бронзы к раннему железному веку из коллекции Н.С. Гуляева, собранной у с. Большая Речка в 1903 г., хранящиеся в АККМ // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая: Тез. науч. практ. конф. Барнаул, 1995. С. 88–91.
301. *Хабдулина М.К.* Степное Прииртышье в эпоху раннего железа. Алмааты, 1994. 170 с.
302. *Хлобыстина М.Д.* Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л., 1962. 32 с.
303. *Хлобыстина М.Д.* Бронзовые изделия Хакассо-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1963. 19 с.
304. *Худяков Ю.С.* Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980. 176 с.
305. *Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.
306. *Худяков Ю.С.* Процесс перехода от бронзовой к железоделательной технологии в оружейном производстве в Западной Сибири // Западно-Сибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 23–41.
307. *Худяков Ю.С.* Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. 192 с.
308. *Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В.* Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 г. // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 95–150.
309. *Ченских О.А.* Головные уборы андроновской культуры на Алтае (по материалам могильника Фирсово XIV) // Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока. Вып. XXXV. Кемерово, 1995. С. 65–67.
310. *Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 300 с.
311. *Членова Н.Л.* Датировка ирменской культуры // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 133–150.
312. *Членова Н.Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. 248 с.
313. *Членова Н.Л.* Суртайка — могильник Карасукской эпохи в предгорном Алтае // КСИА. № 134. М., 1973. С. 114–121.
314. *Членова Н.Л.* Раскопки могильника Камышенка на Северном Алтае в 1970 г. // Из истории Сибири. Вып. 15. Томск, 194. С. 112–119.
315. *Членова Н.Л.* Ирменское погребение с богатым инвентарем // КСИА. М., 1981. Вып. 167. С. 100–108.
316. *Членова Н.Л.* Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994. 170 с.
317. *Чиндина Л.А.* Изображения воинов из Среднего Приобья // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 87–97.
318. *Чиндина Л.А.* История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Томск, 1991. 184 с.
319. *Шамшин А.Б.* Памятники бронзового века Фирсовского археологического микрорайона (лесостепное Алтайское Приобье) // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 120–123.
320. *Шамшин А.Б.* Поселение Мыльниково — памятник финальной бронзы и переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 36–38.
321. *Шамшин А.Б.* Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзы к железу в Барнаульском Приобье // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 111–115.
322. *Шамшин А.Б.* Переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа в Барнаульском Приобье (VIII–VI вв. до н.э.) // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 116–129.

323. *Шамшин А.Б.* Погребальный обряд населения Алтайского Приобья в эпоху поздней бронзы и переходное время // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Ч. 2. Омск, 1992. С. 103–105.
324. *Шамшин А.Б.* Новоалтайское поселение // Алтайский сборник. Вып. XVII. Барнаул, 1993. С. 70–83.
325. *Шамшин А.Б.* Историко-культурная ситуация в лесостепном Алтайском Приобье в переходное время от бронзы к железу // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 87–89.
326. *Шамшин А.Б., Ведянин С.Д.* Поселение Обские Плесы I // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Тез. докл. конф. Ч. I. Барнаул, 1993. С. 163–167.
327. *Шамшин А.Б., Демин М.А., Навротский П.И.* Раскопки курганного могильника раннего железного века Михайловский VI на юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 60–68, 195–197.
328. *Шамшин А.Б., Фролов Я.В.* Исследования могильника эпохи раннего железа в окрестностях г. Барнаула // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул, 1994. С. 96–99.
329. *Шамшин А.Б., Фролов Я.В.* Новый грунтовый могильник раннего железного века в Барнаульском Приобье // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 99–102.
330. *Шилов Ю.А.* Прародина ариев — история, обряды и мифы. Киев, 1995. 742 с.
331. *Шульга П.И.* К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Часть II. Кемерово, 1989. С. 41–44.
332. *Яковлев Я.Л.* Паргинское городище 1 — памятник раннего железного века Среднего Приобья // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991. С. 115–143.
333. *Y.F. Kityushin, A.B. Shamshin.* Elunin cult place // Ancient culture in Asia. Acearomynxua. Ceyl, 1995. P. 497–511.

Содержание

<i>Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю.</i> Следы использования на каменных орудиях из погребений могильника на Старом Мусульманском кладбище	5
<i>Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Шамшин А.Б.</i> Могильники развитой и поздней бронзы на Ближних Елбанах	11
<i>Тишкин А.А.</i> Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их	20
<i>Степанова Н.Ф.</i> Погребения в каменных ящиках и их датировка	54
<i>Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М.</i> Бобровский грунтовый могильник	69
<i>Ведякин С.Д., Кунгуров А.Л.</i> Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы 2	88
<i>Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л.</i> Могильник раннего железного века Староалейка 2	115
<i>Фролов Я.В.</i> Грунтовый могильник раннего железного века Клениково 1	135
<i>Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л.</i> Курганы быстринской культуры в междуречье Бии и Чумыша	143
<i>Горбунов В.В.</i> Ритуальные захоронения животных кулайской культуры	156
<i>Казаков А.А.</i> К вопросу о формировании одинцовской культуры	166
Список использованной литературы	178

Погребальный обряд древних племен Алтая

Сборник научных трудов

Редакторы Ю. Кирюшин, А. Кунгуров
Технический редактор Д. Колдаков

Сдано в набор 15.10.1996. Подписано в печать 31.11.1996. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная марки "А". Печать офсетная. Гарнитура SchoolDL.
Усл-печ. л, 14,88. Тираж 300 экз. Заказ 127.

Типография Алтайского государственного университета:
656099, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66